РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

АЛЕКСЕЙ КИРСАНОВ

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ ЛАБИРИНТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Стас Латушкин, не слишком красивый, совсем не успешный и не очень счастливый в личной жизни системный администратор, назначает через Инет свидание девушке. Причем представляется на сайте знакомств вымышленным именем, неким Андреем, которого он «собирает» из нескольких личностей и наделяет столь привлекательными для слабого пола качествами. Каково же его удивление, когда этот самый Андрей не только присылает Стасу сообщение, но и является вместе с ним на романтическую встречу, давая таким образом старт череде совершенно невероятных событий.

Происходящему тесны границы одного мира и рамки современных представлений о науке. Оно переворачивает с ног на голову все, к чему Стас привык и на что опирался. Теперь ему не остается ничего иного, как попытаться соответствовать новой, почти героической реальности, меняя себя и решаясь на поступки, которых еще недавно он совершить был просто не в состоянии.

- Алексей Кирсанов
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7
    - ГЛАВА 8
    - ГЛАВА 9
    - ГЛАВА 10
    - ГЛАВА 11
    - ГЛАВА 12
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7
    - ГЛАВА 8

        - ГЛАВА 9
        - ГЛАВА 10
    - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
        - ГЛАВА 1
        - ГЛАВА 2
        - ГЛАВА 3
        - ГЛАВА 4
        - ГЛАВА 5
        - ГЛАВА 6
        - ГЛАВА 7
        - ГЛАВА 8
        - ГЛАВА 9
        - ГЛАВА 10
        - ГЛАВА 11
        - ГЛАВА 12
        - ГЛАВА 13
        - ГЛАВА 14
        - ГЛАВА 15
        - ГЛАВА 16
    - ЭПИЛОГ
- notes
    - 1
    - 2

Алексей Кирсанов
ПЕРВЫЙ СУДЬЯ ЛАБИРИНТА

Я войду в каждый лабиринт…

Из клятвы эссенса

ПРОЛОГ

За окнами замка бушует гроза. Дождь падает в море, словно пытаясь вытеснить его из берегов.

— Свидетель! — Голос гремит под сводами зала. — Что еще вы можете сообщить Трибуналу?

Молодой мужчина в отчаянии сжимает кулаки:

— Ничего, ваша честь.

Ничего.

Нет больше слов. Негде взять доказательств невиновности Риты: ни у вытканных рыцарей, равнодушно глядящих с гобеленов, ни у запертого в камине огня.

Все в черном, судьи выглядят надгробными памятниками. Лишь тени от свечей пляшут на лицах.

— Подсудимая!

Девушка, заключенная в железную клетку, поднимает голову.

— Суд считает вас виновной в нарушении Третьего Постулата Стандарта: *«Любые оздоравливающие воздействия на человека при состоянии его сущности, близком к терминальному, абсолютно противопоказаны».* Вы признаете свою вину?

— Нет, — тихо, но твердо говорит Рита.

— Вам известно, что в случае признания вины вы лишаетесь диплома без права восстановления?

— Да.

— А в случае непризнания будете подвержены очистительному огню?

— Да! — шепчет девушка и, разжав пальцы, медленно сползает на пол.

«Всего этого не может быть», — думает свидетель.

Гром за стеной извергает проклятья. Море раз за разом штурмует камень, но волны лишь рассыпаются брызгами.

Бесполезно.

— Вы можете изменить свое решение в течение двенадцати часов.

* * *

Экран ноутбука, будто по ошибке притулившегося на старинном дубовом столе, светится в полумраке кельи.

Молодой представитель Трибунала, облаченный в мантию, передает программисту, сидящему за клавиатурой, карточку с данными.

— Дэн, коллатераль на завтра.

— Маргарита… Палладина… — быстро набирает бледный черноволосый Денис. — Ей одну?

— А сколько есть?

— С утра будет портал в Ренессанс и в Долину.

— Готовь оба. Я не знаю, какой мир выберет ее сущность.

— Может, еще откажется?

— Исключено, — тихо говорит дознаватель. — Она уверена, что права. Еще один эссенциалист, считающий себя волшебником, а нас — инквизиторами.

Дэн не может сдержать усмешку:

— Артур, так мы и есть фактически… А парень — что?

— Свидетель, — вздыхает Артур.

«Жаль. Мог бы пригодиться», — думает программист.

* * *

Утро тихое и солнечное, будто не было грозы.

Тесный внутренний двор. Костер похож на бутафорский. Разновеликие вязанки хвороста и черный, грубо обтесанный столб.

Свидетель стоит в первых рядах зрителей, между распорядителем казни и ответственным за пожаротушение.

Рита внешне спокойна, держится. У ног ее разложены документы. К блузке прикалывают значок — серебряную паутинку, символ сущности эссенса. С ним Рита сразу выпрямляется и вскидывает голову.

От повторного предложения признать себя виновной девушка отказалась.

…А рядом за стеной два человека напряженно вглядываются в мониторы.

— Приготовиться! — произносит Артур.

Костер загорается.

Дэн приоткрывает одну за другой обе коллатерали.

Языки пламени мгновенно заглатывают разноцветные бумаги дипломов и сертификатов. Жар доходит и до свидетеля. Рита почти не шевелится. То ли не чувствует боли, то ли уже не ощущает себя живой.

Юбка и волосы давно должны вспыхнуть, но почему-то огонь пока лишь пляшет вокруг девушки безумный танец.

И свидетель не выдерживает. Кидается к ней. Понимая, что шансов никаких, что может лишь усилить мучения, что раньше надо было бороться, что он полный пень…

Он разбрасывает ногами хворост и пытается развязать веревки.

— Что он делает?! — кричит Артур, — портал ему, быстро! Значок на нем?

— Да что я, вижу, что ли?!

Дэн лихорадочно стучит по клавишам.

Свидетель тоже не чувствует боли. Значок на груди девушки блестит и мерцает. Руки молодого человека касаются ладоней Риты, и мир накрывает сетью ослепительных лучей…

— Открываю Долину! Ренессанс — точно не успею!

Денис заканчивает операцию и незаметно для Артура запускает функцию «конвертировать».

Друг друга сменяют картины…

Мегаполис. Многоэтажные дома, мчащиеся машины и здание поликлиники возле чудом уцелевшего островка леса.

— Сомневаюсь, что она выберет современность…

Напряженно вглядываясь в экран, Артур вытирает пот со лба.

Изображение пропадает. Появляется средневековый замок, лавки мастеровых, подводы с лошадьми…

Во весь экран вспыхивает серебряным изображение паутины.

— Она выбрала Возрождение! Черт! Может, можно его туда?

— Как? И на фига?

— Да он же любит ее! — вздыхает Артур.

Картинка меркнет, на мониторе вновь появляется современный город.

— Где паутина? Он без значка? Лови его, лови!

— Да блин!

Денис что-то делает, но изображение уже пропало.

— О, нет. Нет! — Артур молотит кулаком по столу. — Мы потеряли такого эссенциалиста!

«А мы — обрели», — улыбается про себя Дэн.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СТАС

ГЛАВА 1
Два профайла

Вот честно: не люблю фэнтези. Колдуны с шарами, вечно голодные вампиры, рыцари в консервных банках — не для меня. Я — человек практичный, реалист, без затей и параллельных миров. И профессия прозаичная до безобразия: системный администратор. Звучит гордо. Даже сейчас находятся кадры, которые думают, что это некий Мэн — серьезный, с золотым галстуком и волевым подбородком. Системный такой. Администратор! А я совсем другой. Джинсы и рубашка в клеточку. В пиджаке под столами не поползаешь, провода протягивая, пока тупые юзеры… извините, пользователи с высшим образованием, в отглаженных костюмах, восседают перед мониторами, жалобно скуля: «Стас, а почему у меня кнопка не нажимается, окошко не открывается, доступа в Интернет нету». Потому и «нету», что не подключил. А когда мне? Я в стрелялку играл. «Мочил» солдатиков, одетых в форму немецко-фашистских войск Второй мировой. Ничего фантастического. А Инет самому нужен. Сегодня Светке стрелку забиваю на сайте знакомств.

В тот вечер у меня оставался только один нерешенный вопрос: личная жизнь.

Наши аудиторы отправились по домам, а я торчал на мэйл.ру, предаваясь сочинительству. Пальцы выстукивали на «клаве» сообщения пользователю «Света, 23» (рост 162, волосы темные, кожа смуглая, пирсинг, тату — отсутствуют), хотя ей двадцать шесть. Все посетители сайта — «начальники с квартирами», «неженатые юристы-международники», красавицы «без детей и не старше двадцати пяти». Кому интересен системщик со среднетехническим образованием, половиной жилья и без мышечного рельефа под купленными на распродаже рубашками? Девчонки на работе утверждают, что я симпатичный, но, по-моему — врут. Кареглазые шатены чуть выше среднего роста встречаются на каждом шагу. Когда обрастаю — становлюсь кудрявым. В экстренных случаях надеваю очки. А зарплата, я считаю, нормальная. Для одного. Но хотелось бы Светку…

У меня два профайла: один — это я, два — это «региональный менеджер Андрей». Фотку нарыл на другом сервере, отредактировал, изменил имя, место жительства, профессию. Белобрысый красавец в бежевом костюме не может не понравиться девушке. «Вышка», квартира, иномарка и «разносторонняя развитость» прилагаются. С обаянием и юмором

сложнее, поскольку трудно хохмить «как другой человек». Меня Света знает слишком хорошо. Год назад админил в аптеке, а она пришла устраиваться фармацевтом. Как глянула на меня своими зелеными-зелеными глазами, промурлыкала что-то — мне сразу захотелось ее накормить «Китикэтом». Или погладить. Но тогда не решился. Полгода я был «просто другом», потом уволился. А недавно увидел ее анкету на сайте знакомств. Даже не поверил, что это она. У такой женщины не должно быть недостатка в поклонниках! А что мог предложить ей я?

Андрей получился серьезней, чем надо, но девчонкам все равно трудно угодить. Одним нужны оккультисты, курящие травку, другим — качки, «решающие вопросы». А мой слушает классику (не то что я — старый трэшер) и читает Цвейга и Мураками — для Светки старался.

Я все думал: какое образование ему дать? Только не юридическое — Светка сразу заподозрит подвох. Программисты уже всех достали, экономисты надоели мне на работе, инженеры… На этом легко засыпаться. Нужно что-то фундаментальное, высокооплачиваемое и чтоб я хоть чуть-чуть шарил. В конце концов сделал его менеджером. Придраться трудно, сейчас кого только не называют менеджером, доход тоже может быть разным. А если спросит, что да как, скажу… да хотя бы в фармфирме! Светка сама до сих пор в аптеке, поговорить будет о чем, если приспичит, и не ошибусь. Я там столько всего узнал, академий можно не кончать. А она будет думать, что учился в каком-нибудь меде.

Я не ошибся. Персонаж заинтересовал мою образованную, утонченную, ненаглядную Свету. Ну почему я не такой?!

Только трепаться и могу.

Разговор помню, как сейчас…

Андрей:

«Ты — чудо. Очень хочу тебя увидеть».

Света:

«А не боишься разочароваться?»

Андрей:

«Не боюсь. Я тебе верю».

Света:

«Доверчивый какой! Вдруг я стервой окажусь?»

Андрей:

«Нет. Я уверен, ты — хорошая. Что делаешь завтра?»

Света:

«Пока не знаю. Не придумала еще».

Андрей:

«Давай на лодке покатаемся?»

Света:

«Здорово! Сто лет меня никто не катал. А ты грести умеешь?»

Умею ли я грести? То есть Андрей, разумеется, грести умеет. Он спортсмен до кучи. Но на встречу-то пойду я!

Бог знает, на что я рассчитывал. Придумать на ходу какую-нибудь правдоподобную историю о том, как оказался на причале. Да девушку ждал — не пришла! У Светки-то та же ерунда выйдет.

Только надо было предложить водный велосипед! Не подумайте, что не смогу ворочать веслами. Я и спортом занимаюсь — бегом с препятствиями за автобусом на время. «На время», потому что скоро уволят такого старательного и пунктуального работника.

А кроме офиса куда торопиться?

Но боюсь, в роли гребца буду выглядеть э-э… весело. И «мускулисто». Сам напросился! Идиот!

Света:

«Что замолчал? Передумал?»

«Передумал!» Глюпый женщин!

Андрей:

«Что ты! Когда за тобой заехать?»

Я затаил дыхание. У меня нет машины. А если бы и была — что толку? Не могу же я изобразить за рулем Андрея! Именно поэтому я не предложил ни кафе, ни боулинг, ни кинотеатр. Но эти несчастные лодки швартуются прямо под Светиными окнами. Пешком — обойти вокруг дома и спуститься к озеру. А если ехать… Такого кругаля давать придется, еще и через мост топать. Или лесом… Она ведь разумная, должна сообразить!

Света:

«А давай на станции встретимся? Представляешь, я рядом живу, а там не бываю».

Молодец! Хорошая девочка. Стас, копи на тачку!

Андрей:

«Как ты хочешь. В 12 часов, ок?»

Света:

«Ладно, договорились».

Андрей:

— «Буду ждать!»

Света ушла с мэйл. ру.

Сердце бьется, как перед экзаменом. Мыслям тесно в голове… Неужели я завтра с ней встречаюсь?.. Счастливый, я закрыл сообщения. Потом — и дернуло ж меня! — вошел своим логином и, найдя страницу «Андрея», написал:

«Привет, Андрюха! А ты, я вижу, парень не промах! Рад, что не ошибся в тебе! Завтра в 12 — на лодочной станции!»

«Привет, дружище! В 12 — не могу, у меня — свидание»! — получил я ответное сообщение. Затем меня выкинуло с сайта.

Что-то я не понял. Это у меня — свидание! Кто это вообще написал?

Я попытался снова зайти на свою страницу, но Интернет не работал. Деньги кончились. Вот досада! Надо завтра оплатить. Хорошо еще, со Светкой успел списаться. А насчет «свидания» — глючат опять «знакомства». Они часто глючат. Однажды открываю «мои сообщения», а там вместо Стаса — Серафима! И куча мужиков в «контактах»! Я обалдел. А это внедрился кто-то. Такое бывает…

Все, выключаю комп и иду домой.

ГЛАВА 2
Свидание

Утром в субботу настойчивое солнце вырвало меня из лап ненасытного Морфея. Я сел на постели, пытаясь нашарить возле подушки мобилу. Вот она, время — 10.30. Ой-ей, надо шустрее! Вчера (то есть уже сегодня) еле уснул, все представлял себе вожделенное рандеву. Рывком поднявшись с дивана, прошлепал в ванную. Вру, сначала — в комнатку рядом. Но затем — точно в ванную. Из маленького зеркальца со стены на меня уставилась всклокоченная, полубезумная на вид физиономия. «Привет, мужик! Эк тебя скрутило!» — поздоровался я сам с собой и принялся намыливать лицо, если это можно так назвать. Минут через пятнадцать я шагал на кухню побритый и зубопочи… ну вы поняли. Мысли посвежели, ясность взора восстановилась. Я с первого раза увидел на столе банку кофе и отработанным движением нажал тумблер чайника. Хлеба… есть! Ну надо же! В холодильнике остался кусок «Маасдама». Вау!

Бутерброд крутился в микроволновке, а я отправился на разборки с гардеробом. С джинсами проблем нет. Посмотрим рубашки…

Клетчатая — грязная, черная — да ну ее, бордовая — великовата, а хочется выглядеть получше, остается синяя, моя любимая. Тем более что она теплая, а пиджак не надену даже под угрозой заледенения. Расческа — в кармане клетчатой, хорошо. Наведя на голове «прическу», я вновь метнулся на кухню, извлек «завтрак» из печки, чайник как раз вскипел. Еще несколько минут я метался по квартире со стаканом горяченного кофе в руке, но очков нигде не было. Наконец мой злой младший брат… Не подумайте, что он такой по жизни, но я разбудил его бизоньим топотом и призывными воплями — так вот именно он вышел мне навстречу, сжимая в вытянутой руке… очки, одним словом. Поблагодарив его сердечно, я вылетел из дома, остервенело хряпнув дверью. Ничего не поделаешь: привычка. У меня даже оставалась минута в запасе! Если мчаться, как на работу…

Совершив пробег по лесной дороге (предварительно не забыл купить цветы!), я вылетел на высокий берег озера. Внизу у воды — белая будка станции и штук двадцать лодок. Света уже на причале — вылитый котенок в полосатой кофточке. И, кстати, с букетом в руках! А это кто еще?!

Медленно спускаясь по тропинке, я таращился на ее спутника.

Она ведь пришла на свидание! К кому?! Рядом стоял мужчина в бежевом костюме: высокий, светло-русый, со спортивной фигурой…

— Mama mia! — прошептал я. В этот момент он поднял голову. Сомневаться не приходилось. Я сам искал фотографию. Из десятка вариантов выбрал именно эту.

— Андрей! — сдавленно выкрикнул я.

— Стас, здорово! Ну что ж ты опаздываешь!

Он улыбался, а у меня, наверное, закружилась голова, потому что я споткнулся и чуть не выронил цветы. Потом я снова взглянул на него. Ну да, Андрей, 29 лет, Водолей, региональный менеджер.

Возможно ли описать мое состояние?! Я же знаю: этого человека не су-ще-ству-ет! Я его придумал: и биографию, и увлечения, и манеру говорить — все-все. Не может он стоять здесь и называть меня по имени! Он — фантом!

И вот этот самый фантом, осклабившись своей «32-нормой», протягивает мне руку, а я ее пожимаю! На ощупь — теплый…

Может, сплю?

— Стасик, привет!

А это Светка… Она мне тоже снится?

— Что с тобой? Ты такой бледный… Андрей, он падает!

Дальнейшее помню смутно. Сознания я не терял, но коленки подогнулись, и, если бы не Андрей, я бы плюхнулся мордой в причал… Причалил бы, как пить дать…

На нас оглядывались мальчишки-швартовщики, и билетерша выглянула из будки, интересуясь, что происходит.

— Все хорошо! Пожалуйста, не беспокойтесь, — заверил ее Андрей.

С его помощью я уселся на бордюре, Светка махала на меня какой-то тетрадкой. Видимо, выглядел весьма кисло.

— Это, кстати, тебе, — выдохнул я, вручая Свете цветы, про которые успел забыть.

— Спасибо, Стасик! Красивые какие… Это лилии?

— А пес их знает…

Зачем цветы? У нее уже есть такие, только белые, а не розовые. Куда я пришел? Кто этот Андрей с чеширской улыбкой?

— И что дальше? — произнес я, рассматривая озерную гладь.

Андрей присел передо мной на корточки.

— Я так понял, у тебя что-то срочное?

— В каком смысле?

— Ну, ты сообщил, что встречаемся в двенадцать. Я написал: «У меня — свидание, давай на полчаса раньше». А с утра Интернет отрубился, и я не смог прочитать, что ты ответил,

пришел к одиннадцати тридцати, а тебя нет…

Это уже перебор, двадцать два.

— Я тебя первый раз в жизни вижу!

— Как…

Он заморгал так натурально, что я снова засомневался в реальности происходящего. Светка все это время прогуливалась по пристани.

— Слушай, ты кто? — устало спросил я.

— Ребята, не помешаю?

Вылезшее из-за облаков солнце отражалось в зеленых Светкиных радужках.

— Да, — встрепенулся Андрей, вскочив на ноги, — мы забыли о даме, а это неправильно. Какие будут предложения? Может, покатаемся все вместе?

— А что, давайте, здорово! — Света захлопала в ладоши. Вот женщина! Одного ей мало.

* * *

Лодка скользила… Как же! Двигалась рывками в водах озера Ангстрем, поскольку на веслах сидели мы с Андреем. Во-первых, тесно. Во-вторых, его плавные взмахи не сочетались с моими судорожными подергиваниями (других слов у меня нет). Аккомпанементом служило Светкино хихиканье.

Джером К. Джером отдыхает.

Не буду рассказывать, как нам отвязывали лодку, как Андрей зачем-то проверял уключины (они ж стандартные!). Как в кассе он пытался заплатить единолично, уверяя, что с *лучшего друга* не возьмет ни рубля. Естественно, я возмутился и часть денег ему отдал. *Я пришел на свидание с девушкой.* Хотя представлял это себе по-другому.

Ворочая веслом, я пытался собраться с мыслями. Андрей — парень с фотографии? Допустим, он увидел свою фотку в чужом профайле, узнал имя, подобрал доступ (если он модератор сайта, хакер, да мало ли кто еще) и прочитал мессаги Андрея. На моей странице фотка есть — вроде похож. Нетрудно узнать, где находится лодочная станция: у нас народ приветливый, отведут в лучшем виде. *Но прилетать сюда из Прибалтики, или откуда он, чтоб поприкалываться над моей особой?!*

А я ведь где-то там его нашел. Подальше залез.

Следовательно, это вряд ли хозяин фотографии. *Тогда кто?!*

По правому берегу тянулся пляж, по левому — завод полупроводников «Ангстрем». От него и получило название

данное водохранилище, величаемое жителями «озером». Водоем образовался за счет плотины, перегородившей речку Сходню. Парк Победы с каскадом фонтанов, лодочная станция — вот вам и место культмассового отдыха. На подходе к плотине — бетонные столбы. За них заплывать нельзя.

* * *

Пиджак Андрея лежал на скамейке рядом со Светой. Одной рукой она придерживала его, чтоб не пачкался о дно, другой обнимала оба букета. На коленях примостилась сумочка. А я уже взмок в синтетике.

— Ребята, так я не поняла, вы где познакомились? Ой, справа лодка!

Мы с Андреем оглянулись, и он быстренько вырулил, чтоб не врезаться. С лодки нам помахали.

— Так ты предупреждай заранее, мы ж не видим. И не «справа», а «слева».

Опять улыбка до ушей!

— Так это от меня слева. А от вас — справа.

— Нужно говорить по ходу движения.

Смайл.

— Мы вместе в школе учились, в детский сад ходили. Стас, помнишь, как в логопедическом здорово было? Мы «р» неплавильно выговаливали, — пояснил Андрей, — а когда познакомились… Сколько себя помню, он уже был. Да, Стас?

Люди, может, я с ума схожу? Ну откуда он знает про логопедический садик?

— А, так вы с детства дружите! Класс! А я думала, на сайте встретились.

Я тоже так думал. То есть ничего я не думал!

Андрей кивнул:

— На сайте случайно встретились. Последние десять лет почти не виделись — раз в год, и то не всегда. Оба трудимся, слишком заняты. К друзьям идешь, когда очень плохо или когда хорошо. А в ежедневной рутине некогда даже подумать о чем-то, кроме работы.

Интересная версия.

— Десять лет — это после того, как мы техникум окончили, — съязвил я.

— Кто окончил, а кто и нет. Значит, больше десяти. После первого курса мне объяснили, что есть такая профессия — Родину защищать.

Так он еще и в армии был! Я этого в анкете не писал.

— Андрей, а ты где служил?

Прямо-таки с уважением спросила. Мне вот, очкарику, не пришлось…

— В Мурманске, связистом-шифровальщиком. Штабной я. — Он опять улыбнулся.

Хоть это радует. А то как сказал бы — в Чечне…

— Интересно…

Как она на него смотрит! Неужели поведется? И откуда он взялся?!

— Где там столбы у нас? — небрежно поинтересовался я, поворачивая голову налево. Светка чуть привстала, вглядываясь вперед.

— Пока не вижу.

— Как мы медленно плывем, вроде плотина должна уже быть! — заявил Андрей. Хочет показать, что местный?

— Какой воздух чистый! — Светка прикрыла глаза и потянула носом. — Прелесть!

— Э-э… да ты что! Откуда в промзоне чистый воздух! Я там наладчиком работал, нанюхался.

— Стас прав. Когда с заводов дует ветер, жители тех домов, — Андрей кивнул на противоположный берег, — закрывают окна. И все равно в этом районе самая высокая заболеваемость.

И правда, здешний. Светка тут всего года полтора, она не в курсе.

— А вы разве не чувствуете? — Она подняла руки кверху, развела в стороны. — Легко же дышится.

Мы так и прыснули.

— Чего смеетесь, дураки! — Она опустила руку за борт, и на нас полетели брызги.

— Не-ет! Только не этой водой!

— Что ты делаешь?! — завопили мы одновременно.

— Да ну вас! Посмотрите лучше, как красиво! Горы!

— Какие еще горы!

Я огляделся, ища, что она имеет в виду.

Первое, что я увидел слева, — вереницы гор. Справа — вереницы гор. Впереди — завесу тумана. А далеко-далеко сзади — мост, под которым мы недавно проплывали.

— Не понял…

Андрей тоже перестал грести и посмотрел по сторонам.

— Ух ты! Красота какая! И правда — горы!

— Какие, на хрен, горы! — заорал я, размахивая руками, — откуда в Подмосковье горы?! Где мы?!

ГЛАВА 3
Метаморфоза

— Чему вы радуетесь? Мы что — все вместе обкурились?

— Стасик, не переживай так… Пожалуйста!

— Должно же быть какое-то объяснение, — нерешительно сказал Андрей.

— Объясняй! — буркнул я.

Мы дружно вздохнули. Да уж, ситуация! Плыли себе, плыли в черте города средней полосы, до Москвы сорок минут транспортом. И вдруг — нате, здрасте! Горные склоны, поросшие кустарником, снежные вершины в облаках. По берегам тоже кое-где снег. А река сузилась, и течение здесь быстрое. После вялого Ангстрема — прямо Терек какой-то. Пушкин на Кавказе, блин! Нет, я не против красивого пейзажа. И двумя руками за экологию. Просто не люблю ирреальности.

— Стас, может, попробуем причалить? Тяжеловата байдарочка…

— Куда?

Будто назло нам, берега пошли почти отвесные. Едва удавалось рулить в узком тоннеле. «Как в колее», — подумал я. Туманная завеса почему-то не приближалась.

— Быр-быр! — проговорила Света. Я обернулся.

— Мерзнешь?

— Угу! Холодно! Вот так теплокровные животные и вымерли!

— Надень вон его пиджак…

Все польза будет от этого подозрительного типа.

— Кто вымер?! — спохватился вдруг я.

— Где — здесь? — растерянно переспросил Андрей.

— Я! Сейчас вымру! Можно, Андрей?

— Вымирать?!

— Пиджак! — Светка глянула на Андрея то ли жалобно, то ли сочувственно.

— А… Конечно, бери!

Света бросила сумочку на скамейку, а я машинально взял у нее букет. Пиджак она просто накинула себе на плечи.

Перепутала теплокровных с динозаврами. Ну что ж, бывает.

— Надевай как следует. И пуговицы застегни, — сказал я, при этом отметив преимущество мужчин в пиджаках. Хотя Андрею, наверное, не жарко.

Занявшись пиджаком, мы не заметили, как завеса тумана исчезла, а Ангстрем снова стал Ангстремом, а не Арагвой. Будто

и не было ничего. Удивительные метаморфозы творятся… Но странное дело, мы возвращались к лодочной станции! С противоположной стороны, как если бы сделали круг. Но ведь мы все время плыли по течению! А вернулись — тоже по течению…

— Как это возможно? — шептал я, не в силах отвести взгляда от белой будки. Надо ли говорить, что от гор не осталось и следа. Вокруг был привычный город. Хотя…

— А что *это*?

Глядя на то же, что и я, Света медленно ткнула указательным пальцем в сторону огромного, наполовину стеклянного здания, голубовато-зеленой шайбой возвышающегося по левому берегу. Я давно не был на озере. Но сегодня утром строения не заметил. Хотя я ведь был так поглощен Андреем… А Светка? Она тут живет! Тоже не видела?

— А, это? Да аквапарк вроде, — невозмутимо отозвался Андрей, продолжая грести.

Мы молча воззрились на него. Ну да, конечно. Строительство комплекса велось, но когда успели закончить? Пока мы плавали?! Фантастика!

Причалив, мы вылезли на берег и, не сговариваясь, направились к будке. Разговаривать не хотелось. Андрей забрал свой паспорт, отданный в залог, — кстати, обычный российский паспорт.

— Как теперь поступим? — спросил я без особого энтузиазма. Настроение испортилось. Необъяснимые вещи всегда действовали на меня негативно.

— Ребята, вы не обидитесь, если я — домой? Голова что-то болит, — жалобно протянула Света. Что ж, я ее понимаю.

— Устала? — заботливо спросил Андрей, — жаль, конечно. Но ничего, созвонимся. У меня твой телефон есть, а вот мой.

Он протянул ей визитку. Света поблагодарила, пряча ее в сумочку.

— Стас, держи и ты, я теперь квартиру снимаю. Звони!

Я машинально взял такую же белую с золотым карточку. На ней был номер мобильного, а ручкой дописан городской — видимо, в съемной квартире, начинающийся на семьсот тридцать восемь. «Новый город», — автоматически отметил я и хотел уже убрать визитку в карман. Но в глаза мне бросилась фамилия.

«Латушкин Андрей Николаевич», — гласила надпись.

Дурдом продолжался.

Я сам — Латушкин. И тоже, кстати, Николаевич. Отчество распространенное, а вот фамилия… На весь город — всего двое, я точно знаю. Кроме Станислава Латушкина существует только Латушкин Кирилл, мой брат. Наши родители живут в другом

городе.

Я с подозрением взглянул на Андрея, тот вроде и не замечал ничего. «Ты что, мой тайный родственник?» — так и подмывало спросить. Но почему-то удержался.

Так мы и дошли до Светиного подъезда. Она попрощалась и убежала. Андрей Латушкин предложил меня подвезти, но я отказался. Хватит на сегодня, сам дойду.

Шагая по лесу, я немного пришел в себя. В конце концов, ничего же не случилось. Ну, пообщался с фантомом. Ну, покатались на лодке с заездом в некий заповедник. И невредимые вернулись домой. Как говорили зверюшки в одном советском мультфильме: «И никого не встретил». Нормально все. Фамилия? Да мало ли…

Сейчас приду — спать завалюсь. Нет худа без добра.

Не тут-то было…

Выходя из леса, своего дома я не увидел.

Сначала не понял ничего. Ускорил шаг, вытягивая шею. Наша одноподъездная башня всегда выглядывает из-за верхушек сосен. Сейчас же ее просто не было. Страшная догадка осенила меня. Подходя ближе, я все еще надеялся, что ошибаюсь. Но вот уже показались развалины…

Боже! Не может быть. Теракт! Взрыв! Там же люди! Кирюха!

Я побежал. Возле останков здания, груд раскрошенного бетона и битого стекла, возились какие-то мужики — рабочие, по-видимому. Один совсем молодой, другой в возрасте, бородатый.

— Что?! Что случилось? — внезапно охрипшим голосом спросил я.

Двое работяг с лопатами абсолютно равнодушно покосились на меня, ничего не ответив. Как же так можно!

— А «чо случилось»? — отозвался третий из кабины бульдозера, — не видишь — дом снесли.

И двинул заревевшую машину прямо на развалины.

— К-как «снесли»? — пролепетал я, лихорадочно оглядываясь. Ни одной «Скорой». Ни милиции, ни МЧС. Только рабочие.

— Как-как! — грубо передразнил один с лопатой, тот, что помоложе, — как по всему городу сносят. По плану.

— Двадцатидвухэтажку?!

Да что они, издеваются! Что тут происходит?

— Нет, почему же. Пяти. Это вон, в одиннадцатом, — второй мужик кивнул на микрорайон через дорогу, — двадцатидвух. А тут старенькие дома были. Ты не местный, что ль? Ищешь кого? Так в жилищный муниципалитет обратись или в паспортный стол. Всех уж неделю как переселили, — деловито разъяснил он,

высморкавшись в пыль.

На лице второго парня явственно читалось: «Ходят тут всякие лохи»…

Может, на свете и есть эмоции, которые годятся в данном случае, но у меня они на сегодня закончились.

«Неместный». Чудненько. Пятиэтажка? В двенадцатом районе? Супер. Всех переселили неделю назад? Замечательно.

Не считая того, что в этом городе я родился и живу уже без малого двадцать семь лет и большую часть из них — на тринадцатом этаже дома, который у меня на глазах сгребают бульдозером. Причем утром я из него вышел — отнюдь не из пустующего. Да еще он на поверку оказался пятиэтажкой…

— Поберегись! — крикнул первый мужик с лопатой. Бульдозер рявкнул и развернулся. Я на негнущихся ногах отошел в сторону. Потом медленно повернул голову вправо, затем — влево.

Башни, которые стояли вокруг, не были привычными мне с детства. Это были стартовые дома нового типа, украшенные радостным оранжевым и зеленым орнаментом, такие сейчас возводят на месте снесенных. Значит, наш дом был последним. Теперь здесь тоже построят стартовый.

Шизофрения. Галлюцинации и бред. Психдиспансер. Я буду изолирован от общества. Не смогу работать.

Медленно спустившись с возвышенности, на которой раньше стоял дом, к детской площадке, я сел на скамейку. Может, еще не все потеряно? Может, переутомление, стресс? В конце концов, есть же современные антидепрессанты, транквилизаторы…

Вынув из кармана мобильный телефон, я набрал номер брата.

— Але! Кирилл!

— Ну? — послышалось недовольное сонное бурчанье.

— Ты где? — упавшим голосом спросил я.

— Дома! Сплю я! — раздраженно ответил брат.

Я повернулся лицом к развалинам. «Дома»?

— Ну, чего тебе надо? — нетерпеливо воскликнул Кирилл.

— Да нет, все нормально, — почти прошептал я и отсоединился. По крайней мере с ним все хорошо, чего не скажешь обо мне. Я вытер пот со лба. Может, сразу вызвать «Скорую»?

Тут мобильник зазвонил.

— Стасик! — почти плакала в трубку Светка. — Ты очень занят?

— Нет, не очень, — моментально пришел в себя я. — Что там у тебя?

— Ты можешь прийти? — всхлипнула она.

— Конечно! — вскочил я. Похоже, плохо не одному мне.

— Послушай, а ты… где? — вдруг спохватился я.

— Дома! Приходи, пожалуйста!

— Иду! Давай!

Все-таки что-то происходит. И не только со мной. Как хорошо, что она позвонила! Уж не знаю, что там у нее стряслось, но по крайней мере это позволит мне не думать какое-то время про психушку.

ГЛАВА 4
В гостях у Светы

Все-таки в гости иду. Не зарулить ли в магазин? Но все дело в том, что по магазинам я хожу долго и обстоятельно. Со мной никто не выдерживает. Ну не привык я хватать первое попавшееся, предварительно не обдумав: а стоит ли? А это ли мне нужно? А нет ли чего поинтереснее? А вдруг вон там, через дорогу, в два раза дешевле? Нет, я не жадный. Но ведь в случае меньшей цены можно на одни и те же деньги купить гораздо больше! К счастью, на моем пути была лишь палатка, а не супермаркет. Иначе проторчал бы до вечера. А так — купил только коробку зефира в шоколаде, двухлитровый пакет персикового сока, две банки «Джин-тоника», связку бананов и большую коробку мороженого со сгущенкой. А больше там и не было ничего. Путевого.

Дверь мне открыла Света. Лицо у нее было бледное, глаза казались огромными. Рядом вертелась беленькая кудрявая девочка лет четырех-пяти. Я не успел поздороваться, как ребенок звонко спросил:

— Мама, а что это за дядя?

Вот тебе на! А я и не знал, что у нее есть дочь! Думал, может, племянница.

— Это дядя Стасик, — слабым голосом ответила Света.

— Привет! — Я присел на корточки. — А как тебя зовут?

— Катя! — с важным видом ответила кроха.

— А мы сейчас будем есть бананы! — уверенно заявил я, достав из пакета гроздь. Знал бы, что ребенок, — «Киндерсюрприз» купил бы.

Мы дружно потащились на кухню. Я выудил из пакета гостинцы. Катя с одобрительным возгласом сразу же завладела мороженым. Света сидела на табуретке, терпеливо дожидаясь, пока я вымою бананы. Обычно она более деятельная.

— Дай тарелочку! — попросил я.

Она встрепенулась и, шагнув ко мне, достала из шкафчика над мойкой голубую пластмассовую миску и три широких бокала из толстого стекла. Я сам такие люблю: устойчивые и смотрятся хорошо.

Через десять минут Катя, слопав половину зефира и выпив изрядное количество сока, удалилась с бананом в комнату — играть на компьютере в «живое яйцо». Не знаю, что за игрушка, — не резался.

Светка до сих пор молчала. И лишь сделав глотка три из банки, произнесла изменившимся голосом:

— Ты видел ее?

— Кого? — не понял я.

— Катю!

Света пытливо и, как мне показалось, настороженно посмотрела на меня. Ну, чего уж теперь! Подумаешь, страшная тайна!

— Видел. Милый ребенок. Сколько ей?

— Вроде пять.

— Точно не помнишь, да? — попробовал пошутить я.

— Точно *не знаю.* Она сказала, что ей пять лет.

— Так она тебе что, не родная дочь? — удивился я.

Надо же! Не знал, что в наше время вот так просто усыновляют детей. Светка же молодая еще, могла бы своего родить.

Я с интересом смотрел на нее. Света встала, походила по кухне. Потом вышла на балкон. Да чего она переживает-то? Из-за Андрея, что ли? Влюбилась уже, планы строит?

Я сразу сник. Как ни странно, меня не смутило неожиданное появление ребенка. А вот мысль о сопернике моментом выбила из колеи.

Света вернулась и, усаживаясь, подвинула табуретку поближе ко мне.

— Стас, значит, я не сумасшедшая, раз ты тоже видишь Катю?

Я опешил.

— А почему…

И тут неожиданно сообразил. Разрушенный дом… Кирилл, находящийся неизвестно где, но спокойно говорящий со мной по телефону…

— Не хочешь ли ты сказать, что видишь Катю первый раз?

— Вот именно! Когда я шла утром на свидание, у меня еще не было дочери. А теперь она таинственным образом появилась. Я думала, что мама с Маринкой шутят, что это к соседям родственники с девочкой приехали.

— И что, нет? — заинтересовался я. Да и как я мог не интересоваться, когда такое творится!

— Она у меня в паспорте записана. Как дочь.

Я обалдело смотрел на Светку.

— А ты что, сразу проверять полезла? — только и мог вымолвить.

— Не проверять, — вздохнула Светка, — мне бы и в голову не пришло проверять, я не сомневалась, что мои прикалываются. Просто Маринка попросила карточку на проезд. А я проездной

всегда кладу в паспорт — не мнется и доставать удобнее, чем из кошелька. Ну вот, я полезла и наткнулась…

— На запись? — зачем-то уточнил я, хотя и так все было ясно.

— Угу, — жалобно промычала Светка, — какой-то ужас!

Я ничего не понимал. Но ведь еще классик сказал, что с ума сходят поодиночке, а не скопом!

— Знаешь, а у меня дом рухнул! — сообщил я, чтоб хоть как-то ее подбодрить.

— Как?!

Широко распахнутые Светкины глаза раскрылись еще шире.

— Да вот… Прихожу, а там — бульдозер развалины сгребает. А рабочие говорят: пятиэтажку снесли.

— А! — засмеялась Света. — Я уж испугалась!

— Я тоже. Я же в башне живу, в двенадцатом. Жил, вернее..

— Ой!

Она, пораженная, замолчала.

Некоторое время мы, не говоря ни слова, прихлебывали «Джин-тоник». Тишину нарушали лишь доносящийся из комнаты писк компьютерной игры да периодические Катины возгласы — возмущенные или довольные. Я понимал, что Света ждет от меня помощи, поддержки, ответов на вопросы, каких-то действий. Но лишь упрямо рассматривал красноватый рисунок обоев. Блин! Надо же что-то предпринять! Но что?

Я обвел взглядом крошечную кухоньку, словно пытаясь найти решение. Но ни белый чашеобразный абажур, ни холодильник со множеством прилепленных магнитиков — фруктов, снеговичков, домиков, — ни странная четырехконфорочная плита, ни бархатный фиолетовый бегемотик, сидящий передо мной на столе, помочь мне не желали. Я взял бегемота и чуть встряхнул. Внутри пересыпались шарики силикагеля. Потом вновь посмотрел на плиту. Интересно…

— Свет, а почему у вас плита газовая? — медленно произнес я.

Сидящая к плите спиной Светка резко обернулась. Потом вскочила, оглядела конфорки, коробок спичек вверху на полочке и висящую на крючке красную кремниевую зажигалку.

— Не знаю… — изумленно протянула она, встретившись со мной взглядом.

Почти во всем городе плиты электрические. Газ — только в старых кирпичных домах у вокзала. В наших районах его сроду не было.

Что же это такое, а?

Я твердо уверен: ничего нелогичного не бывает. Все объяснимо. У любого явления есть причина и следствие. А если

явление нереально? Абсурдно?

— Слушай, — мне в голову пришла мысль, — ты не могла бы осмотреть квартиру и выяснить, что не так? Что изменилось? Может, кроме плиты еще какие-то вещи пропали или появились?

— Кроме плиты и ребенка, — мрачно сказала Светка, — угу, сейчас проверю.

Она отправилась проводить ревизию в трех комнатах, ванной, туалете и коридоре, а я пошел взглянуть на Катю. Для своих лет ребенок довольно ловко справлялся с витиеватой аркадой, вовремя успевая перепрыгивать полувылупившимся цыпленком через пропасти и стрелять из немаленьких размеров пистолета. Девочка не обращала на меня внимания, и я с интересом разглядывал ее серьезное личико. На Свету Катя почти совсем не похожа. Вот разве что разрез глаз — чуть раскосые — и брови так же хмурит. Интересно, кто наградил ее белокурыми волосами?

Странно, что я уже думаю так, будто ребенок появился естественным путем, а не возник из воздуха.

Вернулась Светка, и мы ушли на балкон курить. Вернее, курила она, я-то бросил два года назад.

— Вроде ничего не откопала. Только Катькины вещи — раньше же их не было. А теперь половина гардероба забита детскими шмотками. И игрушек здоровый ящик, в основном — пистолеты, роботы, конструкторы. Динозавры еще. Жутики всякие, — засмеялась Светка, выпуская дым.

— Бегемот тоже ее, — зачем-то уточнил я.

— Нет. Бегемот, видимо, Маринкин. Катька спрашивала разрешения его взять. Тут как раз ты пришел, и она про него, слава богу, забыла.

— Почему «слава богу»?

— Маринка ужасно злится, когда ее вещи таскают.

— Понятненько.

Хотя ничего мне не понятно. Совсем.

— Интересно, у Андрея тоже чудеса творятся? — спросила вдруг Света.

Ха! Андрей. Я про него успел забыть. Он сам то еще чудо, этот Андрей. Непонятно откуда взялся. Наверное, тем же манером, что и Катя.

— Стасик, а чему ты так удивился? Когда нас на пристани увидел?

Вот вопрос! Рассказать ей? Но тогда придется признаваться в своей глупости. В том, что общался под чужим именем.

Меня спасла Катя. Она пришла на балкон и заявила, что хочет пойти на карусели.

— Пошли с нами? — Света выжидающе смотрела на меня. В

другое время я бы — с удовольствием. Но сейчас я не готов отвечать на ее вопросы. Да и на работе давно пора обновить одну прогу…

В общем, я счел за благо ретироваться. Честно говоря, все происходящее уже порядком достало, хотелось оказаться в привычной обстановке. Надеюсь, хоть офис никуда не делся и там не появилось неизвестных типов, таинственных детей и удобств на улице.

Договорившись, что будем звонить друг другу, как только что-нибудь прояснится или, наоборот, — случится еще что-то экстраординарное, мы пожелали друг другу удачи. Катя на прощание посмотрела на меня сердито и отвернулась. Ну извини, ребенок. В следующий раз.

ГЛАВА 5
Вынужденная необходимость

Полупустой автобус подошел моментально. Я плюхнулся на сиденье «для пассажиров с детьми» и от нечего делать принялся глазеть в окно. А посмотреть было на что.

Город изменился. Мы ехали обычным маршрутом, и места я узнавал. Но возникало ощущение, будто не был здесь несколько лет. Дома сплошь высотные, нижние этажи заполнили витрины бутиков. Это в нашем-то маленьком зеленом городке! Машин — море, проезжая часть расширилась в два раза. Не видно ни леса, ни прудов, ни скверików.

Наконец мы приехали. При выходе из автобуса бросился в глаза просторный новенький павильон с красной буквой «М» над входом. Вот, значит, как. Что ж, метро — это плюс.

Институт, в котором наша контора арендовала помещение, торчал на старом месте. Не спеша радоваться, я быстрым шагом вошел в проходную. Машинально предъявил охраннику пропуск. Он без проблем пропустил меня. Лифт тоже ничуть не изменился — ни снаружи, ни внутри. Лишь когда дверцы закрылись, я осторожно взглянул на пропуск. «„ООО Аудит-В“. Латушкин Станислав Николаевич. Системный администратор». И моя морда без очков. Что ж, все как прежде.

Настроение значительно улучшилось. Выйдя из лифта, я увидел нашу обшарпанную дверь с неизменной серой с синими буквами табличкой, приблизившись, сунул карточку в прорезь. Замок сработал.

Внутри громоздились все те же компьютерные столы, в углу высилась пирамида из неразобранных ящиков с новенькой аппаратурой, на стенах — недавно приклеенные пенопропиленовые панели.

Я закрыл дверь и с наслаждением устроился в кресле. Неужели я наконец «дома» и можно расслабиться?

Побездельничав минут пять, врубил радио — крутилась современная попса — и почти с удовольствием принялся за рутинную работу. Вот что форсмажор делает с человеком!

Ковыряясь в недрах харда и софта и чувствуя себя совершенно счастливым, я не заметил, как стемнело. Охранник пришел выдворять меня из помещения. Такие уж дурацкие порядки в нашей фирме! Основную работу админу удобно делать именно вечером, а то и ночью, когда пользователи ушли по домам. А тут — никакой свободы действий. Выметайся — и точка.

Хоть будни, хоть праздники — все равно. Не то чтобы меня это очень раздражало, но и восторга не испытывал. Сегодня же мысль о том, чтобы выйти в ночь, в неизвестность, повергла в ужас. Я ведь понятия не имею, где мне теперь жить.

Спускаясь по лестнице — не люблю вниз на лифте, — я пытался соображать. Если предположить, что новый мир — а приходилось воспринимать окружающее именно так — принес с собой все закономерности старого, у меня должны быть какие-то документы. Ордер. Свидетельство о собственности. Договор найма. Да фиг знает что. Но все эти бумажки не таскают с собой. Их держат дома, в коробке из-под конфет. В секретере. В ящике стола. На дне сундука, в конце концов. Только не в карманах! А что носят с собой?

Паспорт с записью о прописке.

Я машинально хлопнул себя по единственному карману рубашки. Мой паспорт всегда лежит там, поскольку никаких сумочек-барсеток я в жизни не носил. Потеряю обязательно. А в пакет документы совать не хочется. Мало ли? Порвется. Потеряются. Вытащат.

Я почти не удивился, когда на обычном месте паспорта не оказалось. Главное, не могу вспомнить: брал я его утром или нет?

Зато правый карман штанов привычно оттягивала тяжелая связка ключей.

Я вышел из здания и остановился под фонарем, рассматривая ключи. По крайней мере четыре из шести я видел впервые. В том числе — плоскую домофонную «пуговицу». Знать бы еще, «где эта улица, где этот дом».

Что делать? Не болтаться же по ночному городу без документов! Так и в «обезьянник» недолго загреметь. Вот и решится проблема ночлега… Хмыкнув, я сунул ключи в карман. Нет уж, не хочется.

Буду звонить Кирюхе. Конечно, непросто объяснить, почему я не помню нашего адреса. Не знал, не знал — и забыл. Ну, бывает. Договорюсь как-нибудь.

Я позвонил.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», — без эмоций сообщил голос.

Да твою мать!

Я сел на скамейку у метро. Кстати, интересно: куда ведет ветка?

Несколько раз набрав номер брата — все тщетно, — я хотел было уже войти в павильон, как вдруг вспомнил про визитку Андрея. Белый прямоугольник с золотыми буквами был на месте. Возможно, правильнее — звякнуть кому-нибудь из друзей и

напроситься в гости. Но это опять вопросы и объяснения.

Я вертел в руках мобильник, не решаясь на безумный и совершенно не характерный для меня поступок. Звонить этому… Да еще набиваться! Но не к Свете же возвращаться.

Я набрал длинный номер сотовой связи. Андрей взял трубу сразу же.

— Стас! Как хорошо, что ты позвонил, — послышался его радостный голос. Вот идиот!

— Привет! — буркнул я. И замолчал, не зная, как направить разговор в нужное русло.

— Слушай, Стас, — неуверенно начал Андрей, — мне неловко тебя просить, да и поздновато, наверное, но раз уж ты звонишь…

— Да? — Я сразу навострил уши.

— Я тут себе компьютер обновил, а видеокарта не работает. Ты не заглянешь? Заодно посидели бы, отметили встречу! А то сегодня как-то смазано получилось…

Ну вот, как просто все.

— Диктуй адрес и как доехать! — вздохнул я.

Он нескончаемо долго изливал благодарности, прежде чем смог внятно объяснить, где искать его жилье.

Ну, держись. Я тебя выведу на чистую воду!

Добираться нужно было на метро. Малюсенький город смог вместить аж три станции, которые теперь продолжали Замоскворецкую линию от «Речного вокзала». Я сел на «Крюковской». Андрей жил на конечной — «Андреевской». Каламбур позабавил: рядом с новым городом, где обосновался мой «друг», действительно находится поселок Андреевка. Вернее, он был в том старом мире. Значит, остался и в этом.

Выйдя из метро, я принялся разыскивать корпус 1645, когда позвонила Светка.

— Стасик…

— Угу?

— Ты просил сообщать, если… что-нибудь важное.

— Ага!

— Не знаю, насколько это имеет значение…

Да чего она мнется-то?

— В общем, тот бегемот, ну, сиреневый, помнишь?

— Угу.

— Он не Маринкин, — выдохнула Света.

— А чей?

— Она говорит, что… Что это ты подарил его мне!

Оба-на.

Конечно, я ничего ей не дарил, но…

Я видел такого бегемота. В нашем супермаркете, куда я регулярно хожу, есть, как и во всех крупных магазинах, автомат с игрушками. Бросаешь жетон и с помощью рычага управляешь «хваталкой». Если наловчиться, можно достать какую-нибудь зверюгу. Некоторые «спецы» целыми сумками таскают. Бегемот лежал там в дальнем левом углу. Он чем-то нравился мне, и я не раз представлял, как подарю его Светке. Ну, вот такие у меня странные фантазии. Как-то даже купил жетон, но поймал страшную зеленую собаку. Валяется где-то на полке. В доме, который снесли.

— Ну, что молчишь?

Да язык проглотил, вот что.

— Ну, пусть это будет мой подарок! — засмеялся я наконец. В самом деле, не так уж далеко от истины.

* * *

Андрей открыл дверь, улыбаясь до ушей. Увидев две бутылки пива у меня в руках, улыбнулся еще шире. А я-то думал, что он совсем «правильный» и пить не будет. Взял просто для приличия.

E-mail.
Объект вступил в контакт с донором.
E-mail. Re.
Продолжать наблюдение.

Андрей даже дома был отвратительно отглаженный, причесанный, только что не набриолиненный. И квартира (даром что съемная) сияла, как выставочный экспонат. На зеркале в прихожей — ни пятнышка. Лампочки утоплены между панелями потолка. На полу — ковер. Это на входе-то! Впрочем, обувь хозяин попросил снять у порога. На стенах — обои бежево-золотистых тонов. Видел я такие на строительном рынке. Даже по оптовой цене — ну очень дорогие. В ванной на плечиках сушились ослепительно-белые рубашки. Неудивительно: балкон выходит на шоссе, этаж второй — запылятся. Краем глаза успел заметить навороченную стиральную машину на тысячу семьсот оборотов и мощный водонагреватель. Что ж, разумно. В понедельник отключат горячую воду.

«Друг» пригласил меня в такую же «показательную» комнату с современной, слишком удобной мебелью, а сам исчез на кухне, отказавшись от моей помощи. Я боялся увидеть стол под белой

крахмальной скатертью, к счастью, она оказалась клетчатой тефлоновой. Почти всю стену занимал книжный шкаф. У окна на тумбе располагался большой музыкальный центр. Нехило он устроился, этот Андрей. В противоположном углу притаился столик с компьютером — предлогом для визита. Над ним под стеклом висел какой-то документ. Я приблизился и прочитал:

«Диплом. Лига Эссенс. Латушкин Андрей Николаевич». Это еще что за хрень? Какая-нибудь спортивная награда? И ниже: «Корректор первого звена». Что-то совсем непонятное. В нижнем углу, где обычно рисуют печать или эмблему, красовалось изображение паутины. Мне почему-то стало не по себе.

Вернулся хозяин с лобстерами. Так он назвал этих, красных с клешнями. Я заикнулся было о компе, но Андрей замахал руками и потребовал, чтоб я сначала оценил его кулинарный талант. Придется-таки есть в его доме? Вроде он мне не враг. Но и не друг, хотя утверждает обратное.

— Ну, за встречу? — Хозяин, улыбаясь, поднял бокал с «Зеленоградским». Я сделал ответный жест, он отхлебнул. — Очень хорошее пиво!

— Да, ничего, — согласился я.

Эх, разговоры — потом. Есть хочется. Я же за целый день, кроме бананов и мороженого, ничего не жрал.

— Уютно у тебя тут, — заметил я, ковыряясь с клешнями.

— Да? Спасибо, — улыбнулся Андрей, ловко разламывая ракообразного. — Специально искал без мебели, так дешевле. И ремонт сам делал.

Угу. Подвесные потолки, конечно, дешевле. И диван этот явно не из ДСП. Сколько же он зарабатывает своим менеджментом? Стоп, а с чего я взял, что он — менеджер? Сам придумал?

— Так ты где трудишься? — спросил я как можно естественнее.

— Менеджером в фармфирме. Да ты рассказывай, как у тебя? Все там же, в аптеке? Не хочешь к нам?

А! Ну, значит, правильно я его в менеджеры зачислил.

— Да меня пока все устраивает.

Наконец удалось расколоть дурацкую клешню. На вкус лобстер был приятным, нежным, но я как-то предпочитаю раков. Тем не менее счел необходимым блюдо похвалить. Чем вновь вызвал сияющую улыбку хозяина. Он что, всегда такой позитивный?

— Андрей, а что такое «Лига Эссенс»? — решил спросить я.

Эффект был потрясающий.

Андрей вздрогнул, как от удара, и, чуть не выронив бокал,

впился в меня взглядом. Улыбку как ветром сдуло.

Я растерялся.

— Там… под стеклом у тебя…

— Ах, да. Диплом. — Он снова улыбнулся, но уже как-то грустно. — Стас, я расскажу тебе. Потом. Хорошо?

Он снова принялся за лобстера.

— Хорошо, — пожал я плечами. Вот ведь, и у него, похоже, проблемы. Но меня больше интересуют мои собственные. Попробую зайти с другого конца.

— А ты Свету давно знаешь?

Может, так удастся добиться истины?

Андрей явно обрадовался перемене темы.

— Стас, ты не поверишь, — принялся он оживленно рассказывать, вновь наполняя бокалы, — я с ней на сайте познакомился.

Хм. И не поверил бы, да…

— Что характерно, я вообще знакомиться не собирался. А уж тем более — по Интернету.

Здесь я с ним солидарен. В Инете можно хорошо нарваться. Светку ведь я знал раньше, иначе ни за что б не стал писать. Серьезно. Поприкалываться — другое дело.

— Ну вот. А тут вдруг… Где-то месяц назад. Как меня что-то толкнуло. Дай, думаю, зайду. У нас на работе народ любит сидеть на «Знакомствах», когда время есть. А я раньше не увлекался. А тут взял и сделал страницу, заполнил анкету. И будто мне диктовал кто-то, — смущенно прибавил он.

Я снова почувствовал себя не в своей тарелке. Диктовал, говоришь?

— Почему я выбрал именно Свету, сам не знаю, — продолжал Андрей, — но неплохая девочка. Умная, красивая. Милая.

Ишь ты! «Неплохая»!

Я начал закипать. Все равно ничего не понятно. Как узнать: имеет он отношение к фотографии? То есть к человеку с фотографии? Как же его звали? Да я и не посмотрел, по-моему. Надо вспомнить что-нибудь, что было в той анкете и чего я не приписывал Андрею.

— А я вот тут в отпуск собираюсь, — не совсем по теме, но я уже устал ходить кругами, — в Прибалтику.

Мне показалось или он слегка вздрогнул?

— Ты ведь был в Прибалтике? — Я посмотрел на «друга» в упор.

— Был, — произнес он, не глядя на меня. Отставил бокал, чуть отодвинул тарелку, поднял глаза, выражение которых мне не понравилось. И тихо спросил:

— Откуда ты знаешь, Стас? Что ты вообще обо мне знаешь?

Зашибись. А я думал, что это будет моя реплика.

Я шумно выдохнул и отодвинулся от стола.

— Да как раз ничего, видишь ли. Ты знаешь обо мне гораздо больше, вплоть до бывшего места работы, — не без сарказма заметил я, — а вот я с тобой не знаком.

— Я так изменился? — усмехнулся Андрей. — Стас, прости. Ты имеешь полное право обижаться, что я пропал на несколько лет. Но это не значит, что я о тебе забыл. Ты мне как брат, правда.

Ну, я сейчас разрыдаюсь от умиления!

— И что же было? В эти несколько лет? — спросил я, просто чтобы что-нибудь спросить.

Он помолчал, потом, видимо, решился.

— Стас, я — эссенциалист. Корректор сущности.

— Чего?!

— Неужели ты ни разу не был в эссенциалии?

— Н-нет.

— Поздравляю! Значит, можно позавидовать твоему здоровью и психике.

Как же! Насчет второго я с сегодняшнего дня сомневаюсь.

Андрей начал рассказывать. Вот уж не ожидал, что человека так развезет с одной бутылки темного…

ГЛАВА 6
Рассказ Андрея

— Сразу после армии мне удалось поступить в медицинский институт. Три года учебы прошли совсем обыденно, даже нудновато. Но в конце третьего курса появились преподаватели из Академии Эссенс и предложили лучшим ученикам перейти к ним. А я всегда старался быть лучшим, ты же знаешь.

Согласился сразу. Методика, которую они показали, Стас, это… это… Это чудо какое-то, панацея! Все, чему нас учили раньше… Туфта все это, Стас. Нет, я ничего не говорю про хирургию, акушерство. И экстренную помощь не отменишь. А вот терапевты… И психиатры частично. Они ведь часто не могут вылечить. Вообще не могут, понимаешь? Не потому, что дураки или им наплевать. А потому что… Ну не так это делается!

Сущность человека — это лабиринт, ее еще называют эссенциальной паутиной. Эссенция — это и есть сущность полатыни. Каждая нить — как штрих к портрету. Цвет волос — штрих. Черта характера — штрих. Даже манера улыбаться — тоже нить. Когда человек рождается, паутина совсем простая. Но в течение жизни нитей становится больше, они удлиняются, переплетаются, и вот тут-то начинаются проблемы. Хотя сейчас у многих проблемы с рождения. Мы занимались взрослыми, а вот неоэссенсы, которые детишек корректируют, говорят, что почти у всех новорожденных по нескольку узелков имеется. Зато им и помогать легче.

А взрослому, который пришел к тебе с кучей проблем, — ой как сложно. Сначала надо начертить паутину. А прежде чем чертить, ее надо почувствовать. Потом ищешь узелок, «аксель» называется. Это очаг поражения. Распутаешь его — устранишь проблему. Неважно какую — хоть иммунную, хоть психологическую. Можно слух восстановить, можно аритмию убрать. Не всегда, правда. Но в большинстве случаев — можно! Уметь только надо. Но чаще попадаются группы узелков — у нас их «аксельбантами» окрестили. Много узелков — много проблем. Распутывать сложнее. Нити-то одни и те же задействованы, не потянешь так просто. Вот этому нас и учили три года. И ты знаешь — научили! Всех ведь научили! Плохих эссенсов не бывает, невозможно быть плохим! Пока учишься, у тебя самого сущность меняется. Часть узлов убирается, остальное сокурсники разгладят. Правда, после академии все это нарастает снова.

Когда я пришел работать в эссенциалию — летал, как на

крыльях. Молодой был, энергичный, старательный. А главное — педантичный буквоед. Это-то меня и спасло, но я тогда не понимал. Думал, за счет таланта пробился. В общем, меньше чем через два года заведующим назначили, мне двадцати девяти не было. А за то время, которое я в этом кресле просидел, кое-что изменилось. Ужесточилась система контроля.

И раньше-то было непросто вести отчетность при таком количестве людей. А тут и вовсе невозможно стало. Но корректоры приспосабливались: оно того стоило. Во-первых, зарплату прибавили здорово. А во-вторых… Понимаешь, Стас, работу сменить невозможно. Это въедается в сущность. Паутину корректора ни с какой другой не спутаешь, она совсем особенная. А пациентов-то меньше не становится, наоборот. Поэтому и стала наша работа похожа на конвейер. Где распутаешь узел, где нет. Где надолго поможешь, а где — видимость одна. Лишь бы отчитаться успеть. Лишь бы на премию заработать, она ведь от количества зависит, а не от качества. Только я всего этого не видел и не слышал, дурак восторженный, пока не появилась Ритка.

Он замолчал, нахмурившись. Я не решался торопить его. Продолжил он уже другим голосом.

— Не забуду то утро, когда она вошла в мой кабинет. Высокая, худенькая, в нелепой розовой куртке, волосы растрепаны, «Птица фламинго» мы ее прозвали. «Можно, Андрей Николаевич? Я к вам».

Рита. Руки тонкие, хрупкими кажутся. Но я-то знаю, сколько в них силы. Как раскроет ладони — белый столб из них рвется ввысь. Или наоборот — черный пламень тянется, вбирают они его. Потом она сразу такой беззащитной становится. Усталой и маленькой, как девочка. Магиня моя. Корректор.

Андрей вздохнул и «поехал» дальше:

— С кадрами тогда уже неважно было, поэтому брали даже приезжих корректоров вопреки Стандарту. Стандарт — это критерий такой. Как нужно и как нельзя работать. Кому можно помогать, кому — нет. Из-за этого-то Стандарта все и случилось.

Риту со всеми ее дипломами и сертификатами взяли сразу же. А потом пожалели. Слишком много проблем вышло.

Она чересчур талантливой оказалась. Гордой. И очень рассеянной. Всем стремилась помогать, даже кому нельзя по Стандарту, максималистка. Люди же знаешь как? Если поймут, что ты отказать не можешь, — идут и идут. И нет им конца. На документацию времени не остается, а это в работе недопустимо. Потому что над нами — Трибунал, орган контроля. И при проверке за каждую паутинку дрючат.

Я виноват. Надо было условия труда улучшать, проверять тщательнее всех своих подчиненных, а тем более — ее. Заставлять вовремя отчитываться. А я на это забил. Потому что знал, как им работается. И однажды…

Андрей встал и принялся ходить по комнате.

— Я был в тот день на конференции. А к Рите пришел клиент. Вернее, сначала к начмеду, к Наталье. Мужику почти девяносто было — по Стандарту мы не беремся за такие паутины. Там все к чертовой матери порвано и в узлы завязано. Влезать — только вредить. По идее, Наталья сразу его завернуть должна была.

Но дело было к вечеру, она торопилась и, не вникая, отправила к Ритке. А Ритка отказать не смогла. Пожалела, понимаешь? Человека. Взяла и паутину составила. А там — рак последней стадии, вмешиваться тем более нельзя. А Ритка влезла. Узлы не стала трогать, просто нашла причину и попыталась объяснить этому деду, как ее самому устранить. Такой способ есть, ауторевебинг. Самопереплетение, короче. Сам себя перенастраиваешь «правильно». Только поздно уже было его использовать.

В общем, на следующий день он умер. Не из-за Ритки, совпало так. Он бы все равно умер — днем раньше, днем позже. Но родственники стукнули в Управление: отец ни на что не жаловался, а тут в эссенциалию сходил и…

И к нам Трибунал с проверкой. А у Ритки — полный бардак с отчетностью…

Андрей ушел на кухню и тут же вернулся с бутылкой коньяка и двумя пузатыми рюмками. Я не успел еще «переварить» услышанное.

— Вообще я не пью, — извиняющимся тоном проговорил он, отвинчивая крышку, — но сейчас… Составишь компанию?

Я кивнул. «Не пью, но посуду под коньяк держу», — отметил я уже машинально, принимая на две трети заполненную рюмку. Он налил себе столько же, быстро выпил и продолжил рассказ:

— Нас с Риткой отвезли на поезде в Прибалтику. Трибунал ведь международная организация, так же как и Лига. В одном из замков у них штаб-квартира. Меня, как свидетеля, поместили в отдельную камеру, Ритку — в отдельную. Ее еще и в клетке держали. И в кандалах.

Я вытаращил глаза.

— А потом был суд и костер.

— Суд и что? — не понял я.

— Ты правильно услышал.

— Костер?!

Он молчал.

— Настоящий, что ли? — произнес я неуверенно.

Андрей невесело усмехнулся:

— Вот так же и я спросил. Накануне меня привели в кабинет к Артуру — это один из трибунальщиков, который дознание проводил…

Андрей полностью погрузился в мир воспоминаний, казалось, забыв обо мне…

* * *

— Почему такой суровый приговор, ты же понимаешь, что она не виновата?

Вопрос без ответа. Да свидетель и не ждал его.

Артур перекладывает несколько листов бумаги.

— Здесь подпиши и здесь. Под галочками… — Достает новый бланк. — Сколько у нее осталось клиентов «вне картотеки»?

— Пять семей, — быстро отвечает свидетель. — Дела закрыты и сданы в архив, но кто-нибудь из них иногда приходит на минуту-две за советом. Она их принимает между посетителями…

— Нехорошо оставлять людей без поддержки. Заведите новые дела на каждого члена проблемных семей и распределите их между оставшимися корректорами.

Эссенс немного расслабляется, на минуту забывая о Рите: его оставляют на прежней должности!

— То есть, — вопрос срывается сам, — я возвращаюсь в нашу эссенциалию?

— Да. Считай, что ты свое отсидел. У тебя же было достаточно времени подумать?

Да уж! Было. Между сочинением речей в Ритину защиту свидетель невольно наводил в мечтах порядок среди своих подчиненных. Чтобы ни одна умница-красавица больше не посмела действовать самовольно. За каждой поклялся следить, пусть жалуются на недоверие и «связанные руки».

— В личном деле Маргариты не указан адрес родственников. Ты не знаешь, как их найти? Нам придется сообщить о ее сожжении. Им будет назначена пенсия.

— Ее родители как раз переезжали в деревню со сбитой нумерацией домов, поэтому мы оставили пустые графы… У нее где-то недалеко живет тетя, она может быстро передать… Артур, — с трудом выговаривает эссенс, — сожжение настоящее?

Да, он глупый, да, наивный. И сожаление Артура относится не только к жизни Риты, но и к его незнанию.

— Да.

У свидетеля подкашиваются ноги. Стены водят хоровод, угол стола парит где-то возле уха…

…Он чувствует, как о зубы бьется стакан. Глотает слегка горьковатую воду, понимая, что из него только что чуть не выскочило сердце.

— Травяная настойка, укрепляет силы. — Артур усаживает эссенса на стул и придерживает за плечо, пока тот не ловит равновесие и не откидывается на спинку сам. — Рите будет с ней полегче. Если выпьет хоть немного, то боли почти не почувствует.

— Как же так… Сжигать человека?

— Не человека, — мягко поправляет Артур, — мага, корректора, применившего сверхвоздействие. Думаешь, Стандарт написан для красоты? Паутина — это не игрушки. Завязал узел — считай, убил. Развязал — спас. Люди получили власть над сущностью. И оставлять ее без надзора нельзя.

Тех, кто овладел коррекцией, приравняли к магам, а бесконтрольный маг хуже бомбы.

В наш век бюрократии все просто. Заполнил бумагу — вопросов к тебе нет. Мы придумали формы, разработали перекрестные таблицы и повторяющиеся графы. И оценивают их не тупые роботы, а люди! Для нашего общего спокойствия нужно только одно — заполнить бумаги! Ты меня слышишь? Взять ручку и заполнить чертовы бумажки!

Он еще что-то говорит об очищающем действии огня, но свидетель уже не слышит.

«Рита-Риточка! А ты, видно, следовала только Первому Постулату Стандарта: „Люби людей и помогай им“…»

* * *

Мы выпили еще по одной, но алкоголь на меня совершенно не действовал. Если первую часть истории я как-то воспринял (да мало ли на свете методик, о которых я не знаю), то вторая никак не укладывалась в голове. В комнате стало невыносимо душно, мы переместились на балкон. Была уже глубокая ночь. Андрей все говорил и говорил, у него чуть дрожали руки и дергалось веко. Еще утром такой уверенный в себе, сейчас он казался другим человеком.

— Она могла бы признать вину. Тогда лишилась бы диплома, но была сейчас со мной…

«Неужели у человека может хватить мужества добровольно выбрать сожжение? Хотя сектанты же обливают себя бензином. Тьфу, дурак я. Так может, эта их лига — секта?»

Я искоса взглянул на Андрея. Сектант? Может, еще и аскет? С его-то стилем жизни? Что-то не верится. Он словно прочитал мои мысли.

— Это не храбрость, Стас. Это страх и, может быть, зависимость. Если умеешь корректировать сущность, без этого уже не сможешь.

— Ты не пытался ее отговорить? — осторожно спросил я.

— Да нет, пытался. Думал: а вдруг согласится…

Голос его подозрительно зазвенел, и я сделал вид, что мне что-то срочно понадобилось в комнате. Но он вышел за мной почти сразу, видимо, испытывая потребность вылить на кого-нибудь то, что в нем так долго сидело. Говорил почти спокойно:

— Я не помню, как ушел оттуда. Не понимаю, почему не остался на похороны, не встретился с ее родными. Ведь должны были быть похороны, Стас? А может, их и не было? Провал какой-то в памяти. Помню только теплоход, на котором сюда плыл. Мне казалось, что все это сон, пока не нашел в своих вещах диплом. Значок вот только не нашел… Вернулся в наш город, устроился на работу, квартиру эту снял. Все на автомате. Даже ремонт сделал зачем-то — вроде, так надо. Познакомился со Светой… А вчера вечером, когда ты мне написал: «Привет, Андрюха», — я наконец проснулся. И если бы ты не предложил встретиться, я бы сам тебя нашел.

Так. Раз, два, три, я спокоен. Это из той же серии, что газовая плита, горы в Подмосковье и Светин ребенок. И снесенный дом. Я ведь это пережил? Переживу и сейчас.

— А сон мне и правда снится. Иногда. Как я к ней в костер бросаюсь…

Мама дорогая! А ведь еще сегодня утром я просто собирался встретиться с девчонкой!

ГЛАВА 7
Чудным воскресным утром

Эскалатор увозил меня вниз. Мимо чередой проплывали рекламные щиты. Пиво, колготки, сотовая связь… Детский праздник на Школьном озере… Надо Катьку сводить. Господи, о чем я думаю!

Не спали всю ночь — «загрузил» Андрей меня по полной. За компьютер так и не взялись. А в половине восьмого позвонил шеф и потребовал, чтоб я срочно примчался в офис! Сервер, видите ли, накрылся. Это неслыханно! В воскресенье! Андрею пришлось влить в меня с пол-литра кофе, чтоб я мог нормально функционировать. Он настаивал на том, чтобы подвезти меня на работу, но хотелось побыть одному — осмыслить происходящее. Да и неудобно: пусть лучше отоспится.

Вроде нормальный мужик, даже какая-никакая симпатия к нему появилась. Но эта его легенда…

Еще пару дней назад, услышав что-нибудь подобное, я посчитал бы «сказочника» неврастеником с богатой фантазией или обдолбанным в хлам и навсегда забыл к нему дорогу. А сегодня…

Выходя на перрон станции метро «Андреевская», слыша собственными ушами гудок летящего из темноты поезда, вспоминая все, чему я был свидетелем за прошедший день…

Я уже не могу делать выводы с прежней уверенностью.

А может, и такое бывает?

Вагон был пуст — ну кто в такую рань в воскресенье потащится в метро? Я сел, не переставая рассуждать.

Допустим, все это вранье. Зачем? Разжалобить меня? И не экспромтом же он все это выдал. Заранее придумывал? Не вижу смысла.

А если — правда? О-о-о…

В эссенцию я еще поверю. Предположим, экстрасенсорика какая-то, да и мало ли сейчас шарлатанов развелось, называющих себя магами. А эти, может, и правда помогают. Проверить бы, кстати. А сама организация… Как он ее назвал? Трибунал, во. Н-да. Все равно на тоталитарную секту тянет.

И уж совсем я не понял:

а) Откуда он меня знает? Я по-прежнему уверен, что увидел его на причале в первый раз.

б) Какая, черт возьми, связь между ним и образом, который я придумал?

Поезд подъехал к станции.

Полюбовавшись по дороге новенькой мозаикой на стенах, изображавшей белок с гербом города (неоригинально, впрочем), я вскочил на эскалатор и через минуту был наверху. Эх, спал бы сейчас, если б не сервер. Нормальные люди именно этим и занимались, в переходе не было ни души. Вдруг из-за очередного поворота возник какой-то бугай и, не говоря ни слова, двинул мне в переносицу.

Кажется, я вскрикнул (еще бы, больно!) и тут же получил по солнечному сплетению. Дыхание перехватило, я согнулся пополам, и в этот момент треснули сзади по почкам. А ведь я никого не заметил, когда шел. Ну, тут уж я рухнул не хуже сервера.

— Держись подальше от Андрея, понял? К нему не ходи. К себе не зови. На звонки не отвечай. Усек? Телефон под контролем, Интернет — тоже. Уразумел? — зашептал мне в лицо один из мордоворотов. Второй выглядывал из-за его спины.

— Уразумел.

Засим парочка удалилась, а я остался вытирать кровь из носа. Все произошло так быстро, я и опомниться не успел. «Интернет под контролем»! Это ж надо!

Кое-как, по стеночке, выкарабкавшись на свет божий, я почти упал на ближайшую скамейку. Ну, на работу я не иду. Черт бы побрал и сервер, и Андрея. Я иду домой… Так.

По-прежнему ведь не знаю, где живу.

Но недаром говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Лишь бы Кирилл был на связи.

Я набрал номер, на сей раз брат ответил:

— Алло?

— Привет. Слушай! Меня тут побили в метро, — без предисловий начал я.

— Ого! Ты жив? — с интересом спросил брат.

— Не очень. Ты можешь приехать, меня забрать?

— Все так серьезно? — пожалуй, некая толика беспокойства в его голосе появилась.

— Ну, не то чтобы, но одному мне несколько стремно добираться.

Пусть понимает, как хочет. Не бросит же он родного брата помирать!

— Ладно, ты где?

— «Крюковская», на нашей стороне у выхода.

— О, я тут рядом. Через три минуты буду, жди.

Опять, что ли, в компьютерном клубе зависает? Оно и к лучшему, что рядом.

Я позвонил шефу.

— Владимир Петрович! Сервер никак до завтра не потерпит? У меня тут ЧП.

— Станислав, какой сервер? — сонно пробасил начальник. — Чего тебе в такую рань не спится?

— А… разве не вы мне звонили сегодня?

— Окстись! Гуляй до понедельника!

Послышались гудки.

Фига себе…

Воскресное утро, во дворе тишина. Питомцы собачников тактично дарят хозяевам лишний часок сна. Визгливые младенцы, вдоволь поиздевавшиеся над родителями за ночь, сладко посапывают, набираясь сил перед новым ором. Любовники не спешат покидать своих подруг. Подростки, замутившие гулянку по случаю отъезда родителей на дачу, вообще только что разбрелись по кроватям. Даже ретивые автомобилисты вылезут к гаражам немного позже. В ближайшие часы ничто не сдвинется с места.

Серый «Опель Кадет» притулился в укрытии раскидистых лип напротив крайнего подъезда. Молодой мужчина в тонкой водолазке, худощавый и черноволосый, вздрагивает от холода, машинально тянется к бардачку за сигаретами. Печку не включишь: мотор пришлось заглушить, слишком назойливым казалось урчание. А тупое сидение за рулем невыносимо.

Он уже десять раз проклял себя за то, что не послушался шефа, отказавшись послать специального человека. Не терпелось самому начать разговор, подготовить почву, отыскать нужную нить в паутине личности Андрея.

Но слова давно вылетели из головы, хочется чаю и за компьютер. Скорее бы приступить к делу!

А гребаный админ все не уходит из квартиры. Сколько можно копаться? Звонок с вызовом на работу прозвучал полчаса назад. Чем он там занимается, девица красная? Делает укладку и заваривает мюсли?

Небось потягивается, долго нащупывает обувь, медитирует в ванной перед зеркалом, бриться неохота и нечем, у хозяина попросить стесняется, с собой пожитков нет. Скребет щетину и решает, что так сойдет.

Включает чайник и ищет заварочные пакетики. Не находит и хлещет пустой кипяток. Тьфу.

Тормоз. А ведь его ждут…

И надо ж было ему влезть! Путается под ногами, деятель-самоучка.

Дверь подъезда хлопает, во двор выбегает парень. Крутится налево-направо, хлопает себя по лбу, будто что-то вспомнив, и, наконец, убирается с глаз наблюдателя.

Тот облегченно вздыхает и, выждав пару минут, поднимается в квартиру Андрея.

Дверь открывает своим ключом.

— Стас, ты что-то забыл? — раздается ленивый голос хозяина. Андрей пытается урвать кусок потерянного сна.

Он хмуро щурится на пришельца, будто надеясь, что тот исчезнет.

— У вас было открыто. Здравствуйте.

— Вы кто? — Андрей рывком садится на кровати, теряя остатки сонливости.

— Меня зовут Денис.

— И дальше что? — Андрей хмурится. Нежелательных визитеров он не любит, есть причина.

Теперь главное — не спугнуть.

— Я могу вам помочь найти то, чего вы временно лишились.

— Рита? Вы знаете что-то о ней?

Колючий взгляд на миг загорается надеждой.

«Далась же она тебе!» — с досадой думает Денис, заглушая непрошеную совесть.

— Я говорю о вашем призвании. О любимой работе.

Андрей как-то сразу обмякает и отводит глаза.

— А-а, — устало бросает он. — Проехали.

— Людям нужна помощь. От вас только что вышел старый друг. С ним что-то не в порядке. Он стал дерганый, нервный. Разве вам его не жалко? Руки не чешутся?

Андрей хмурится и молчит. Решающий момент. Либо сейчас он пошлет Дениса пешком до Фирсановки, либо заинтересуется. Он ждет намека или ключевого слова.

После которого будет действовать.

— Неужели вас не интересует, что творится у него в паутине?

Андрей взвивается и нависает над Денисом.

— Кто вы такой, а? — рычит он.

— Я вам нужен, — совершенно искренне говорит Денис.

Как же хочется курить! А ведь бросил же, отучили. Эссенсы отучили. Эссенсы, эссенсы… Это все нервы. Решайся же, Андрей, ну!

— Ну и чего вы хотите? — холодно бросает Андрей.

— Предложить вам сотрудничество.

— Пошли, — бросает он, быстро впрыгивая в одежду и приглаживая волосы.

Ни кофе, ни сигареты, ни раздумий.

«Я войду в каждый лабиринт»…

* * *

Контора, которой так гордится Денис, арендует один из корпусов завода микроэлектроники. Оштукатуренное здание приятно выделяется среди соседних.

Новенькие пластиковые окна, прозрачный козырек над входом, симметричные альпийские горки с азалиями и кустиками гвоздики. Перед дверью — белоснежные скамейки, сияющие урны, вдоль дорожки — несколько можжевеловых кустов. Изумрудные — свечами, голубые — разлапистыми плюшками. Не так красиво, сколь вызывающе.

Андрей замедляет шаг перед вечнозеленой композицией и бурчит себе под нос:

— У вашего ландшафтного дизайнера проблемы с личной жизнью. Вот чью паутину смотреть надо.

Денис, уже готовый открыть перед Андреем дверь, теряется.

Эскиз композиции набросал шеф, представители фирмы «Ваша зелень» лишь выполнили заказ.

Жена шефа уже полгода спит с главбухом, а любовница пару месяцев назад разбила машину. Автомобиль зарегистрирован на контору.

У шефа были проблемы. Как раз тогда, когда он озаботился озеленением.

Андрея никак нельзя упустить.

ГЛАВА 8
Контора

Миновав приветливого вида приемную с пышной зеленью в горшках, репродукциями классических пейзажей и бархатными шторами, Денис повел Андрея длинным коридором сквозь анфиладу помещений. За стеклянными стенами трудились, не отрываясь от компьютеров, одинаково причесанные молодые люди в белых рубашках.

Коридор упирался в маленький тамбур. Кулер с минеральной водой, стол для пинг-понга и площадка мини-гольфа на две лунки.

За тамбуром еще один зал. Вместо стен — аквариумы в рост, среди водорослей резвятся большие, с ладонь, разноцветные рыбы. Привстав на цыпочки, Андрей попытался заглянуть поверх аквариума. Здесь работали люди постарше. Обстановка более строгая, в серых тонах. Мониторы развернуты боком к коридору, экранов не видно. «Чтобы не отвлекаться на проходящих мимо», — хмыкнул Денис. Андрей с трудом сдержал вздох разочарования.

Но Денис потащил его дальше. Провел в комнатку с одним рабочим местом и усадил на вертящийся стул. Сам, наконец улыбнувшись, устроился на краю стола.

— Кофе? Чай?

— Воды, — ответил Андрей. Денис, не чувствуя подвоха, отправился к кулеру.

«Возможно, поход за водой — единственное развлечение этих бедолаг в рабочее время», — пробормотал Андрей, оглядываясь.

Кабинет выглядел неряшливо.

В углу валялась крышка от раскуроченного системного блока. Корзина для бумаг была наполнена фантиками и пластиковыми бутылками. В письменном наборе — ни одного заточенного карандаша. Ни одна шариковая ручка — Андрей был готов поспорить — не писала. На принтере стояла коробка с пирожными. Мышка «бегала» по вырезке из газетной статьи. В монитор, судя по следам, кто-то тыкал пальцем. Гораздо уместнее компьютера здесь смотрелась микроволновка вверху на шкафчике.

В папке с бумагами Андрей успел обнаружить множество выписок из медицинских карт.

Вернулся Денис с двумя стаканами воды. Он предложил Андрею пирожное, машинально включил компьютер и,

придирчиво осмотрев пенал из набора, извлек из него толстый маркер.

— Это не мой кабинет, я здесь временно, — извиняющимся тоном проговорил он. — Все очень просто. Мы хотим, чтобы вы помогли нам в разработке программы…

— Я ничего в этом не понимаю, — пожал плечами Андрей.

— …по построению графика сущности, то есть паутины, — продолжил Денис.

Андрей уже не вздрогнул. Он ответил медленно, четко выговаривая слова, словно ребенку или бестолковому упрямцу:

— Это невозможно. Эссенциалисты развивают свои способности несколько лет. Не говорю уж о базовом образовании. И все равно: с каждым новым человеком начинаешь словно с нуля.

— Машина обучается быстрее, — заявил Денис. — Я знаю, что для построения паутины не нужно никакой магии. Теория плюс тренированная рука. Манипуляторы мы создавать умеем, с носителями памяти у нашей аппаратуры проблем нет.

— Если бы все было так просто, — снисходительно улыбнулся Андрей. — Компьютер может посчитать траекторию прыжка лошади через барьер, но техника не способна заставить лошадь прыгнуть.

— Если только не гнать ее на этот барьер бульдозером, — весело возразил Денис. — Вы сначала послушайте. Вот вы знаете великолепно теорию эссенции, сталкивались с различными случаями, имеете опыт работы, но… Сейчас никому помочь не можете. А почему?

— Нет настроения… Кроме того, я никогда не был сильным эссенциалистом. Знания — да. Но сенсетивность… В моих паутинах аксели иногда сливались с тенями или перекрестьями следующего ряда.

— Что-что? — нахмурился Денис.

— Вот видите… Вы не представляете картинки. Все очень сложно устроено… И построить график сущности — это не эскиз мебели набросать… Очень много факторов.

— Именно! — Денис радостно воздел руки. — Именно перечень возможных факторов мы и хотим знать. Мы напишем алгоритм. Анализировать и выдавать прогноз будет компьютер, нужда в эссенциалистах пропадет, для диагностики и назначения лечения будет использована машина. А оператором может быть красивая длинноногая девушка, которой достаточно будет приложить пальчик к кнопке «Старт» и запустить программу.

— И этот ее наманикюренный пальчик в два счета убьет человека. Неплохая замена электрическому стулу.

— Почему? Мы заложим те решения, которые известны и описаны в ваших инструкциях.

Денис пошарил в ящике стола и извлек оттуда до боли знакомые справочники и книжицы директив.

— Нам известно, что вы…

«…Хороший организатор», — чуть не брякнул, увлекшись, Денис, но вовремя прикусил язык.

— …Грамотный специалист, но недостаточно чувствительный диагност. Этого и не требуется. Научите нашу машину всему, что знаете, и она проделает за вас всю работу.

Андрей покачал головой:

— Звучит заманчиво. Думаете, я никогда не мечтал о подобной штуке? Насколько она бы облегчила работу моим девочкам-эссенциалисткам. Сколько сил бы им сэкономила. Да и более слабые работники с ее помощью развернулись бы. Но боюсь, все это фантастика. Доверять операцию по удалению узелков машине — то же самое, что учить ее оперировать человеческие органы.

— Вот это как раз и будет зависеть от того, как мы с вами предварительно поработаем. Я не обещаю, что будет легко.

Денис нарисовал на бумаге несколько геометрических фигур, соединенных стрелками.

— Овал — запуск программы. Параллелограмм — мы дополняем сведения, полученные при поступлении пациента в эссенциалию, — он кивнул на образцы приемных талонов, — теми, которые нужны для того, чтобы прорисовать паутину. Любимый цвет, кличка старой собаки, частота приема пищи, рацион, предпочитаемая косметика и так далее. На основании полученных сведений, прямоугольник — построение графика. Комбинация из условных операторов, ромбики и стрелочки — обнаружение узелков и принятие решения по облегчению участи пациента. Спорные моменты обговариваем отдельно.

Затем выдача рекомендаций в письменном виде, еще один параллелограмм, и непосредственное воздействие — обратная стрелка пунктиром. Узел удален — все счастливы.

— Разрешите! — Андрей забрал у Дениса маркер и пририсовал наверху блок-схемы еще один кружок.

— Что это? Повторный запуск? Команда на построение новой паутины?

— Нет, нимб, — серьезно ответил Андрей. — Который появится у вас или у меня, если мы научим компьютер этому процессу.

— Все произойдет не быстро, — кивнул Денис.

— Но как мы объясним машине про паутину? Каждая

сущность — индивидуальна и неповторима.

— Но паутины вы рисуете, руководствуясь общими законами. Диаметр концентрических окружностей и частота поперечного переплетения… Мы с вами выясним большинство известных закономерностей и справимся с задачей.

— Ерунда, — неуверенно протянул Андрей. Он сердился сам на себя. Не удавалось укрыть от Дениса возрастающий азарт.

Уже хотелось приступить к работе. Пусть не самому, пусть без своих драгоценных помощниц, зато вместе с машиной.

— Подумайте, — повторил Денис. Он был доволен собой: задумка удалась. Андрей проглотил наживку. Теперь осталось только правильно распорядиться его знаниями и подтолкнуть к работе.

Руки Андрея сами потянулись к папке за бланком. Он создал в компьютере новый файл и начал быстро забивать в него вопросы, лишь изредка сверяясь с анкетой, как со шпаргалкой.

— Санкция Трибунала у вас, конечно, есть? — произнес Андрей, не отрываясь от экрана.

И это означало, что он согласен.

— Да-да, конечно. Документ у шефа. Я сейчас, я мигом, — скороговоркой проговорил программист, пятясь из кабинета.

Денис пронесся по коридору как вихрь и чуть не сшиб секретаршу Лену — бесцветную, с зализанными назад сожженными химией волосами. «Почему умные бабы всегда такие страшные», — в который раз подумал он.

— Шеф у себя? — крикнул Денис, пробегая мимо вжавшейся в стену девушки.

— У себя… Щемелинский, ты чего? — пронеслось вдогонку. Но отвечать было некогда. «Чего»! «Эврика» — вот чего. Нашел!

Денис влетел в приемную и рывком распахнул дверь кабинета. Начальник ждал его.

— Сергей Васильевич, он наш! — отчаянно жестикулируя, почти закричал Денис.

— Ты уверен? — холодно спросил шеф.

— Уверен, — закивал Денис и включил один из многочисленных экранов. Быстро подстроил четкость изображения, немного изменил ракурс. Андрей слишком увлекся работой, камера захватывала только стриженый затылок. Пришлось сместиться немного вбок.

— Объект приступил к работе. — Денис не смог сдержать самодовольной улыбки.

— Объект, значит, — глубокомысленно изрек Сергей Васильевич, разглядывая Андрея. — И тебе кажется нормальным, что у них одна сущность?

— Ничего страшного, если они не будут общаться.

Лебедев сдвинул брови:

— Они уже пообщались. Ты думал, я не знаю? Пришлось принимать меры.

Денис вздрогнул. При всем презрении к админу зла он ему тем не менее не желал.

— Сергей Васильевич, Станислава лучше не трогать. Иначе паутина развалится.

— Пока, — шеф сделал ударение на это слово, — ничего ему не сделали. Ребята из службы зачистки объяснили, что не надо контактировать с… Андреем, вот и все.

— Им можно было и не сообщать, — сорвалось у Дениса.

— Ты думаешь, мы тут в игры играем? — повысил голос шеф. — Конечно, их предупредили. Все, что я мог сделать, это попросить не убирать его сразу. Они ограничились предупреждением. Но твой мечтатель…

«Он не мой, не мой! Глаза бы мои его не видели… Просто парень точно знал, что ему надо, а это такая редкость, что я решил позаимствовать немного его фантазий…»

Денис проглотил оправдательные слова и нашел в себе силы кивнуть. Шеф прав, прибирать за собой надо.

Но Денис был уверен: админ — его единственная оплошность. И через несколько дней он окончательно перестанет представлять опасность задуманному проекту.

— Щемелинский, за лишние навороты кое-где сжигают!

— Я ж не эссенциалист.

Денис понял, что гроза миновала, но радости от победы поубавилось. Благодаря шефу.

— Зачем тебе вообще этот Андрей? Может, без него обойдемся? — Шеф говорил почти добродушно.

Денис помотал головой.

— Я ведь не знаю, что обозначают узлы. Чертит комп. Алгоритм составить я сумел, но ни в медицине, ни в психологии не разбираюсь. И уж тем более не смогу никого вылечить. Или залечить, — добавил он тише. Начальник сделал вид, что не расслышал, — вы покупателя-то нашли?

— Это не твоего ума дело! — отрезал Лебедев. — Было бы что продавать. Вы программу сначала напишите.

* * *

Денис вернулся в кабинет, где оставил Андрея, вместе с шефом. После короткого рукопожатия и знакомства Лебедев

снова — на этот раз очень сжато — изложил Андрею суть, отрекомендовав Дениса как лучшего программиста фирмы. Андрей пробормотал что-то вежливое.

Не дожидаясь повторного вопроса, Денис протянул ему бумагу, в которой значилось, что «Государственный Трибунал дает согласие на использование теории Сущности в программировании». Дальше шли какие-то подробности, которых Андрей не понял.

Настоящий бланк, настоящая подпись: «Артур Пелганен». Но чем больше Андрей смотрел на документ, тем меньше он ему нравился.

— Все в порядке, — улыбнулся он как можно более лучезарно, — когда приступим?

Денис едва заметно перевел дух. Пронесло! Гербовую бумагу он стащил в замке — так, на всякий случай. А вот ведь пригодилась! Подпись тоже была почти подлинной. Артур имел обыкновение расписываться на верхнем в стопке листе. А поскольку нажимал пером очень сильно, на следующем бланке, как правило, оставался оттиск. Денису надо было лишь аккуратно зарисовать очертания букв чернилами. Что же касается основного текста — его мог заполнить и секретарь, даже отпечатать. Что портальщик и сделал.

— Да можно хоть сейчас, если вас все устроит. Давайте обговорим условия…

Лебедев назвал Андрею сумму, тот изобразил раздумье. Начальник прибавил, Андрей согласился, попросив аванс.

— Конечно. Вам ведь придется оставить нынешнюю работу. Деньги получите в кассе, я позвоню. Денис, проводишь.

Лебедев снял трубку.

— Завтра встречаемся в офисе в девять. Всего хорошего. Алло, Вера Ивановна? Сейчас к вам молодой человек подойдет…

Андрей с Денисом вышли из кабинета.

* * *

Когда через некоторое время программист вернулся, начальник набросился на него:

— Ты совсем идиот?! Или думаешь, что все-таки он — идиот больший?

Денис хотел было что-то ответить, но Лебедев не дал ему и рта раскрыть.

— Этот Артур — твой бывший босс?

— Почему — бывший? Надеюсь, он мне еще позвонит. Я же

нужен только когда…

— Знаю. Когда есть кого жечь.

— Не только! Я слежу за оборудованием.

— Понятно. Но Артур ведь руководит отделом исполнения наказаний или как у них это называется?

— Точно.

— Так какого же лешего он подписывает разрешение на программинг?

— А где я другую ксиву возьму? — взвился Денис. Ну почему шеф никогда не бывает им доволен!

— Тьфу на тебя! — замахал руками шеф. — Нахватался жаргона!

Однако гнев его поутих.

— Полагаешь, он не придал этому значения?

— Вообще, рядовые эссенциалисты не очень осведомлены о правилах работы Трибунала. Такая у них странная система. К тому же у нашего корректора… некоторая амнезия.

— Ладно, будем считать, что он это проглотил. Но все равно: не спускай с него глаз!

— А это уж будьте уверены!

— Можешь сегодня отдыхать. — Начальник достал платок, чтоб вытереть пот со лба.

— Ну уж нет. Я еще поработаю. Чтоб завтра быть во всеоружии.

— Похвально, — с иронией произнес Лебедев и вышел.

«Вот удод», — подумал он удрученно.

ГЛАВА 9
Парк аттракционов

Я проснулся к вечеру. Черепушка, к радости моей, не болела, да и вообще чувствовал себя нормально. Одно слово — выспался.

Кирилл был сильно разочарован, обнаружив меня практически невредимым. Видимо, ожидал зрелищ. Вот такой у меня брат. В новом мире он ничуть не изменился. Хотя нет, кое-что изменилось. Он завел девушку! И жил теперь у нее. Так что «хата» была в моем полном распоряжении. Я поднялся и отправился осматриваться на новом месте. Впрочем, ушел недалеко: хоромы оказались однокомнатными. Стоя в прихожей, куда выходили всего три двери, не считая входной (санузел здесь был совмещенным), я печально взирал на «ограничение свободы». В двенадцатом у нас была просторная «двушка» с большой лоджией. А здесь и балкончик оказался скошенным. «Дизайнера на мыло», — подумал я.

Зато имелись свои преимущества. Квартира была новой. Отремонтированной. С пластиковыми окнами. Хотя и без шика: обычные дешевые обои от строителей. Обычный «холодный» линолеум. Бледненький кафель в ванной и на кухне. Обычный вид из… Ух ты!

Я шагнул на балкончик. К высоте привык, все-таки с детства живу на тринадцатом этаже. Здесь же было неимоверно высоко, и весь город виден как на картинке. Правильно, что стоит решетка, тут и голове закружиться недолго. Какой же это этаж? Двадцать третий? Двадцать шестой? На последний этаж своего прошлого дома я поднимался — интересно же — но здесь, я уверен, выше.

Вещей брата я почти не обнаружил — следовательно, он переехал к своей девчонке окончательно. Что ж, тогда мне и «однушки» более чем достаточно. Ее даже убирать легче. Хотя, если честно, я никогда этого не делаю.

Все мои пожитки были в наличии, даже появилось кое-что новое. Например, подборка дисков с музыкой. Я заглянул за стекло нашей древней, видавшей виды полки и присвистнул. Чего тут только не было! Даже старенький «Megadeth» и мой любимый «Слепой страж». Не дефицит, конечно. Но за ними же еще надо куда-то переться! А тут — вот, пожалуйста… Я достал «Стража» и поискал глазами проигрыватель. Он оказался под столом — мой прежний старый аппарат под прежним стареньким столом. Но меня ожидало глубокое разочарование. В прошлой жизни я его так и не удосужился починить. Не работал он и в этой.

Сетуя на злую судьбу, я прошел прямо к холодильнику и распахнул дверцу.

Мой гомерический хохот, должно быть, напугал всех окрестных птиц в небесах.

На полочке, завернутый в полиэтилен, одиноко лежал кусок «Маасдама».

* * *

Я валялся на кровати и думал. В последнее время делаю это слишком часто, так и мозги расплавятся.

Надо подвести какие-то итоги в связи с изменениями.

Вот я, например. Сменил жилье. Это хорошо или плохо? Старое на новое — хорошо. Большое на маленькое — плохо. Зато отдельное — хорошо? Да как сказать. Мне одному скучно. А если не одному? Если я приведу сюда Светку?

Я резко сел. Вот так разыгралась фантазия! В старом мире я бы не стал так спокойно рассуждать о Светке. Это улучшение? Пожалуй.

Работа не изменилась, документов о высшем образовании я в столе не нашел… А надо мне это? Да нет…

А метро в городе мне нужно? О, да.

Значит, в целом произошли перемены к лучшему.

Да, но мне ведь еще дали по морде. Из-за Андрея. Из-за непонятного парня, взявшегося неизвестно откуда.

Я встал и вышел на балкончик. Отсюда был виден не только шестнадцатый район, но и сорок пятый корпус, загогулиной.

Не знаю, кто он такой, человек со странной профессией «корректор сущности». Но мне кажется, я ему зачем-то нужен. Или он мне?

Но лезть на рожон не хотелось, поэтому я предпочел забыть на время об Андрее и позвонил Светке. Она взяла трубку.

— Бери ребенка и пошли гулять! — брякнул я, и не подумав поздороваться. Светка на том конце провода захлебнулась смехом. Я тут наглею на глазах, а она ржет!

— Ладно. А куда пойдем?

На Школьное озеро, кажется, уже поздно. Половина восьмого.

— В парк аттракционов, куда же еще! — объявил я. — Я вас заберу, чтоб через полчаса были готовы!

Напевая под нос: «Мы наш, мы новый мир построим», я пошел обуваться.

* * *

Светка выглядела сногсшибательно. Сногсшибательно легко оделась. Маечка блестящего стального цвета и воздушная, хоть и длинная, юбка. Совсем не видно ног, вот досада. Ребенка при этом запихнула в плотный джинсовый костюм.

— Не хочет она платья носить, отказывается, и все — штаны подавай! — сокрушалась новоиспеченная мамаша.

— Вообще там не лето, — заметил я, — ты замерзнешь.

Хотя сегодня день был не в пример теплее вчерашнего, но к вечеру подул неприятный ветерок.

— А мне жарко, — отмахнулась Светка, подхватив одной рукой сумочку, а другой пытаясь поймать руку Кати. Но у нее не получилось — довольный тем, что наконец-то идем на аттракционы, ребенок кинулся вниз по лестнице.

Народу в парке, несмотря на вечерний час, было с избытком. Ах да, мы же теперь почти мегаполис! Каруселькы порадовали новизной. Свеженькая, словно только что высохшая (я даже потрогал на всякий случай) краска на белоснежных лебедях скрыла все недавние вмятины, трещины и неприличные надписи. Да, представьте, люди умудряются чирикать даже на каруселях, несмотря на постоянное присутствие персонала луна-парка.

Катька, ясен пень, сразу понеслась на батут. У нас их два — маленький, обычный, и большой, сделанный в виде горки. На нее надо взбираться по натянутой веревочной сетке. Я б сам с удовольствием прокатился, честное слово. Стоя в длинной очереди в кассу — Светка пыталась в это время оттащить ребенка от развлечения, объясняя, что «дядя Стасик еще не купил билетики», — я вдыхал запахи жарившегося рядом попкорна и сахарной ваты. Наверное, это неправильно, но кукуруза всегда ассоциируется у меня с кинотеатром, а вата — с цирком. А больше ничего мне в цирке не нравится. Звери там бедные и замученные, а клоуны — тупые и несмешные вовсе. Ну, на гимнасток я бы еще посмотрел. На тех, которые постройнее. Наконец я набрал кучу бумажек (сразу на все) и приблизился к горке. Катька, взяв у меня один билетик, отдала его девочке, следящей за временем (по виду школьница совсем), и, стащив с ног кроссовки, полезла наверх. Мы со Светой проводили ее взглядами, потом я сбегал за попкорном.

Дети на батуте визжали, прыгали, задевая друг друга. Катька скатилась и вновь стремительно полезла на горку. Лимит, знаете ли…

Светка грызла кукурузу и смеялась.

— Ну, как ты? Привыкаешь? — спросил я про Катьку.

Света обернулась ко мне, озорно блеснули зеленые глаза.

— Веришь — да. Сначала я в таком шоке была, а теперь

понимаю, что мне повезло.

— Что она появилась сразу большой? Что нет пеленок и распашонок?

— Вот именно, — кивнула Светка, — а еще — беременности, родов…

Она покачала бедрами, аж у меня дух захватило.

— …Кормлений, криков по ночам… Зато есть такое чудесное создание, — улыбаясь, вновь взглянула на дочку.

Думаю, Светке пошла бы и беременность.

Я попытался представить ее хрупкую подростковую фигурку округлившейся, порхающую походку — неспешной…

Дородная мамаша не вырисовывалась. Откуда-то из старой песни вынырнула «каравелла по зеленым волнам»…

— Главное, совершенно не представляю, кто ее отец.

Ну, вот, все испортила. Зачем нам какой-то отец?

— Уже голову сломала. У мамы не могу прямо спросить, фотографий никаких не нашла. Катьку пыталась спрашивать: как хоть папа выглядит? Волосы там, одежда… «Не помню», — говорит.

Вечерняя прохлада, однако, давала о себе знать, и я снова, как тогда на лодке, пожалел, что не ношу пиджаков. Сейчас бы я ее укутал, эту трепещущую осинку…

В это время Катя с неохотой слезла с батута — закончилось время — и, уплетая на ходу кукурузу, повела нас к новому аттракциону. Раньше я его здесь не видел. Карусель напоминала огромного паука с щупальцами или что там у него. Даже складывались они, как у живого существа. На конце каждой «ноги» болталось двухместное сиденье. Втроем там было не разместиться.

— Кать, ты с кем кататься будешь, со мной или с дядей Стасиком? — елейным голоском спросила Светка. Вот хитрая! Естественно, Катя выбрала меня.

Покидав опустевшие кулечки в урну, мы в толпе других желающих поднялись по ступенькам. Тут только я обнаружил намалеванное краской на стекле будки название: «Спайдер». И правда: паук.

Я и Катя уселись в красную «сидушку», Света влезла позади нас в желтую.

— Держись крепче! — предупредил я ребенка. Плохо, что здесь нет даже никакого фиксатора. Только перегородочка.

И тут нас запустили!

Я ожидал, что «паук» будет похож на хорошо знакомый мне аттракцион с лебедями, где темп ускоряется постепенно и можно даже регулировать высоту. Но здесь…

Как завертелось! Быстро, рывками, да еще под наклоном! Ой, е… Святые угодники!

Я чуть не заорал, чтоб остановили. Вот позорище-то! Башка неимоверно кружилась — не фонтан с вестибулярным аппаратом. Катька вцепилась в меня, но вроде кричать не собиралась.

— А знаешь… Кать… вот так и космонавтов… тренируют, — начал я, едва успевая дышать. Спокойно, только спокойно… Уиииииии…

Нас опять рвануло. Но на этот раз было уже чуть легче. Я продолжал что-то плести про то, как больших, сильных дядей специально крутят под разными углами, чтоб им было не страшно в ракете. Катя заинтересовалась и даже задавала вопросы. Постепенно, крут за кругом, успокаивая болтовней в основном себя, я привык к рваному ритму верченья и в конце концов даже перестал вжиматься в кресло. Господи, как же эта пятилетняя выдержала!

Наконец мотор выключили, и карусель стала замедлять ход. Кошмар прекратился. Но я еще долго пребывал в состоянии «полувесомости».

Не успели мы сойти, как Катерина помчалась к детскому паровозику. Ох и резвый ребеночек. Уселась, конечно же, во главе колонны, за рулем. Правда, какой-то мальчик, на полголовы ниже ее, но очень крикливый, пытался оспорить водительское место. Но Катя лишь показала ему язык. Пришлось пацану успокоиться. Интересно, Светка тоже с детства так влияет на мужчин?

Пока Катя осваивала профессию железнодорожника, я сходил за газировкой. Пить после паучьей вертушки хотелось неимоверно. Но едва мы сделали по глотку из своих бутылок, паровоз остановился, и Катька вновь оказалась рядом, потребовав купить ей тоже. Собственно, я сразу взял три бутылька, но Света заявила, что напиток холодный и вообще детям такое нельзя. Что ж, ей виднее. Пришлось запихать бутылку в ее сумочку. А потом пойти в кафе, где кроме холодных ванильных коктейлей, ледяного сока и все той же замороженной колы имелся и горячий шоколад.

Света заняла место за столиком, а Катя отправилась со мной к витрине выбирать пирожное. Она никак не могла решить, что же ей больше хочется: фруктов в желе, корзиночку или ореховое. Понимая важность проблемы, я купил ей все три. Светка заказала две «картошки». Мне есть вообще не хотелось.

Что может быть прекраснее женщины, поедающей пирожные! Только две женщины, которые их поедают. Но одна была еще мелкой, поэтому, допивая колу, я сосредоточился целиком на Свете. Как же это здорово, что она не боится испортить фигуру!

Не думает об аллергии, как одна моя сослуживица, которая на всех корпоративных сабантуях пищит: «Мне нельзя белок! Мне нельзя желток! Мне нельзя красное вино! И красные яблоки! И красный перец!» Ну и сидела бы дома, чесслово. А Светка такая, такая… Как статуэтка из слоновой кости. Еще эти восточные черты… А выражение лица, как у фрейлины мадридского двора. Будто все время что-то замышляет…

— А папа мне такое не покупал! — заявила вдруг Катя, размазывая крем по щеке. Светка принялась вытирать ее салфеткой.

— А что тебе папа покупал? — поинтересовался я.

— Пиццу! — Ребенок многозначительно мотнул головой.

— Так, может, пойдем за пиццей? — тихо спросил я Свету.

— Нет, что ты. Хватит ей. Спасибо, Стасик. — Улыбнулась она.

Подумаешь, ерунда какая.

— Кать, а когда вы с папой пиццу ели? — спросила Света.

И где же этот неуловимый папа?

— Когда еще ты с бабушкой на дачу ездила.

— Ясно, — Света скорчила печальную физиономию, — весьма неопределенный период.

— Катя, а папа где живет?

Может, конечно, я не в свое дело лезу, но, блин, мне не все равно!

— Где магазин большой!

Светка фыркнула.

— Магазин? А что там продается: еда? Или, может быть, игрушки или мебель? — продолжал я допрос.

— Чайники. Мы там чайник купили.

О-о! Уже что-то!

— Вы с папой чайник купили? Электрический?

— Нет.

— Нет? Для заварки?

— Нет, с мамой. А папа на работе был.

— Э-э… — Светка захихикала.

Здрасьте, приехали.

— Пойдем на лошадке кататься! — попросила Катя.

Ну что ж, пойдем, таинственная моя. Вся в мамочку.

И была лошадка, и была цепочечная карусель, и еще карусель со зверями, и лебеди, и даже автодром. Тут я оторвался на все сто. А ведь не хотел идти. Светка водит плохо, она все время врезалась в бортик, а из-под машины летели искры, и Катька громко визжала от восторга. Впрочем, ее мама визжала ничуть не тише. В довершение всего Света умудрилась поцарапаться, к

счастью — несильно. Зато появилась возможность увидеть ее стройную ножку. Правда, совсем ненадолго…

Затем эти две совершенно дикие амазонки потащили меня в тир. Там под потолком были развешаны «охотничьи трофеи» — разноцветные мишки. Почему-то вниз головой. Вампиры, наверное.

Стрелял я неплохо. Раньше. Давно когда-то, еще в школе. Вспоминая молодость, встал в позу, локтями уперся в прилавок, палец — на курок, приклад — в плечо, прицелился, щелк…

В общем, медведя я Катьке застрелил. Хотя она хотела вовсе не его, а большой надувной молоток. Но оказалось, что таких призов в тире нет, а это просто рядом продают шарики.

Я был не против взять и эту звездно-полосатую кувалду, но Светка сказала: «Перебьешься». Не мне — ребенку. А Свете я купил три розочки. Настоящие, не надувные. Потому что лилии я подарил ей чуть раньше, когда пришел.

А потом я повез их домой — Светка уже стучала зубами от холода. На такси, что делать. Но, по-моему, никто на меня не обиделся.

ГЛАВА 10
Паутина

За рулем своего «Логана» Андрей думал про разрешение на программинг. «Государственный Трибунал дает согласие на использование теории Сущности»…

Что-то здесь не так.

Лига с осторожностью относится ко всякого рода информационным технологиям. Магистры по-прежнему считают, что эссенциалиста-корректора, его руки, восприятие — машина заменить не может. Будут погрешности при анализе, обязательно будут.

Но разве то, что происходит сейчас, — лучше? Горстка замотанных специалистов против армии больных. И над ними — грозное око Трибунала. Значит, Лига поддалась рационализму и разрешила допустить кибернетику до его величества Человека?

Хочется верить, как же хочется верить!

Въезжая во двор Конторы, Андрей уже чувствовал знакомое покалывание в кончиках пальцев. Паутина! Она так и просится в эфир. Так и тянется к новым горизонтам.

Кабинет уже привели в порядок, приятно было сесть за компьютер и начать…

Хотя бы начать. Ведь это никому не навредит. Не нарушит Стандарт.

— Что проку лгать себе, господин эссенциалист? — спросил Андрей отражение в мониторе. — Контракт уже подписан, пути обратно нет.

Он нажал кнопку пуска. Компьютер загудел.

Начать можно с вводных параметров.

Пальцы Андрея на секунду зависли над клавиатурой и вскоре поспешили за мыслями…

Паутина строится не на раз. Сначала в недрах человеческого организма, словно пружина, разворачивается тонкая игривая спираль. Вот пошли во все стороны лучи. Кружатся, кружатся, будто спицы в невидимом колесе…

Это память. От центра вовне на север — рождение, от севера к северо-востоку — сектор младшего детства, от северо-востока к востоку — старшее детство, от востока к юго-востоку — тинейдж… И так по кругу, до завершения… Только между старостью и рождением — пустой сектор. Пустой… А бывает, что граница паутины не захватывает последние сектора, тогда ее рваный край похож на облетевший с одного боку цветок, на

смятый лоскут или, как пишут в учебниках, на разодранный клубок… Там образуется затемнение, его-то и надо устранять…

В память-лучи вплетаются нити. Это события. Факторы. Поступки. Климатические условия. Жизненные прерогативы. От меньшего к большему. От ниточки к разветвлению. От перекрестья к узору.

Узоры сектора Детство: роды, кормление, первые игрушки, колыбельные песни… Отрыв от груди, детский сад, школа…

Узоры Тинейджа: половое созревание, первый конфликт семейного воспитания и общественных требований… И тоже школа… И друзья… И друзья противоположного пола… И влюбленность… И любовь… И разочарование…

Андрей остановился, печально взирая на перечень, который не захватывал еще и пятидесятой части.

— Я сумасшедший. Поддался искушению и полез в гору. На Эверест. Без снаряжения. Один.

Но там, на вершине, ждут люди. И, может быть, успех и сенсация. И, может быть, Рита.

Его пальцы побежали дальше, как в том вальсе, в вальсе, который играл для нее. Или это только кажется? Он ведь никогда не учился в музыкальной школе.

Однако хватит топтаться на месте, надо переходить к главному — к узлам.

Что такое аксель? Это препятствие. Дефект, ошибка вышивальщика, обернувшаяся браком изделия. Артефакт на фотографии жизни. Да, вот так точнее, пожалуй.

Узел — это не событие, не чувство. Это следствие их. Причинно-следственные связи — вот ключ к распутыванию узлов. А бывают и гордиевы аксели. Их нельзя распутать. Но и разрубать нельзя, иначе — смерть пациенту. А тебе — костер.

Но заказчика интересуют больше фенотипы узлов, их проявление на практике. Болезни. Хронические неудачи. Расстройства психологической адаптации. Их много — сотни. А причины все те же, их гораздо меньше.

Нелюбовь и множество ее разновидностей. Страхи — явные или завуалированные и их возрастные метаморфозы. И, конечно же, грандиознейшая, классическая, самая ПРИЧИННАЯ причина всех времен и народов, которой дрючат студентов-эссенсов так же, наверное, как инженеров мучают сопроматом: «Отсутствие адекватной самореализации». У Андрея стоит за нее красная галка — высший балл. И этой составляющей в программе должно быть отведено одно из ведущих мест.

А теперь — способы вязания аксельбантов…

Дверь отворилась, в кабинет влетел Денис. Он ведь сказал,

что с утра будет на производстве!

— Андрей Николаевич! Да вы что! Четыре часа, а вы с девяти не встаете со стула. Так нельзя, надо же отдохнуть, пообедать!

Он принялся суетиться, вытащил из сумки какой-то фастфуд и запихнул его в микроволновку.

— Как, уже четыре? Я был уверен, что не больше часа, — изумился Андрей.

— Меня нет, и никто даже носа не сунет! Пишет и пишет человек!

Денис подвинул стул к компьютеру и уселся, впившись глазами в экран.

— Ого! Сколько вы уже сделали! Повременные сектора, аксели, до аксельбантов добрались! Да вы — просто герой!

— Здесь только схема, все в общих чертах. А предстоит еще описать множество подробностей и, самое главное, механизмов диагностики и лечения.

— Да, да, — закивал Денис, — правильно. Сегодня не получилось, а завтра мы уже займемся этим совместно!

Микроволновка запищала, он кинулся открывать дверцу.

— А сейчас — обеденный перерыв!

— Спасибо, я не голоден, — как можно вежливее сказал Андрей. — В горле пересохло. Не возражаете, если я прогуляюсь до кулера?

— Угу!

Денис кивнул и, тут же забыв об Андрее, примостился у подоконника, распечатывая упаковку с разогретым пловом и рассматривая перспективы съесть и вторую.

В конторе была неплохая столовая, но программист предпочитал избегать лишнего общения. Особенно сейчас, когда он так близок к мировой славе.

Андрей шел по ковролиновой дорожке коридора. Возле стены-аквариума он остановился посмотреть на рыбок. Вот синие задиры-петушки, жемчужные гурами, красные острохвостые меченосцы. Их движения грациозны и полны достоинства. В детстве у Андрея был домашний аквариум, и он часто смотрел на него, особенно после школы. Особенно, когда было плохо.

Водный мир успокаивал, а его обитатели своими мягкими губами беззвучно нашептывали заверения в вечной дружбе. И он им верил. А потом семья Андрея собралась переезжать в новый дом, и рыбок пришлось отдать…

Его аквариум был небольшим, всего на двадцать литров. Кроме моллинезий и сомиков там обитали его любимые разноцветные попугайчики. Они всегда забирались в ракушечный грот у самого дна.

А здесь на дне был замок. Опять этот замок! Андрей на секунду зажмурился, потом открыл глаза, отошел от аквариума и поспешил дальше, в тамбур. Он ведь так и не добрался до кулера. Пить действительно хотелось, но еще больше хотелось не видеть Дениса. Почему — Андрей не мог четко объяснить.

…А замок в аквариуме — признак безвкусицы.

Утолив жажду лишь после четвертого стопятидесятиграммового стакана, что весьма его удивило, Андрей заспешил обратно. До конца работы всего полтора часа, нужно закончить аксельбанты.

Дениса уже не было на месте. На клавиатуре лежала записка: «Вызвали к руководству, акт обещает быть долгим, увидимся завтра». Андрей порадовался. Наверняка у этого человека проблемы с паутиной, вот и создает дискомфорт своим присутствием. Будет время — стоит посмотреть.

Андрей снова сел за стол.

Итак: аксельбанты. Группы узлов, конгломераты.

Способов вязания три: цепи, петли, косички.

Цепь — самое простое образование. Это фактически череда узлов. Нити, образующие аксели, как правило, общие, и при распутывании нужно учитывать степень натяжения. Но вероятность излечивания при размыкании цепи (по сравнению с другими двумя типами) наибольшая. Это связано с тем, что люди, подверженные образованию цепей, максимально адаптированы в жизни. Это, как правило, легкие в общении оптимисты и реалисты. Личности, живущие или, что чаще, стремящиеся жить в согласии с окружающим. Не инициирующие конфликты. Не провоцирующие склоки. Не занимающиеся самоедством. А еще — не обремененные чрезмерной ответственностью. Приближенные к Золотому стандарту. Но такие в эссенциалию почти не приходят. Это не значит, что у них нет проблем, нет болезней, неудач и провалов. Они просто не придают этому особого значения. И не находят достаточного количества времени.

Самый сложный тип — косички. Это как раз то, чем забиты паутины постоянных клиентов корректора, которые появляются как штык — не реже двух раз в месяц. И это еще хорошо!

Косички — достояние людей мнительных, склонных к самокопанию или, наоборот, обвиняющих весь мир в своих бедах. Ипохондрики, параноики, склонные к различной зависимости типажи. А еще те, кого называют «слишком правильные». Вот это слово «слишком» и есть тот поршень, который давит на процесс образования аксельбанта, выталкивая его наружу. Теоретически распутать косичку можно. Но на это может уйти вся жизнь. Аксели из тонких свалявшихся нитей нередко оплетают лучи из

разных секторов. А когда в образовании недуга задействована память — прошлые обиды, упущенные возможности, да еще, как нередко бывает, каждодневно пополняющаяся информацией личная неприязнь, — развязать такое изделие, не повредив основы, может далеко не каждый рядовой «первозвеньщик». Это, пожалуйста, к высоким магистрам. Но на практике получается как раз наоборот.

Третья разновидность — петля. Или «петля руководителя». Это несложное образование убирается с полпинка. Но так же быстро возникает снова. Невозможно полностью и надолго избавиться от петель, они растут как грибы после дождя. Название говорит само за себя, это связь с заботой и постоянной ответственностью. Петля — участь начальника, родителя, учителя, полководца и, конечно же, эссенса. Но, к счастью, эссенсы почти не имеют петель, поскольку обычно распутывают свои узлы до того, как тех накопится достаточно много для конгломерата.

Все это Андрей аккуратно и скрупулезно заносил в память компьютера. Наконец звонок — сигнал об окончании трудового дня — прервал его творческий полет.

Пора было ехать домой.

* * *

Вечером Стас так и не позвонил. Андрей немного расстроился, но голова была забита мыслями о начатой работе, и особо грустить не пришлось.

Он отварил себе немного замороженных овощей и потушил мясо. Потом добавил приправ — имбиря, базилика и, подумав, молотого перца. Есть одному было не так интересно, однако желудок возмущенно урчал.

На тарелке не осталось ни крошки. Стас по-прежнему не звонил, заняться было нечем, и Андрей вдруг почувствовал наплыв дикого одиночества. Ни родителей, ни жены, ни детей, ни подруги… Никого.

— «Почему я все время один?» — подобно крокодилу Гене подумал вдруг Андрей.

Возле телефона нет записной книжки с номерами друзей или коллег.

В мобильнике лишь одна запись, да и та — в принятых номерах. Телефон Стаса.

Андрей сел на диван, тупо разглядывая доверху забитый книжный шкаф.

«А ведь я знаю все, что написано в этих книгах, — понял вдруг он, — когда же я их прочитал? И зачем я вернулся?»

Он попытался вспомнить кого-нибудь из старых знакомых. Отчетливо представил школу, учительницу Марью Евлампиевну по кличке Лампочка, девочку Олю, по которой вздыхал.

«Как она могла мне нравиться, такая глупая», — с удивлением подумал Андрей. Еще он вспомнил хулиганов и драку, свой подбитый глаз… Нет, подбитый глаз Стаса. Ну да, конечно, это Витька из параллельного его разукрасил. А Стас стукнул Витьку по уху. А где же был он, Андрей?

Этого он вспомнить не мог.

Тогда он снова задумался о непонятном оформлении разрешения на разработку программы.

«Государственный Трибунал дает согласие»…

Стоп. Вот оно.

Давать согласие на использование сущности должна Лига, а не Трибунал. Такие вопросы решаются Верховным магистром, решение отображается на бланке с паутиной. И только потом Трибунал дописывает свое веское «Не возражаю».

Что же показал ему Денис? Липу?

Андрей мерил шагами комнату, не решаясь поверить. Значит, разработка программы будет проходить без согласия Лиги. Без санкции Трибунала. Или Трибунал все-таки в курсе? В обход Лиги? Но это странно. И тем более непонятно, почему стоит подпись одного Артура. Он в одиночку решает такие вопросы?

— На что же я подписался? — сказал Андрей сам себе.

На какую-то аферу.

Андрей провел рукой по глазам, пытаясь снять навалившееся оцепенение. Что-то творится. Неправильное что-то.

Но не стоит ломать голову. Чистоту их помыслов легко проверить. Достаточно связаться с Трибуналом через любую эссенциалию, и он сразу узнает: что известно органу контроля о проекте.

Где у нас ближайшая эссенциалия?

Что-то не вспоминается с ходу. Андрей снова напряг память: булочная, универсам, обувная мастерская, фотоателье, школа, детский сад, все есть в ближайшем микрорайоне. Но как же без эссенциалии?

Взяв городской справочник, Андрей открыл алфавитный указатель. Эссенциалий не значилось. Он отложил книгу и полез в Интернет. Городской сайт гостеприимно приглашал ознакомиться с достопримечательностями города. Андрей искал в разделах «Здравоохранение», «Социальные услуги», «Психологическая помощь», в конце концов просто принялся

кликать на все заголовки подряд. Эссенциалистами даже не пахло.

«И кто только этот сайт оформлял! Забыть самое главное!» — мысленно проворчал Андрей, набирая в строке поисковика «Эссенциалия, эссенция, эссенциалист». Вылезло огромное количество ссылок на различные медицинские, философские, химические и еще кучу всяких текстов, но все было не то! Ни «Лигу Эссенс» ни «академию Эссенс», ни «паутину сущности» компьютер не знал.

Недоуменно взирая на экран, Андрей решил, что, видимо, между паутиной Сущности и паутиной Всемирной возникли какие-то разногласия, раз они так упорно друг друга не приемлют. Он выключил компьютер и отправился на улицу. Оставалось просто поискать по городу.

Остановил первого же парнишку с велосипедом, спросив о ближайшей эссенциалии. Мальчик пожал плечами и уехал. «Наверное, ребенок не в курсе. Да и зачем ему», — решил Андрей и пошел дальше. Подошел к старушкам на лавочке.

— Как? Ассен… Ассенизатор? Да как же, как же, вызывали — вон у того подъезда труба потекла…

Андрей подловил молодую мамашу со скрипучей коляской и повторил вопрос. Та долго морщила лоб и всматривалась вдаль, но проснулся младенец, и ответ про эсенциалию потонул в его крике.

Оставалась надежда на единственного во дворе автомобилиста. Тот лежал на коврике под грязно-белой колымагой и вкусно матерился.

Но надежд Андрея не оправдал и он. Вопрос про эссенциалию получил ответ:

— Не знаю, мне не надо. У меня же иномарка, чтоб ее…

Начиная нервничать, Андрей вышел через арку к автобусной остановке. Прямо напротив стояло хмурое серое здание с огромными трещинами по фасаду и белыми окнами.

От него вдруг повеяло чем-то таким долгожданным, что Андрей сразу догадался о его назначении.

Забавно, эссенциалия у меня под носом, а я и не замечал.

Надпись на табличке гасила: «Поликлиника № 65».

Смешное слово. Немного не по смыслу. И мода эта новая: давать эссенциалиям названия. «Цветущий сад», «Энергетическая пирамида». «Поликлиника» еще теперь.

Коридор встретил Андрея резким запахом дезинфекции. Милые светлые стены, «драконьи» деревья в узких кадках, кабинеты с лампочками…

Где же информационный стенд? Конечно, перед

регистратурой. На нем — полисы, платные центры, дежурные аптеки, курсы будущих мам. Ничего о Трибунале.

Андрей постучался в смешное пластиковое окошко с точечными отверстиями:

— Девушка, милая, не подскажете, как связаться с Трибуналом?

— Пить, курить и совращать малолетних, — кокетливо ответила кудрявая фея на ресепшене после секундной заминки.

Андрей оценил шутку и повторил вопрос как можно подробней.

— Теперь уже и не смешно, — ответила девушка и обратилась к следующему посетителю. Но на красавчика по-прежнему поглядывала, хоть и обиделась немного.

Сходить к директору?

Андрей поднялся на второй этаж. Вот и кабинет. С табличкой «Главврач». «Как в прошлом веке», — удивился Андрей.

Он почти взялся за ручку, но увидел напротив табличку на двери: «Физиотерапия». А за дверью, о ужас, прямо как из старого кино, такие допотопные железяки! И никто их не протирает перед следующим пациентом.

Андрей прошел дальше по коридору. «Отоларинголог», «Пульмонолог», «Гастроэнтеролог», «Эндокринолог», — гласили надписи. Как это? Каждый специалист занимается только одной частью тела?

Он растерянно взглянул на ожидающих приема многочисленных пациентов. Ну хоть эти все те же. Если присмотреться внимательнее, минуту постоять, вчувствоваться, можно расшифровать все их проблемы. Кто-то действительно болен, а кому-то просто внучка не звонит.

Из двери, озаглавленной как «Процедурная», донесся женский писк.

Андрей заглянул внутрь. Медсестра в белом халате набирала какую-то жидкость в *шприц*.

Здесь все еще делают уколы? Здесь *лечат инъекциями*?

Всемилостивый боже…

Напротив открылась еще одна дверь, Андрей не успел прочитать надпись. Из кабинета вышла вульгарного вида тетка и крикнула:

— Примем только с больничными листами. Не стойте под дверью!

Я не буду искать ваш анализ, не отвлекайте доктора!

Андрей так и обомлел.

Кто это? Что это?!

— Молодой человек! Вы нам не поможете? — окликнули его.

Андрей обернулся: рядом стояла бабуля в белом халате, на шее у нее висел… Как же называется эта штука? Такие были в музее академии. Фонендоскоп, вот. А совсем молодая девчонка, младше Риты лет на пять, тыкала пальцем в уродливое сооружение из досок.

— Давайте шкаф в кабинет занесем, — жалобно попросила девочка.

И *эта* рухлядь — шкаф? Но если он им нужен…

Андрей подхватил деревянного монстра и, как пушинку, пронес его к соседней двери. Женщины поспешили распахнуть ее.

— Вот сюда, сюда, к стеночке! — засуетилась бабуля. Андрей поставил шкаф и осмотрелся. Два стола. Два стула. Кушетка. Два шкафа — кроме того, что внесли, еще один, только со стеклянными дверцами. Наверху — ящики, а в них, да и везде кругом…

Бумажки. Бумажки. Бумажки. Море, океан, вселенная из бумаг. Ни компьютера, ни эссенциального монитора.

А в дверь уже нетерпеливо заглядывают люди.

Где привычные цветные лучи? Где контакт ладоней-груди? Где таблицы на стенах со схемами ликвидации акселей?

За что сожгли Риту? За что жгут других? За сверхвоздействие?! Да здесь же нет никакого!

Растерянно озираясь, он заметил эмблему на бейджике доктора: змея над вазочкой. Но здесь же должна быть птица феникс!

Андрей, ничего не понимая, вышел из кабинета.

Это — не эссенциалия! Это — непонятно что и откуда. Стараясь ни до чего не дотрагиваться, Андрей пошел к выходу.

ГЛАВА 11
Исцеление

Понедельник начался, как всегда, с кошмара.

Прогу установи, кукесы почисть, почту наладь, сбегай туда, Стас, сделай это, Стас. А завтра, Стас, — конференция, ты все подготовил?

Носился, как ошпаренный. Мало того, что появились новые сотрудники (а им, как водится, нужны новые машины, а новые машины надо связывать с сетью, ууу!), так еще взяли коммерческого директора!

Вы можете себе представить? Коммерческий директор в аудиторской фирме! Где все — и так бухгалтера! Где есть главбух и ведущий менеджер!

— Мы расширяемся, Станислав! Действуй! — заявил начальник.

Пришлось тянуть провода в новый кабинет. За целый день успел перехватить только пару бутербродов и выпить чей-то чай. Ничего, потом отдам, после отпуска.

В общем, остановиться и оглядеться мне удалось только в семь вечера, когда большинство сотрудников срулило. Либо меня так воодушевила вчерашняя прогулка, либо за выходные я вырос профессионально, но сделал за день столько, сколько обычно с трудом успеваю за три. Веяния нового мира? Или все-таки… любовь?

Кстати, как там моя любовь?

Перед уходом набрал ее номер.

Кто взял трубку, я не понял — у мамы, что ли, такой хриплый голос? — и попросил позвать Свету. Там откашлялись.

— Это я, Стасик!

Света!

— Что с тобой? Горло болит?

— Угу, и температура высокая. Пришлось с работы отпрашиваться.

— Так. У тебя есть чем лечиться?

Она назвала несколько препаратов. Опять эти таблетки. Такая отрава! Все бы им, фармацевтам, колеса глотать.

— Хуже всего, что кашель какой-то… Неприятный. Как бы не воспаление легких. И Катьку боюсь заразить: мама, как назло, уехала, Маринка на работе, а детеныш возле меня все время крутится.

— А врача не вызвала? Чтоб послушал.

— Уже поздно, только дежурный до полвосьмого…

Она собиралась еще что-то сказать, но закашлялась. Вряд ли ее поймут по телефону.

— Слушай сюда. Я сейчас вызову тебе врача и приду. Дежурного так дежурного. Уговорю, если что.

Я кинул трубку и, быстро узнав по справочному номер их поликлиники, принялся звонить. Время — девятнадцать двадцать, должны принять вызов.

Должны. Да только не обязаны. Занято, занято, занято…

Набирал минуты три, прежде чем до меня дошло, что трубу просто сняли. Чтоб не дергать машину в последний момент.

— Дур-р-рак! Доехать бы успел!

К счастью, уходил я не последним, начальство сегодня припозднилось. Поэтому времени на то, чтоб запирать офис, отдавать ключи и расписываться в журнале у охраны, тратить не пришлось.

По лестнице я спустился в три прыжка, по дороге на остановку меня ничто не задержало, автобус подошел сразу, а пробок в этот час не было. И все равно я подошел к поликлинике в девятнадцать тридцать пять.

Черт! Сейчас ведь упрутся и не поедут! Денег предложить?

Не успел я взбежать на крыльцо, как навстречу мне вышел… Андрей. Вот так встреча!

— Стас!

Он так обрадовался, что мне стало неудобно. Я вот совсем не хочу его видеть после вчерашнего. Да и некогда.

— Привет! Слушай, извини, я очень спешу! Светка заболела, а мне нужно врача вызвать.

Я рванул мимо него в холл.

— Постой! Отсюда? Да здесь же варвары…

Но я уже не слушал его, а подбежал к столу справок.

— Девушка, — я приложил руку к груди, — мне вот так вот нужен терапевт!

Краем глаза я заметил, что Андрей при этой фразе скривился.

— А трибунал уже не нужен? — фыркнула девица, покосившись на догнавшего меня Андрея. — Дежурный врач ушла домой. Вызовы обслуживаются до половины восьмого.

— Как — до полвосьмого? — изумился Андрей. — А потом — что?

— Вызывайте «Скорую помощь». Или оставляйте вызов на завтра. Записать?

Я открыл рот, собираясь сказать сразу многое. И «да, записать», и «а кто сейчас на приеме», и что-то еще жизненно важное. Но Андрей сгреб меня в охапку и, не говоря не слова,

выволок за дверь.

— Послушай! — остановил он поток моего красноречивого негодования, — я только что был в этом… заведении. Здесь не лечат людей. Здесь им могут только навредить. Что со Светой, скажи?

— Боится, что воспаление легких. Мне и не нужно лечение, она фармацевт. Только послушать! Хрипы и все такое. Да пусти!

— Подожди! — Андрей загородил своим телом дверь, словно амбразуру, — я же корректор! Пойдем, я все сделаю. Все увижу. Все услышу. И хрипы, и стоны. И вылечу. Идем!

Я больше не сопротивлялся.

По дороге мы купили меда, молока и еще большую дыню. Есть с температурой не очень хочется, а вот сочного погрызть…

— Дурак я. Вчера гуляли, она вырядилась в маечку. Не надо было по ветрогону так долго мотаться, — каялся я, когда мы шли к Светиному подъезду.

— Стас!

Я остановился, глядя на Андрея.

— Не вини себя. Эту беду поправить легко, — сказал он грустным-прегрустным голосом.

— Посмотрим! — буркнул я, нажимая кнопку домофона.

Нам открыли сразу — ждали.

— Андрюха, давай не будем говорить, что ты этот… эссенс. А то не поймет еще, не дастся, — заговорил я, когда нам остался один лестничный пролет. Хоть и относительно новый дом, но — пятиэтажка. Лифтов нет.

— Я не понимаю, Стас. Почему в нашем городе никто не знает про эссенциалистов? Здесь что, вообще их нет?

— Думаю — нет, — пожал я плечами. — Я по крайней мере, кроме тебя, никого не видел.

На лице Андрея отразилась крайняя степень удивления. Он даже притормозил на секунду.

— Идем, идем! — поторопил я его. Подумаешь, событие! Эссенсы не водятся. Вот сейчас и узнаем, на что вы годны, товарищ эссенс.

Дверь Света открыла сама, но мы тут же в один голос потребовали, чтоб она отправлялась в кровать.

Светка пыталась возразить, тогда Андрей сделал левой рукой обводящий жест, как будто моет окно.

— Тридцать восемь и два? — спросил он и стал быстро снимать ботинки.

— Угу! А как ты так точно…

— Он — экстрасенс, — предупредил я дальнейшие расспросы и нежелательные ответы, — я не успел вызвать врача. Зато как раз

встретил Андрея.

Смотри-ка! И правда могет!

— Свет, где у тебя руки можно помыть? — спросил Андрей, и Светка пошла показать ему ванную. Я в это время отнес молоко и мед с дыней на кухню.

— Ух ты! Здорово! — сказала она, вернувшись. — Что, он и лечит?

— Говорит, что — да! — честно признался я. — Ребенок-то где?

— А я, значит, подопытный кролик. — Светка скорчила страшную рожу. — Катька мультики смотрит. Пусть, а то мешаться будет.

Она снова закашлялась. Появился Андрей, и мы втроем отправились в малюсенькую комнатку. Сразу вспомнилась фраза из какого-то фильма: «Это шкаф, это тумбочка, но это не комната!» Здесь и обитали Света с Катей. В другой, побольше, жили мама с Мариной, а большая — с телевизором, компьютером и пианино — была общей.

Я пробирался осторожно, боясь наступить на многочисленные игрушки, валявшиеся по всему полу. Никогда не видел столько игрушек в одном месте.

— Ложись! — велел Свете Андрей, и пока она залезала на диван, снял пиджак и, повесив его на стул, сел.

— Мне… выйти или как? — спросил я с неохотой. Это что, он тут будет раздевать мою девушку? И, если честно, ужасно хочется посмотреть, как Андрей будет «эссенциалить».

— Как хочешь!

— А что, раздеваться надо?

Сказали мы одновременно.

Андрей посмотрел сначала почему-то на меня, потом — на нее.

Мне показалось, он даже слегка смутился.

— Если честно — положено. Но я могу и так, — сказал он без всяких эмоций.

— Тогда давай так.

Светка вытянулась на одеяле, как солдатик, и тут же закашлялась.

Андрей сложил руки ладонями друг к другу, как китаец перед чайной церемонией. Или японец? Потом протянул ладони к Свете. Подержал сначала, как мне думается, почему-то над желудком, потом — над головой, над шеей, над грудью и так, спускаясь, снова над животом… и чуть ниже. Судя по выражению лица, что-то очень его заинтересовало, даже удивило. Затем, растопырив пальцы, вернулся к той области, где, по моим

представлениям, у человека располагаются легкие. И тут мне показалось, что он сидит за клавиатурой! Или за роялем! Ах да, у рояля ведь тоже клавиатура. Но я сначала подумал о компьютере. Впечатление усилилось, когда он стал быстро-быстро перебирать пальцами, то сближая, то отдаляя кисти рук. Ну честное слово — программист! Или пианист. И так он «играл», наверное, с минуту, а потом спросил:

— Зачем ты столько куришь? Все серое.

Светка, видимо, не нашлась что ответить, лишь шевелила губами.

Андрей попросил ее повернуться на бок, на живот, на другой бок и проделал то же самое. Когда Светка вновь улеглась на спину, он сказал, перестав двигать пальцами, но не опуская рук:

— Пневмонии нет. Но бронхит выраженный.

— Воспаления нет? — переспросил я. Он усмехнулся:

— Бронхит ведь — тоже воспаление. Короче — воспаления легких нет. Температуру снизить?

— А можно? — осторожно спросила Светка.

— Можно. Но — надо ли? Это ведь защитная реакция.

— А как-нибудь по-другому защитить нельзя? — взмолилась Света.

— Можно, — снова ответил Андрей. — В паутину полезем или локально?

— Чего? — спросила она. Ну я ведь просил!

— Ах, да. Ничего, все нормально, сейчас.

Он снова поднял руки к ее голове. И на этот раз стал совершать такие движения, будто вытягивает нитку из клубка. Я сразу почему-то вспомнил маму. Когда мне было лет четырнадцать, а Кириллу — восемь, он притащил откуда-то котенка. И вот этот кот, как и положено всем порядочным котам, уволок мамин клубок и катал, катал его по комнате. А потом мама сидела и распутывала, распутывала, и вновь и вновь тянула нить…

Вот то же самое делал сейчас Андрей. Он быстро закончил «прясть» над Светиным лбом, потом принялся «сучить нити» над грудью. А Светка, до сих пор кашляющая почти без перерыва, наконец перестала. Я устал стоять и присел прямо на ковер, не отрывая взгляда от пальцев Андрея. На этот раз он «распутывал нитки» довольно долго, а я все смотрел, как завороженный, и вдруг увидел…

Они стали проявляться. Сначала прозрачные, а потом — совсем настоящие, тонкие и блестящие, как медные проволочки. Я не понимал, откуда они начинаются и куда уходят, видел лишь их переплетения в пальцах Андрея, который без устали

распутывал, распутывал, распутывал… И вот уже почти закончил.

— А почему они красные? — спросил я, с трудом веря своим глазам.

— Потому что воспаленные.

Андрей вытянул последнюю ниточку и вдруг резко обернулся.

— Что, подожди? — с радостным изумлением спросил он. — Ты их видишь? Правда, видишь аксели?

Светка уставилась на меня, как на какое-нибудь ископаемое.

— Я видел красные нитки, — пожал я плечами. Будто я знаю эти его аксели!

— Да, это и есть они. Распутанные узлы.

Андрей качал головой и пожирал меня глазами.

— С ума сойти, Стас! Никто не видит эти нити. Одна Рита их видела. Весь народ — и в академии, и на работе — только чувствуют. В худшем случае — тепло, в лучшем — осязают, как будто… песчинки пересыпают или правда вязание распускают, как на занятиях учили.

— А ты? — спросила Света.

— А я… всегда только песок. Покалывание. А то, что они красные, знаю лишь из учебника.

Андрей улыбнулся своим фирменным смайлом.

— А у меня, по-моему, все прошло, — осторожно, словно прислушиваясь к себе, сказала Света.

— Не все, конечно. Еще сутки бронхиальное дерево будет приходить в норму. И если ты ему поможешь — ингаляцию сделаешь пару раз или попьешь фиалку — а лучше сосновые почки, — будешь молодец. Но главное — курить не надо. Обещаешь?

— Да, — с удивлением сказала новоизлеченная, поднимаясь с дивана. — Андрюша, спасибо!

Ну, вот он уже и «Андрюша»! Авиценна наших дней!

Однако сердиться на него я не мог. Ведь он вылечил мою… Мою?

— Ой, что-то Катьки давно не слышно, — забеспокоилась тут Света, и мы вдвоем отправились на розыски. Андрей остался в комнате, похоже, он устал.

…А в зале в кресле перед телевизором безмятежно дрых ребенок. Спящего, мы и отнесли его в кровать.

* * *

Светке явно полегчало, порхала, как бабочка. Потащила нас в

«зал», усадила на диван, потом понеслась на кухню ставить чайник. Мое «ты что делаешь, прекрати немедленно» и Андреево «ты еще не совсем здорова, лучше бы полежать» просто проигнорировала. Пыталась накормить нас нашей же дыней, а еще вытащила ликер, шоколадку и что-то такое воздушно-белое, забыл, как называется, но вкусное неимоверно. Когда же на горизонте замаячил пирог и какие-то, одним уже запахом вызывающие слюнотечение котлеты, я поймал себя на мысли, что в последнее время прихожу к знакомым исключительно есть. Честное слово, стыдно. Надо прекращать эту нелепую традицию. Андрей тоже отбивался как мог, давая самые страшные клятвы, что «только час назад, очень сытно и плотно»… Ну и так далее.

Молоко Светка отказывалась пить наотрез.

— Не хочу, не хочу, не буду! А мед вообще терпеть не могу.

— Надо! Пей, я сказал!

Я препирался с ней больше в шутку. Особо настаивать не стал бы: взрослый же человек. Просто приятно было о ней заботиться. Она бегала от меня вокруг импровизированного стола из трех табуреток, за которым мы только что ели эту дыню с ликером. А я якобы пытался влить в нее собственноручно намешанное питье. Топали и почти кричали. Как мы не разбудили Катьку, спящую в соседней комнате! Наконец, плюнув на целительство, я поставил эту чашку и хотел было уже схватить предмет моих мечтаний за руки, как тут…

— Света. Выпей.

Андрей сказал это без всякого нажима и гораздо тише, чем мы с ней только что вопили. Странно, что вообще услышали. А еще он на нее посмотрел. Я не могу объяснить как. Вовсе и не властно даже. Только она вдруг остановилась, опустила глаза, взяла и выпила. Молча. Е…

Убью на фиг. Зарежу обоих.

А потом он, так же играючи, отправил ее спать. А мы засобирались домой.

ГЛАВА 12
Друг детства

Как только вышли за дверь, я в буквальном смысле припер его к стене.

— Андрей, стой! Объясни, что происходит! Вчера я получил из-за тебя по морде!

Я рассказал ему про инцидент в метро. Потом про липовый звонок. Андрей слушал очень внимательно.

— Ты от телефона избавился?

— Он же казенный! И на связи с офисом надо быть. Хотя с завтрашнего дня я в отпуске…

— Тогда я отрублюсь, на всякий случай.

Андрей извлек сим-карту и батарейки и сунул все во внутренний карман пиджака.

— Зачем? Что это даст?

— Полезли, поговорим. — Андрей ухватился за перекладину лестницы на чердак и стал быстро взбираться.

И о чем же мы будем разговаривать, интересно?

— А ты меня с крыши не сбросишь? — проявил я детскую непосредственность.

Андрей промахнулся мимо перекладины и чуть не упал. Поймав равновесие, он с удивлением взглянул на меня сверху вниз.

— Стас, ты что… Ты думаешь, это я?!

Я ничего не отвечал, только смотрел ему в глаза. Я не знаю, не знаю, что мне думать!!!

Андрей спрыгнул и подошел ко мне.

— Стас, — усмехнулся он, — у меня коричневый пояс по тэквондо. А еще я занимался боксом и акватлоном. И если бы мне надо было с тобой расправиться, я не стал бы никого нанимать!

— Да? — принялся язвить я. — А почему не дзюдо, не карате, не ушу, не легкая атлетика? Вот именно тэквондо, акватлон и бокс, а? И почему так скромно: коричневый пояс? Может быть, черный?

— Нет, коричневый, — машинально повторил Андрей.

— А где ты занимался акватлоном?

Как он ответит на вопрос, не освещенный в анкете?

Андрей задумался. Потом сказал не совсем уверенно:

— В Балтии.

Логично.

— А учился ты тоже там же? На своего эссенса?

— Нет. В Балтию я первый раз приехал на суд. А учился…

— Да-а-а? А акватлоном ты на суде занимался? Или после суда?

Нет, ну надо так завраться! Как ребенок прямо!

Тут его застопорило. Он морщил лоб, хмурился, бледнел, типа, вспоминая. Потом, подняв на меня совершенно мутный взгляд, сказал:

— Стас, мне кажется, я никогда не занимался акватлоном. Но если меня сейчас запихнуть под воду, я покажу все приемы — от и до. И даже смогу победить в своем весе. Я не пойму, что со мной такое.

— Слушай, а может, ты зомбированный? Или загипнотизированный? — веселился я. — Скажи честно, что тебе от меня надо?

— Ничего не надо. Ты же мой друг, с детства.

— С какого детства?! Мы не учились с тобой в одном классе, не ходили в логопедический сад! Где мы познакомились, а?

— Я не знаю. Но я помню тебя столько, сколько помню себя. Наверное, родители дружили…

Он как-то совсем растерялся.

— Андрей, а может, у тебя амнезия? Ты головой не ударялся? Или, может, это на нервной почве после…

Тут я тормознул. А может, это у меня амнезия?

— Думаешь, меня после костра колбасит? — понял он. — Не знаю, может, ты и прав.

Да я бы так думал! Если б я сам его не придумал! Неужели из подсознания достал?!

— После того как я видел тебя в работе, я готов поверить, что ты — телепат. Что ты читаешь мысли. Что ты можешь залезть в мою голову, в память, как в комп. Поэтому знаешь и про то, что я работал в аптеке, и даже про детство. Вот про родителей моих ты знаешь? Как звали мою маму?

— Надежда Петровна, — с готовностью ответил Андрей.

Черт! Правильно…

— А отца, — продолжал он, — Николай Иванович… Латушкин. Нет, подожди! Это мой папа! Или все-таки — твой?

Смотреть на него в эту минуту было жалко.

— Андрей! Почему у нас с тобой одна фамилия? Почему одно отчество? Ты похож на засланного шпиона, который выучил легенду, я только не понимаю: зачем тебе я? Я не представляю никакой ценности! Не являюсь президентом России, не владею редкой методикой! Скорее уж ты со своей эссенцией… Погоди…

И как это я не подумал? Так, может, дело не во мне, а в нем? Кому-то понадобились его способности? Но я-то при чем?!

— Редкая методика, ты говоришь? Но ведь эссенциалисты — не редкость! Каждая собака знает, что такое эссенциалия! Туда ходят с рождения и до упора!

— Да ну?! А вот давай выйдем и спросим у десяти человек: они слышали хоть раз в жизни слово «эссенциалист»? Уверен, они пошлют нас на…

— Стас! А ведь я сегодня уже спрашивал.

— И как успехи?

— Именно так, как ты сказал. Но я не вижу этому никакого объяснения. Везде есть корректоры. Даже в глухой деревне есть корректоры! В каждом районе! Кстати, я же хотел с тобой поговорить как раз об этом. Видишь ли, мне вчера предложили написать программу на основе эссенции.

— Так ты еще и программер?!

— Нет. Я — как раз нет. Программер и предложил. Он будет писать, а я должен обеспечить его данными. Он заявился ко мне домой сразу, как ты ушел. Ты дверь забыл захлопнуть, а он…

— Кто дверь забыл захлопнуть? Я?! Я всегда хлопаю дверями! У меня болезнь хлопать дверями! На меня брат орет из-за этого, начальники орут, сослуживцы! Я не мог не захлопнуть твою дверь!

Этажом ниже щелкнул замок, заскрипела дверь.

— Ну хорош орать! А то сейчас милицию вызову! — прокричал недовольный мужской голос, потом дверь захлопнули.

— Так. Пошли на воздух! — решил я.

И в это время зазвонил телефон. Номер не определился.

— Але!

— Ты, парниша, кажется, не понял? Тебе что вчера сказали?

Сначала я просто не врубился, думал, не туда попали.

— Сказали: с Андреем не встречаться, а ты что же?

Етить твою налево!

— Не вижу я никакого Андрея! — громко ответил я трубе, выразительно глядя в вытянувшееся лицо эссенса.

— Ой, смотри, парниша…

Пошли гудки.

Я матюгнулся и выключил мобильник.

— Видал, что творится? — зло спросил я. — Выпасли как-то. А я ведь по телефону не разговаривал и встречу тебе не назначал.

Андрей молчал и хмурился.

— Так говоришь, — продолжил я, — этот хмырь сразу после меня вперся? Следил, что ли?

Андрей уставился на меня.

— Может, и следил, — пробормотал он, быстро сбежал по ступенькам на площадку и, встав так, чтоб его не было видно в

окно, осторожно выглянул. Я спустился следом и встал с другой стороны.

Темнело, горели фонари. Тихий двор, нормальные люди разошлись уже. Под нами — никого. На другом конце двора у теннисных столов тусуются подростки.

— Ну не в этой же колымаге наблюдатель сидит? — Я показал на «жигуль», стоящий на приколе как минимум с прошлой зимы.

— А если в той? — Андрей кивнул на темные очертания под пышным кустом.

— Черт его знает. Может, и правда.

— Что будем делать?

— Не знаю. Выходить по очереди.

Андрей сосредоточенно потер лоб и спросил:

— Ты смелый, Стас?

Я фыркнул. Что за дурацкий вопрос!

— Чрезвычайно.

Смелый не смелый… Деваться-то некуда.

— Тебе придется идти первым. Вроде как ты со мной не пересекался. Все равно погрешность определения координат — около ста метров.

— А ты, типа, точно знаешь? — издевательским тоном поинтересовался я.

— А ты, типа — нет? — передразнил Андрей. — Только телефоны надо включить, чтоб сигнал шел… И оставить где-нибудь в недоступном месте. Получится?

— Жалко трубу… У тебя вообще новая.

— А я свою и не брошу. Спрячу в каком-нибудь кафе, потом вернусь и заберу. Ты сейчас выйдешь и позвонишь кому-нибудь из знакомых. Скажешь, что ночевать приедешь.

— Да брату позвоню, кому ж еще. Он сегодня как раз дома ночует.

— Превосходно. А по дороге избавишься от мобильника. — Андрей выпалил все это одним махом и вздохнул. — Где встречаемся?

— Давай в парке, напротив префектуры.

— Оки, договорились.

Я включил телефон и пошел на выход. Медленно, «по-шпионски». Даже загадочную полуулыбку нацепил, жаль, заценить некому.

Выйдя на улицу, звякнул Кириллу.

Спокойно положил мобильник в карман и не спеша побрел по тротуару. Эх — не курю, было бы чем руки занять. Да и подозрений меньше: иду, дым пускаю, ничего не замышляю…

Перешел улицу, остановился у ларька. Взять, что ли, пачку для отвода глаз? Где тут сигареты «Друг»?

Сзади встал серебристый «Мерседес». Сердце екнуло. Но из машины выскочила накрашенная блондинка в ультракоротком платьице и на каблуках в полметра. В таком наряде слежкой заниматься тяжело.

Девица поежилась на холодном ветру, и я галантно пропустил ее вперед к окошку.

— Две упаковки презервативов и пачку витаминных леденцов, — проговорила она, постукивая от холода белоснежными зубками. Девушка нервно оглядывалась по сторонам и виновато протягивала большую купюру. Мне показалось, что она смущена необходимостью отовариваться в круглосуточной палатке. Дверцу за собой она не захлопнула, автомобиль мягко рычал, словно тоже спешил убраться подальше.

Я сделал два шага к машине и, сам себя ругая, закинул на заднее сиденье мобильник.

«Теперь можно похвастаться, что дал красивой девушке телефон», — подумал я, ухмыляясь.

Девица получила свой заказ, изящно юркнула в салон и умчалась.

Я попросил у зевающей тетки мятную жевательную резинку и тоже поспешил убраться.

Фиг с ними, с сигаретами.

Надеюсь, девушка будет ехать быстро-быстро и уведет мой хвост далеко-далеко. Такие, как она, в скорости себя не ограничивают, тем более по ночному городу. Пока шустрые и злые ребята очухаются, придется им здорово потрудиться.

К парку я подошел дворами. Как и ожидал — никого вокруг не было. Аллея не освещена, тишь да благодать.

Присел на лавочку, распаковал жвачку и от нечего делать вспомнил старое доброе занятие: выдувание пузырей.

Мне всегда запрещали это неприличное развлечение. Мама, учительница, девушки… Все кривились и говорили «фи».

Сейчас мне только Андрей мог «фи» сказать, но его тонкие чувства меня абсолютно не волновали. Я даже с каким-то злорадством рассчитывал: вот он появится, весь из себя уверенный, что я от пережитого страха и дышать боюсь. А я тут спокойно сижу, пузырь с голову размером выдуваю.

Первый шарик не задался, лопнул, не достав и до кончика носа.

Зато следующий вышел на славу. Еще бы, сразу три пластинки разжевал, аж челюсти свело.

Я скосил глаза на полупрозрачный бледно-зеленый шар и

пожалел его лопать — такой красавец вышел.

Пружинящие шаги отвлекли меня от созерцания резинового шедевра. Я с сожалением бросил шар в урну.

— Молодец, мне бы твою выдержку, — хмыкнул Андрей. — Я за тебя волновался.

— Уси-пуси, — хмыкнул я. — Очень трогательно.

Он иронии не оценил. Сразу принялся рассказывать. Про контору и про программу. Кажется, моя догадка насчет методики подтверждалась. Когда он дошел до санкции, я насторожился.

— Там было написано: «Государственный Трибунал дает согласие». А теория эссенции — прерогатива Лиги. Ее согласие должно быть. Трибунал — лишь контролеры, понимаешь? Я вот и хотел через эссенциалию связаться с Трибуналом. Но эссенциалию не нашел, а нашел какой-то отстой с кричащим названием «Поликлиника». И эмблема у них странная: змея и ваза. Надо же додуматься!

Я чуть не упал со скамейки.

— Ты так говоришь, словно впервые в жизни увидал поликлинику и змею с чашей. Ты же врач! Ты перед своей академией в меде учился! Куда ж, по-твоему, деваются твои несостоявшиеся коллеги? Вот в этих поликлиниках и работают.

— Нет-нет-нет! Стой. Подожди. — Андрей присел рядом. — Я помню, как поступал. Мне вопрос достался из истории, как раз происхождение эмблемы: птица феникс. И девиз эссенса: «Пламя костра рассыпается тысячей нитей»… Какая змея?

— Блин! Если ты с первого курса своей эссенцией занимался, чего ж ты заливал про третий? Про то, что «все, чему вас до сих пор учили — фигня»? Разве не ты это говорил?

— Да, говорил, помню. Чистая правда.

— А сейчас ты что говоришь?

Андрей молчал, только сжал руками виски.

— Слушай, а у тебя часом не раздвоение личности?

— Ты думаешь? Стас, а ты паутину мне не глянешь? Ты ведь можешь.

— Я?! С дуба рухнул?

— Ну ты же видел нити, а их не каждый отличник видит. В тебе огромный потенциал, как у хорошего корректора. Может, попробуешь?

— Нет, нет, еще чего. Я даже пытаться не буду. А то совсем крыша поедет, с меня хватило за эти три дня. Что дальше делать-то будем?

Андрей вздохнул.

— Мне в любом случае надо вернуться к программе, пока не выйду на Трибунал. Буду делать вид, что все ок. Как же пить

хочется, сил нет! Аж в горле пересохло. Тут есть палатка поблизости?

— Да вон, в конце аллеи…

— Пошли сходим, а?

— Да неохота, я тут посижу. Давай, только быстро.

В парке появилась отчаянно целующаяся парочка, которая как-то слишком решительно завалилась на соседнюю лавочку.

— Тебе взять? — Андрей обернулся уже почти на выходе.

Я кивнул.

Подглядывать за парочкой было неудобно, пузыри при них надувать как-то неприлично. Я вжался в скамейку и начал развлекаться заключением пари с самим собой: какой напиток принесет мне Андрей? Если он мне «старый и проверенный» друг, то наверняка знает мои вкусы. Я по спиртному как-то не очень, больше несладкой газировки любитель. Хотя иногда могу и по пиву ударить. Как раз сейчас безудержно хотелось пива. Холодного такого, чтобы горло схватило невидимой рукой и зубы заломило. Тогда и вкус лучше ощущается, и удовольствия больше, и жажде — смерть.

Три темные фигуры появились очень быстро. Задолго до того, как я мысленно прикончил первую бутылку.

— Это мой муж прислал! — испуганно вскрикнула девушка, шарахаясь от своего кавалера. Тот неловко попытался ее загородить, но громилы прошли мимо и нависли надо мной.

— Поехали, — скомандовал центральный. — Без шума.

Оценивать силы я не стал. Бесконечность против нуля. Это только в математике неопределенность: в темном малолюдном парке все однозначно.

Убежать? А почему бы и нет… Только не в сторону Андрея.

Я привстал, проскочил под рукой-шлагбаумом и ломанулся.

Но меня моментом схватили за шиворот. Руки заломили…

И тут же отпустили.

Я грохнулся на гравийную дорожку, больно ободрав щеку. Поднявшись, обернулся…

Трое типов драться явно умели. Но мой спаситель умел еще лучше.

Он налетел на них, как коршун на добычу, и все четверо закружились в бешеной пляске. Раз! Хук справа одному. Разворот! Два! Второго носком в нос. Тот упал и уже не поднялся. Оп! Андрей присел, уходя от удара первого. Три! Выпрямляясь, апперкотом ему прямо в челюсть. Тот пошатнулся, но устоял. Удар! Мимо. Андрей отклонился в сторону. Ударил в грудь! Первый ударил в ответ, Андрей отбил. Первый ударил снова. Еще! Еще! По лицу! Ой-й!

Я бросился на помощь Андрею, но меня тут же отшвырнули энергичным пинком. Падая, ткнулся затылком в корявое днище урны. Искры из глаз так и посыпались. Железка провернулась, стукнув меня по голове еще раз.

Я разозлился. Да что же такое! Мой друг детства бьется за меня с бандитами, а я не знаю ни одного приема, кроме «по спине лопатой на»!

Андрей вертелся, как заводной, и бил, и бил то правой, то левой рукой, но чаще-то одной, то другой ногой, ловко уворачиваясь от ответных выпадов. Силуэт его светился на фоне черного неба. Сначала я думал: это обман зрения. Но постепенно сияние усилилось. Я, как завороженный, смотрел на черную, отливающую серебром тень и уже готов был поверить во что угодно.

Тут Андрей издал какой-то клич и, подпрыгнув, ударом ноги отправил противника в кусты. Здорово!

Последний упирался. Андрей никак не мог его обездвижить. Они кружили друг напротив друга, втянув голову в плечи и прикрывая руками лицо. Я уже почти ничего не различал в темноте, но по ситуации догадался, в чем дело: нападающий не хотел причинять Андрею серьезного вреда, а тот устал. Вот и искали ошибки соперника.

Ох, как же некрасиво я поступил… Некрасиво и неэстетично. И как бы сказала моя матушка: «*негиегинично*». Я заглянул в мусорку и выхватил оттуда первый попавшийся предмет. Которым и запустил в нападающего.

Тьфу. Мой зеленый пузырь из жвачки оказался достаточно живучим. Он скукожился и потерял форму, но об голову хулигана все-таки треснул, залепив волосы и глаз.

И хотя настоящие профессионалы к таким шуточкам равнодушны, этот слегка замешкался. Андрей не зевал, ударил его в живот, затем ребром ладони по спине. Противник наконец рухнул.

Андрей отскочил, тяжело дыша.

— Спасибо… Никогда так не дрался! Пойдем отсюда!

Мы быстрыми шагами направились вон из парка.

— Это тебе спасибо! Сейчас бы я был уже… Далеко. А ты — молоток!

— Да, ничего так, — усмехнулся Андрей, вытирая ладонью окровавленную скулу. — Сволочи! Я им — прогу, а они мне — в репу!

Наш хохот разнесся по всему парку. Ну надо же, какие он слова знает!

— Так ты уверен, что это именно они…

— Нет, не уверен. — Андрей поднял с земли скинутый на бегу пиджак. — Но больше некому вроде. Все, брюки можно выбрасывать.

Он слегка присел, демонстрируя порванные по швам штаны.

— Да уж, лихо ты ногами махал!

— Так руки мне еще нужны! — вкрадчиво сказал Андрей, сложив ладони, как перед чайной церемонией. Я понял.

— Скажи, а эссенсы всегда светятся в темноте?

Андрей улыбнулся:

— Нет. Только при колоссальном выбросе адреналина. А ты видел?

— Угу.

Парень с девушкой, до сих пор, оказывается, остававшиеся в парке, подбежали к нам. Нормальные люди смотались бы давно, а этим, видишь ли, зрелищ подавай, экстрима!

— Вам помощь не требуется? — сиплым голосом спросил парень. — Может, в медпункт или…

— До дома подбросите? — Андрей разговаривал непринужденно, будто со старыми друзьями. Даже в такой ситуации он ухитрился расположить к себе незнакомых людей. И как они догадались, что мы не преступники? К тому же драка отняла у них украденный час свидания…

— Он пешком, но я за рулем. — Девушка охотно зазвенела ключами от машины. — Хорошо, что это не за мной, — рассмеялась она. — Ох, как камень с души. Куда вас подбросить, мальчики?

Голос показался мне немного знакомым. Пока мы выбирались к машине, я все старался ее разглядеть. Но девушка накинула куртку своего кавалера, и под серо-зеленым мешком увидеть что-либо было трудно.

Парнишка грустно чмокнул ее в губы и, помахав нам рукой, побежал к остановке такси. На редкость доверчивый малый: оставить свою даму двум подозрительным типам… Мало того что ввязываются в неприятности, так к тому же один из них — неотразимый супермен.

— Влипнем мы с ним когда-нибудь, — то ли испуганно, то ли восторженно проворковала девушка и нажала на брелок. Ее машинка отозвалась нежным «кваком», и только сейчас, под фонарем, я понял, почему красотка показалась мне знакомой. В этот серебристый автомобиль я полчаса тому назад закинул телефон…

Андрей, конечно, сел на пассажирское сиденье, а мне пришлось усаживаться на заднее.

Прямо на свой мобильник-предатель. Что ж, значит, не

судьба: по примеру Андрея я вытащил аккумулятор, симку и вместе с «трупом» телефона сунул все в карман.

Пока мы ехали, успели узнать всю нехитрую историю запретной любви. Про милого и доброго Лешу, про рано постаревшего от своего бизнеса Пашу. Или наоборот.

Я тоже ввязался в разговор. Рассказал про красивый вид со своего балкона.

Андрей поддерживал беседу, а я понимал, как сильно ему досталось.

Не шпану расшвыривал — с профессионалами дрался. Девушке же явно не хотелось выпускать Андрея из машины, она как-то быстро просекла, что подвозим мы меня, а ему еще довольно далеко добираться, что Андрей не женат и имеет отдельную квартиру…

Как ей это удалось — понятия не имею, он отвечал ей уклончиво и односложно. Если отмести подозрение в подставе, то получается, что во многих девушках сидят неразбуженные эссенциалистки.

А если подозрения не отметать-то это заговор?

Почему она согласилась нас подвезти?

Почему так быстро вернулся Андрей, да еще и с пустыми руками?

Но если дама не виновата, то и Андрей. А, ладно.

Я не удержался и задал ему этот вопрос. Уже наедине, когда девушка высадила нас за углом моего дома.

— Да я ж не спросил, что тебе брать. Себе хотел «Нарзан», думал и на твою долю. Но тут вдруг вспомнил, что ты и пивком иногда побаловаться любишь.

Вот так все просто. И нечего придумывать.

— Как ты теперь, нормально доберешься? И с дракой с этой засветился…

— Доеду как-нибудь. А про драку не думай. Велено же было: не разговаривать. А мы разговаривали разве? На тебя в парке хулиганы напали, я не смог пройти мимо. Откуда мне знать, от кого они? А мы давай так. Встречаемся завтра в семь вечера в торговом центре под эстакадой, скажем, в спортивном отделе. Если что-то почему-то не получается, ты звонишь Свете с любого телефона, только не с домашнего. А я, а я… Что-нибудь придумаю.

Андрей побежал к остановке ловить попутку, а я побрел домой. Конечно, в наш лепет трудно поверить, но Андрей может быть таким убедительным. Вон как про эссенциалию, Трибунал и костры складно плел. А ведь подумать — полный бред.

Я вошел в подъезд. Лифт не работал, свет не горел. Где же

консьержка? Я на мгновение задумался. Не то чтобы был очень мнительным, но после сегодняшних событий в случайности верилось с трудом.

Черт его знает, что ждет меня наверху…

Внезапно приняв решение, я бросился вон из дома в направлении станции. Здесь недалеко: всего-то пробежать район старой застройки, перейти дорогу, а там по подземному переходу на перрон…

В последний момент вскочил в электричку на двадцать три тридцать семь, идущую до Клина.

Может быть, я ошибаюсь. Может — психую и порю горячку. Но вот не хочется мне сейчас лезть в пучину неизвестности. Я по натуре вообще достаточно медлительный, а последние дни просто очухаться некогда — события сменяют друг друга, как в клипе. Нужен хотя бы день, чтобы подумать. Заодно и родителей повидаю — давно пора.

В вагоне я был один. В течение всего часа пути меня не покидал легкий мандраж, хотя никаких следов преследования не ощущалось. Нервы разыгрались не на шутку, надо с этим завязывать. Ничего не произошло! Просто еду в отпуск.

Клинская платформа встретила меня отрезвляющим холодом. Вроде жив и свободен, и никто не посягает. Но впервые в жизни не хотелось ни прикалываться, ни искать объяснений. Хотелось в укромный угол, спать.

Забившись в привокзальный бар, я просидел там до половины четвертого и с первой электричкой отбыл в Тверь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДЭН

ГЛАВА 1
Коллатераль

Солнце несмело касается оконных витражей старого корпуса Государственного университета. Лекции — это всегда скучно, особенно на третьем курсе. Хорошо, что профессор понимает это и старается рассказывать интересно.

— Таким образом, господа программисты, технический портал, или коллатераль, состоит из трех ступеней…

Дэн в первом ряду старательно перечерчивает схему с доски.

— …деструктора-передатчика, пути, или собственно коллатерали, и приемника-воспроизводителя.

Преобразовательная физика — наука самая молодая и самая древняя одновременно. Она родилась из попыток человека расшифровать магическое действо, а затем научиться создавать его аналоги с использованием современной техники. И профессор, гордо почесывая брюшко, спешит приобщить отроков к великому:

— Процесс телепортации, молодые люди, осуществляется в два этапа. На первом происходит преобразование информации о личности в цифровой код и передача ее в точку выхода. То есть самый простой механизм, всем вам давно известный.

Дэн кивает, записывая за профессором. Тот давно уже исподволь наблюдает за старательным студентом.

— На втором этапе осуществляется перевод физического тела в состояние, близкое к плазме, портация плазмы по коллатерали, проложенной через участок подпространства, и ребилдинг — сборка физического тела на основе переданной ранее информации.

Дэн вздрагивает. Ну и жуткая, должно быть, процедура. Неужели ее всерьез собирались применять в быту?

— А не может так быть, — Дэн поднимается с места, — что часть этой плазмы не дойдет до конечной точки? И на выходе получится не совсем идентичная копия?

— Может!

Зал возбужденно шумит. Студентки с восхищением поглядывают на черноволосого красавчика, задавшего «такой умный вопрос».

— Тихо! Ти-ши-на! Ваш коллега затронул, между прочим, очень важную тему. Сядьте, молодой человек.

Профессор махнул рукой.

Дэн сел.

— В том-то и дело. Технические порталы существуют без малого двенадцать лет. Да-да, первая коллатераль появилась еще в восемьдесят втором. И после серии удачных опытов на животных решено было перейти к портации человека. Но тут наука потерпела крах.

Ни одному из пяти жителей Лабиринта, за эти годы подвергшихся портации, не удалось сохранить личность. В лучшем случае полностью менялся характер, привычки, взгляды на жизнь, утрачивались былые привязанности, из-за чего распадались семьи. В худшем — наступало расстройство психики и человек вынужден был проходить длительный курс лечения у наших блистательных эссенциалистов. Но даже после реабилитации имели место частичная утрата памяти и полная «перенастройка мировоззрения». Вот почему коллатерали запрещены к использованию. Но может быть, кому-нибудь из вас посчастливится создать полноценный, безопасный для высокоорганизованных особей способ портации…

Дэн поднимает руку.

— У вас есть соображения по этому поводу? — улыбаясь, кивает профессор.

Дэн встает.

— А что будет, если на приемник передать другую информацию?

— Какую «другую»?!

От удивления профессор снимает очки. Да не нужны они ему. Кто сейчас корректирует зрение линзами? Для понтов нацепил.

— Ну, если взять и задать другие параметры: цвет волос там, рост, телосложение… Двоичной системе же все равно, что передавать. А по этим данным воспроизводитель построит другого человека. Такое возможно?

— Теоретически да, — с легким раздражением отвечает профессор. — Но это же… сознательное уничтожение индивидуума. Это преступление. Да и зачем это нужно?

— Да я так просто спросил…

Дэн улыбается как можно шире и садится на место. Лекция заканчивается.

«А ведь гонит дедуля, — думает Дэн, выходя из аудитории, — или сам не в курсе. Наверняка в первых порталах ионы через подпространство никто не кидал, брали в точке выхода из банка. Инфу, естественно, передавали полностью, но что-то не заладилось»…

После сумрака вестибюля Дэн жмурится от дневного света. У главных ворот университетского парка уже стоит открытый отцовский мобиль.

Однокурсники, да и старшие студенты, не говоря уже о «слонах», с уважением и даже некоторым страхом расступаются перед Дэном. Он быстро садится рядом с отцом. Девушки, не пряча вздохов, пожирают глазами обоих мужчин: молодого и зрелого, но не уступающего сыну «рокового брюнета».

Машина срывается с места, оставляя в воздухе едва уловимый запах этанола.

Мобиль Эдуарда Щемелинского знают многие.

Отец Дэна работает в Трибунале.

* * *

Семейный обед — это целый ритуал. Скатерть, фарфоровая посуда, всегда ваза с цветами, принесенными для мамы. И обязательно — тишина. Отцу нужен покой. У него сложная и ответственная работа. Лишь во время десерта, когда напряжение отпускает трибунальщика, можно болтать о чем угодно.

Мама встает из-за стола первой: в огромном доме всегда полно дел.

— Что нового в университете, сынок? — Эдуард Щемелинский улыбается, откладывая салфетку. Ему действительно интересно, чем живет отпрыск.

— Порталы читали, пап, — небрежно отзывается Дэн, прихлебывая крепчайший кофе со сливками.

— О-о! Даже?..

— Угу. Папа, а скажи, твои эссенциалисты…

— Ну-ну? — усмехается отец. Эссенсы — не запретная тема. Но его всегда веселит, когда сын говорит «твои» эссенсы.

— …У них… на выходе… личность меняется?

Взгляд отца холодеет. Дэн ставит чашку на стол.

— Дэн… ты о чем? — ровным голосом спрашивает Эдуард.

Сын, опустив глаза, тихо поясняет:

— Да ладно, пап. Я ведь уже не мальчик. Я знаю, что магии в мире почти не осталось. Но прекрасно понимаю, что в конце двадцатого столетия никто не будет сжигать человека…

Дэн замолкает, рефлекторно втягивая голову в плечи. Не слишком ли далеко он зашел?

— И что же, по-твоему, происходит в конце двадцатого века? — невесело усмехается отец. — Сожжений не было несколько лет, ты ведь знаешь…

— Знаю. Но раньше были. Может быть… остался кто-нибудь, владеющий…

— Сын, — хмурится Эдуард, — ты помнишь уговор? Ничего

лишнего…

— Да, да, пап. Я и не спрашиваю «как». Я хочу только знать, «можно ли». Помнишь, ты просил меня определиться с профилем?

— И что, ты определился?

Отец встает из-за стола. Это значит, разговор пора заканчивать. Дэн тоже поднимается.

— Определился. Я буду заниматься порталами. Но только в том случае, если это имеет смысл. Понимаешь? Поэтому я и хочу знать: сможет ли личность сохраниться на выходе.

Отец вздыхает.

— Не меняется. Но магов действительно почти не осталось. Так что если ты найдешь другой способ… я буду рад.

Дэн хочет еще что-то спросить, но отец предостерегающе поднимает руку.

— Все, сын. Ты услышал более чем достаточно. Учись. Ищи.

Эдуард быстрым шагом покидает столовую.

* * *

Прошло несколько лет. Дэн блестяще окончил университет и работал в Институте преобразовательной физики. Он успел дважды жениться и развестись, написал несколько научных работ и понял, что коллатераль для портации человека в принципе невозможна. Невозможно записать информацию о личности на кремниевые носители. Человек — это не просто белковое тело. Это вместилище для чего-то более сложного. Может быть — души. Но что такое душа? Как ее передать?

В поисках ответов на свои вопросы Дэн растерял покой. Стал раздражительным, нетерпимым. Вот почему женщины не выдерживали долгого пребывания с ним. Умный и обаятельный, обладающий природным магнетизмом Дэн легко привлекал девушек. Но, позарившись на яркое и необычное, они скоро понимали, что ошиблись. Дэн подавлял их своей гениальностью, изводил бесконечными истериками и жалобами на судьбу. Ведь он был уверен, что при помощи способностей и трудолюбия в короткий срок добьется успеха. Станет известен, уважаем, богат. Но ничего этого не случилось.

Он худел, бледнел, кашлял и думал, думал… В конце концов обеспокоенные родители чуть не силой заставили его пойти в эссенциалию.

Эссенциалистку звали Ксаной. Высокая, с черными вьющимися волосами, в ослепительно-белом, как редкий зимний

снег, халате она излучала умиротворение и уверенность. Женщина была старше лет на пять-шесть, но Дэн этого даже не заметил. Он сразу позабыл о том, что он — неудачник, зато вспомнил, что еще молод и свободен…

Надвигался страстный роман.

Но сначала было построение паутины. Уникального графика, отражающего сущность. Со всеми особенностями темперамента. С привычками и комплексами. С детскими болезнями. И даже неудачными браками. С религиозными убеждениями. С честолюбием и боязнью проигрыша. А точнее — с лучами, нитями, акселями…

И тогда Дэн понял, что пять лет тыкался в стену, а дверь где-то рядом. Эссенция — вот что теряется при портации. Ребилдинг не учитывает сущность. Но если сущность можно изобразить графиком, если можно начертить, увидеть, почувствовать все эти линии, перекрестья, узлы, значит — информацию о ней можно передавать!

Дэн бросился назад в институт и с криком влетел в кабинет начальника:

— Сущность! Мы не программируем сущность, вы понимаете, что это значит?

— Понимаю, — спокойно сказал начальник и оглядел его с головы до ног. — Как и то, что сущность — прерогатива Лиги Эссенс.

Он замолчал.

— То есть?

— Сущность неприкосновенна. Только эссенциалисты имеют права с ней работать.

— Но как же…

— Никак. Ты думаешь, почему мы столько лет топчемся на месте? Трибунал не дает согласия на использование носителей сущности в коллатералях.

— А что, — изумился Дэн, — носители сущности уже существуют?

Начальник посмотрел на программиста, как на идиота. В его взгляде отчетливо читалось: «Да у тебя же отец трибунальщик»…

— Конечно. Гармониевые.

Дэн вышел из дверей института и автоматически направился в сторону набережной. Мимо бежали по своим делам прохожие, но он не замечал их.

Как же так? Он столько времени искал причину неудач, неожиданно нашел, но, оказывается — она давно всем известна! Но непреодолима из-за причуд Трибунала, который и влезать-то в эти дела не должен…

Гармоний! Надо же… Обычная серебристая пыль под ногами. Неужели из него научились делать микросхемы?

Песок зашуршал, волны разбивались о прибрежные валуны с осуждающим плеском: «Ну что ж ты, Дэн»…

Отец почти не удивился. Он ничего не сказал и даже не посмотрел на отпрыска. Дэн провел ночь без сна, в бессильной ярости то молотя кулаками подушку, то принимаясь рыдать.

А утром Эдуард, видя воспаленные глаза сына, окаймленные синеватыми кругами, отвез его в эссенциалию.

Оттуда они направились прямо в штаб-квартиру Трибунала, к Первому. Там же, в просторном зале, находился еще один человек, седой и бородатый, в длинной черной мантии. Он приветливо улыбнулся вошедшим.

Первый долго буравил Дэна взглядом немигающих глаз, отчего тому сделалось окончательно не по себе, а потом вместе с Щемелинским-старшим и главным магистром (как потом узнал Дэн) отошел к окну, где они долго очень эмоционально совещались. Магистр даже размахивал руками. Наконец все трое подписали огромным изумрудным пером какие-то бумаги и отдали трибунальщику. С самим Дэном они не обмолвились и словом.

Молчал и отец по дороге домой, а сын сгорал от неопределенности.

И только оказавшись за дверью собственного кабинета, Эдуард протянул сыну документы.

В первом значилось:

> *«Институт преобразовательной физики и портации Лабиринта просит разрешить производство опытной партии (6 штук) гармониевых информационных носителей с целью дальнейшего использования в транспортной коллатерали».*

Директор института — Глеб Яров — фамилия и роспись.

Далее стояло:

> *«Лига Эссенс дает согласие».*

И широкая размашистая подпись магистра.

А ниже:

> *«Государственный Трибунал не возражает».*

И две подписи: Первого и Эдуарда Щемелинского.

Следующий документ, уже на голубой бумаге, с паутиной

вместо печати гласил:

> *«Государственный Заказ.*
>
> *На изготовление транспортной BW-коллатерали (один экземпляр) с целью использования для нужд Государственного Трибунала».*

Подписи Первого и Щемелинского.

И наконец, третья бумага вещала:

> *«Прошу разрешить частичный допуск к информационным файлам Лиги Эссенс нашего сотрудника Дэна Щемелинского, ведущего программиста Института ПФиПЛ».*

Подпись начальника отдела, где работал Дэн, и директора института.

А ниже, как на первом документе, сообщение о том, что *«Лига дает согласие» и «Государственный Трибунал не возражает».*

Когда Дэн смог оторвать от бумажек совершенно обалдевший взгляд, отец расхохотался.

— А что… я уже и ведущий программист?

— Ну написано же!

— И к каким файлам меня допустят? — еле выговорил Дэн.

— Ни к каким, обойдешься. Имеется в виду, что у тебя теперь есть официальное право знать о существовании трех вещей: паутины, о которой и так знает человек, хоть раз побывавший в эссенциалии, гармония, о котором знает всякий, кто хоть раз в жизни видел таблицу периодических элементов, и гармониевых микросхем. Ну, это ты и так уже понял.

— А что такое «BW»?

— А ты действительно не знаешь?!

Щемелинский-старший снова рассмеялся, громкои заразительно.

— А еще порталы хочешь делать. Двоечник. «Between worlds» — «между мирами».

Это была первая победа.

ГЛАВА 2
Перекресток

Коллатераль сделали в рекордные сроки. Казалось, армия электронщиков, физиков, программеров только и ждала команды, чтобы выстрелить. Существовали схемы, чертежи, принцип действия вынашивался годами. Оставалось залить софт на гармониевые носители, которые, Дэн готов был поклясться, уже имелись в готовом виде.

Дэн теперь работал в другом филиале института. Новый шеф, Сергей Васильевич Лебедев, оказался человеком своеобразным. На Щемелинского он смотрел одновременно и как на щенка-выскочку, и как на перспективного сотрудника. А главное, не было в нем ни грамма сдержанности, педантичности, а порой не доставало элементарной вежливости. Дэн привык видеть в людях эти качества и считал их само собой разумеющимися. Новый же начальник вызывал у него недоумение и трепет, как существо исключительное.

Портал имел несколько приемников. К установлению всех трех ступеней, а также к испытанию и первому рабочему запуску негодующего Дэна не допустили.

— Это я настоял, — заявил отец, когда они с Дэном сидели на веранде после обеда. — Чем меньше ты знаешь и видишь, тем лучше. Не спорь.

— Но… я один из тех, кто сделал его! — кричал Дэн. — По документам я вообще ведущий программист!

— Тебя что-то не устраивает? Зарплата маленькая?

— Отличная зарплата! Со мной здоровается за руку весь институт! Но я хочу…

— А я хочу, — отрезал Щемелинский, — чтоб ты жил.

Дэн хлопнул дверью и ушел в дом.

С этого дня он впал в депрессию. Делать было нечего. Коллатераль работала без него, отцу было достаточно нажимать кнопки, не вникая в суть. С проштрафившимися эссенциалистами на выходе работали совсем другие люди. Где они, эти точки выхода, Дэн не знал. Единственное, что ему сказали: «Все получилось». Это надо было понимать как то, что феномен изменения личности устранен. Но разрешения использовать порталы в качестве транспортного средства Лига не дала.

В один из самых мрачных моментов Дэна и вызвал начальник.

— Щемелинский, давай-ка делом займись, — без

предисловий начал он, бросив на стол средних размеров клеенчатую папку. Дэн раскрыл ее. На титульном листе крупными буквами чернел заголовок: «Гармонит».

— Это что-то на основе гармония?

Шеф фыркнул.

— Типа того. Вообще это руда, этот самый гармоний содержащая.

— А разве… гармоний в таком виде встречается?

— А это смотря где. Ты почитай. И если найдешь что-то для себя интересное, поговорим. Но никому пока об этом не стоит, информация… не то чтобы секретная, но знаешь ли… Конкуренты и вообще…

Лебедев сделал неопределенный жест руками.

— Да я привык уже, — вздохнул Дэн, закрывая папку. — Отец так воспитал.

— Вот как раз отцу и не стоит.

Шеф закурил.

— Иди, иди.

Дэн сгреб папку и повернулся на сто восемьдесят градусов.

«А вот это уже интересно»…

Дэн не пошел домой, а расположился с материалами у себя в кабинете и начал читать.

Гармонит оказался очень, очень интересным камушком. Он обладал свойством приводить окружающую среду к некому подобию гармонии. Отсюда, видимо, и название. Радиус действия или, точнее, величина объема этой самой окружающей среды, на которую мог влиять минерал, зависела от количества минерала.

Гармонит активно использовался в промышленности. Дэн поразился тому количеству дребедени, которая производилась на его основе. В основном — бытовая техника.

Но наибольший интерес представляло его оздоравливающее действие на человека.

— Вот порадуются эссенциалисты, — усмехнулся Дэн, переворачивая страницу.

И присвистнул…

* * *

— Я что-то ничего не понял, Сергей Васильевич. Для чего нужен прибор, фактически заменяющий эссенциалиста?

— В самом деле не понимаешь?

Лебедев стряхивал пепел прямо на ковер. В последнее время и молодой Щемелинский пристрастился к этой вредной привычке

— курить табак, содержащий ароматизаторы. Мама заплакала, в первый раз увидев его с сигаретой, отец тоже не одобрял, но Дэн очень быстро втянулся.

— Честное слово, нет. Улучшить визуализацию? Так у них есть эссенциальные мониторы. А лечить они сами умеют, зачем перекладывать это на плечи электроники?

— Да ты садись.

Программист сел.

Лебедев продолжал курить; На его лице явственно отразились сомнения.

«Подозревает, что я тупее, чем кажусь», — подумал Дэн.

— Помнится, во времена моей молодости была такая реклама, — наконец произнес шеф. — «Машина для счета денег. Не устает и не ошибается».

— Это вы к чему?

— К тому, что эссенциалисты ваши устают и ошибаются. За это их и жгут. А машина могла бы им помочь. Что не успеет эссенциалист, сделает прибор.

— Ах… вот что! Хм.

Дэн почесал бровь. Он часто так делал в момент раздумий.

— С этой точки зрения, пожалуй, да. Но…

Он тяжело вздохнул, возвращая шефу папку.

— Ни Лига, ни Трибунал никогда на это не пойдут. Уж поверьте мне. Человек лучше машины, так скажет любой магистр. Нам даже порталы делать не дают. И, если честно, ошибок при использовании электроники будет гораздо больше, чем допускает корректор. Так что вряд ли людям нужен такой дивайс.

— Нужен, нужен.

Шеф наконец докурил, поднялся и поманил за собой Дэна, прихватив зачем-то стоящий в углу зонтик.

Через приемную они вышли к анфиладе помещений, стены которых заменяли аквариумы с огромными рыбами. Дэн еще ни разу здесь не был. За аквариумными стенами трудились инженеры. Галерея заканчивалась просторным вестибюлем с пышной зеленью в горшках, репродукциями классических пейзажей на стенах и бархатными шторами. Шеф подвел Щемелинского к дверям.

— Сходи погуляй. Побродди по городу, посмотри на людей, — сказал он непринужденно. — В поликлинику зайди…

— Куда?

— В поликлинику. Здесь недалеко, увидишь, на ней написано. Ничего не спрашивай там только, ходи и смотри. Зонтик вот возьми, здесь дождь.

— Дождь?!

Лебедев сунул в руки ошарашенному Дэну зонт и буквально вытолкал его на крыльцо.

— Да откуда в это время года… ой, черт!

Дэн быстро раскрыл зонтик, спасаясь от июльского ливня.

То, что вокруг вовсе не Лабиринт, Дэн понял сразу же, как только спустился с крыльца. На небольшом пятачке перед входом было припарковано множество мобилей, каких он раньше никогда не видел. Разных цветов, дизайнов, а порой и размеров, машины показались Дэну совершенством, чудом современной техники. Среди мобилей не было ни одного открытого. Впрочем, в верхней части кузова некоторых из них, вытянув шею из-под зонта, Щемелинский разглядел люки.

— Так… — сказал себе Дэн, прохаживаясь между мокрыми автомобилями. — А что у вас еще есть?

Он направился было на шум, к дороге. Но оттуда, несмотря на свежесть проливного дождя, несло таким тяжелым, не то масляным, не то каким-то «химическим», духом, что Дэн, минуту полюбовавшись на несущийся в непрерываемом забеге транспорт, предпочел свернуть к жилым кварталам.

Дома тоже были не такие. Ничем особенным они не выделялись, разве что тут были сплошные многоэтажки, какие Дэн видел только в мегаполисах, но не в таком количестве. Люди, видимо из-за дождя, на улице попадались не так часто, да и то в основном прятались под зонтиками. Но даже несколько человек, встретившихся по дороге, успели удивить Дэна. Мальчишка на роликах, спешащий укрыться в подъезде, женщина, вытаскивающая из машины сумки, еще одна женщина — молодая, с коляской, накрытой прозрачной пленкой, пожилой мужчина без особых примет, даже влюбленная парочка, парень с девчонкой, ютившиеся под одним зонтиком, — все они, как один, походили на его шефа Лебедева. Как родственники. Каким-то выражением не то обреченности, не то усталости, не то безразличия. Сразу и не поймешь. Но что-то такое было в их облике, чего Дэн не замечал у жителей Лабиринта. В массе своей, конечно. Потому что индивидуальная депрессия — дело святое. Куда ж без нее.

— Похоже, вам и правда нужен прибор, — пробормотал Дэн, прыгая через лужи. — Эссенциалисты тут не справляются. Если они у вас вообще есть.

Пройдя два квартала, а потом небольшой лесок, он вышел к большому белому зданию с огромными окнами, недавно покрашенному. Все открытое пространство перед ним также занимали машины. Слева виднелась детская площадка.

«Поликлиника № 201», — прочитал Дэн огромную вывеску над крыльцом.

— Ага! Кажется, меня сюда и посылали…

Он сложил зонт и толкнул прозрачную дверь.

Этот оплот здравоохранения выглядел гораздо более современным и отремонтированным, чем та раздолба, куда позже попал Андрей. Может быть, поэтому, а может быть, потому, что Дэн был ко всему готов или просто не был эссенциалистом, поликлиника не произвела на него столь же гнетущего впечатления. Но выводы он сделал: этому миру прибор действительно нужен. Еще как нужен. И если Дэн его сделает, его ждет не просто слава, но триумф.

Дэн вернулся к шефу с кучей вопросов, и тот без большого энтузиазма, впрочем, ответил.

Да, это действительно не Лабиринт. Неважно, как называется мир. Достаточно знать название маленького городка.

Нет, они уже не филиал ИПФиПЛ. Теперь они — самостоятельная организация, закрытое учреждение, имеющее выходы в оба мира. Назовем ее Конторой, так проще. Естественно, они не подчиняются Трибуналу и не зависят от Лиги. Контора фактически находится «в нейтральных водах» — на перекрестке миров. Сколько всего миров? Ну, Дэн и спросил…

Если Дэн хочет заниматься прибором, он должен поступить в полное подчинение Лебедеву. Это значит, что отмазки типа «Трибунал не разрешит» или «Лига не позволит» не прокатят, когда дело касается работы с сущностью. Эссенциалистов в новом мире действительно нет. Следовательно, отвечать за раскрытие их секретов Контора не обязана.

При всем этом существует соглашение миров — где существует, кто его заключал и кто видел, Лебедев и сам толком не знает. Но в чужой монастырь Контора не полезет.

Про монастырь Дэн не понял.

— Короче. Мы не пойдем в Лабиринт с предложениями не жечь эссенциалистов, разрешить порталы, делать гармонитовые приборы и тому подобное. То, что мы делаем — делаем у себя и для себя. Ну или для других миров. Лабиринт мы не трогаем. Если это нарушает его законы.

— А разве производство такого прибора Конторой не нарушает законы Лабиринта?

— Какие же? — усмехнулся Лебедев.

Дэн прикинул и решил, что действительно никакие.

И все-таки что-то мешало ему согласиться сразу. Может быть, слишком бесцеремонное обращение Лебедева…

— Я тебя не тороплю, обмозгуй все хорошенько. Если решишься — выдадим тебе пропуск на имя Дениса Щемелинского, ни к чему тебе светить пижонским именем «Дэн».

Получится с прибором — можешь заниматься чем хочешь. Ты ведь с какой-то идеей носишься, или я ошибаюсь? Просто подумай: какие перспективы у тебя в Лабиринте? Кнопку на пульте жать? С вашим тоталитаризмом гармониевый рай не построишь…

Дэн обещал подумать. А через четыре дня…

* * *

Лебедев как в воду глядел. Пришлось-таки Дэну жать пресловутую кнопку.

В Трибунале рассматривалось «преступление» очередного эссенциалиста. Как в большинстве случаев — молодого, со всеми вытекающими недостатками. В чем там было дело, отец, естественно, не рассказал. Но что совсем не естественно — он страшно нервничал, переживал за этого парня, как, наверное, никогда в жизни. И даже — страшно сказать — спорил с начальством!

Приговаривать людей к сожжению нелегко. Да вообще нелегко судить. И те, кто работает в Трибунале, в той или иной мере разделяют его политику, иначе они давно бы свихнулись. Эдуард Щемелинский всегда был спокойным, уравновешенным, верящим в справедливость человеком. Даже если невольная симпатия к подсудимому — а часто приговоренному — закрадывалась в его душу, он знал: решение принято верно. Так правильно. Так лучше для мира. И для самого эссенциалиста. Не хочешь работать по правилам, предпочитаешь нарушать их — уйди, откажись от права корректировать сущность. Не можешь — выбирай другой мир, с другими законами.

Но в случае с Артуром — так звали корректора — Щемелинский по какой-то причине изменил незыблемым принципам.

— Да с него пылинки сдувать надо, беречь как… А они его — в портал!

Отец метался по дому, словно раненый зверь в клетке. И в конце концов заработал инсульт.

Очаг поражения был небольшим и, слава богу, обошлось без параличей. Но корректоры — те самые корректоры, чьих собратьев Эдуард немало сжег за свою жизнь (ну и что, что не насмерть), — встали единым фронтом и категорически запретили ему раз и навсегда заниматься былым ремеслом. «Вы свое отработали! Займитесь разведением крокусов!» — сказали специалисты. Пришлось подчиниться. В глубине души

трибунальщик и сам уже был не против.

Но Артура тем не менее ожидал костер. И открыть коллатераль попросили (или поручили, что ближе к истине) Дэна.

Позднее, когда Щемелинскому-младшему приходилось проделывать это во второй, в третий раз, особых эмоций процедура сожжения не вызывала. Дэн как-то быстро зачерствел, адаптировался, смотрел на сей факт как на неизбежность, правила игры большого мира. Но свой первый раз он запомнил надолго.

Артур был высоким худощавым двадцатисемилетним парнем, с темным-темными, почти непроницаемыми глазами, чуть оттопыренными ушами и совершенно невозмутимым, точно таким же, как у судей, выражением лица.

«Своего сжигают», — невольно подумал Дэн.

Даже когда костер разгорелся, это каменное выражение не изменилось. «Гигант!» — отметил Дэн, но тут же выпустил корректора из поля зрения: пора было открывать портал.

Дэн сделал все как надо: включил механизм, запустил программу. Деструктор работал.

Но ничего не происходило. Артур по-прежнему стоял в сердце огненного столба. «Увеличь мощность», — посоветовал Дэну трибунальщик, отвечающий за пожаротушение. Дэн прибавил. Костер полыхнул жарче. Артур напрягся, сжал кулаки. Но этим дело и ограничилось.

Присутствующие переглянулись. К Дэну и начальнику пожарной охраны подошел срочно вызванный Первый.

— Усильте еще! — жестко сказал он.

В этот момент в келью заглянул совсем старый, на вид даже древний, не то трибунальщик, не то эссенциалист — в мантии.

— Послушайте! — взволнованно заговорил он. — Если усиливать мощность огня, я не смогу дальше снимать ему боль. Мы его просто сожжем! И не ручаюсь, что возродим прежним.

Первый посмотрел на мага своим фирменным «дырявящим» взглядом.

— Ваши предложения?

— Может, прекратить? — несмело сказал тот.

— И как мы это объясним?

— Невиновные не сгорают! — гордо ответил маг.

— Кого же тогда считать виновными? Прибавляй!

Дэн мало что понял, но последнюю команду выполнил. Маг застыл неподвижно, побледнел, и видно было, что он испытывает огромное напряжение. Артур же в это время рванулся. Видимо, лопнула или сгорела веревка, связывающая руки. Левой он закрыл лицо, правой вцепился в значок на груди — Дэн знал, что

он там.

— Да прекратите же это! — закричал кто-то.

Но в этот момент из системных блоков повалил дым, а экран компьютера потемнел. Все бросились во двор.

Костер гаснул на глазах. Артур стоял все в той же позе.

Живой.

* * *

Корректор отделался глубоким ожогом правой руки. Коллатераль пришлось восстанавливать, полностью заменив сгоревший передатчик.

Когда отец Дэна узнал о случившемся, он возблагодарил бога, долго повторяя: «Я же говорил, я же предупреждал»!

Сам Дэн, во время портации проявлявший почти полное безразличие, только к вечеру того дня осознал, свидетелем какого чудовищного происшествия ему довелось стать. Его трясло как в лихорадке, курил сигарету за сигаретой.

«Запоздалая реакция на шок», — сказала Ксана, ничего не знавшая о причине.

Престарелый маг, тоже еле оправившийся после пережитого, долго говорил с Артуром. Результатов этого разговора ждал весь Трибунал, а больше всех — Эдуард Щемелинский, уже официально сложивший полномочия. Дэн понял, что решается судьба не только Артура, и даже не только Трибунала. И когда машина Первого появилась перед домом, он не удивился. Отец вышел к бывшему начальнику. Дэн осторожно пошел следом.

— Эд, он отказывается! Ну поговори ты с ним, больше некому!

Первый взбежал на крыльцо. Трибунальщики пожали друг другу руки.

— Макс, а ты бы на его месте не отказался? Мы вот с тобой за руку здороваемся, а он долго не сможет. Я не знаю, что сказать этому мальчику.

— Мальчик! Сжег деструктор, расплавил гармонитовый значок, закупорил путь. И жив при этом остался.

— А ты собирался его портировать! — фыркнул Эдуард.

— Ну что ты хочешь, чтобы я прилюдно покаялся? — вспыхнул Первый.

— О, Макс! Я бы дорого дал, чтобы это увидеть.

— Не увидишь! — отрезал Макс.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Щемелинский. — А чем он мотивирует отказ?

— «Не могу причинять людям страдания».

— И все? — оживился Эдуард.

— Да.

— Тогда он наш. Едем.

Отец Дэна первым спустился с крыльца. Трибунальщики сели в мобиль, Дэн проводил их задумчивым взглядом.

— Ну и ну… — протянул он и зашагал в дом.

ГЛАВА 3
Прибор

Через два дня Артур вступил в должность Главного дознавателя, ранее занимаемую отцом Дэна, а сам Дэн был зачислен администратором портала, на что его согласия опять никто не спросил.

И тогда Щемелинский-младший решил, что лабиринт эссенциальной логики слишком сложен для него. А значит, не стоит и ломать голову над нравственными вопросами его будущей разработки. Новое назначение не требовало постоянного присутствия в замке, в обязанности администратора входило раз в неделю проверять состояние коллатерали и включать ее по необходимости.

Пока таковой не намечалось.

Свободного времени было хоть отбавляй, и Дэн уже без колебаний дал Лебедеву согласие на проект. Он получил целый пакет документов, включая удостоверение личности и водительские права на имя Щемелинского Дениса Эдуардовича.

— Наши автомобили управляются почти так же. Поездишь с моим шофером, научишься. Тебе часто придется бывать в городе, а без паспорта в центре — это нонсенс. Пешком же просто неудобно.

Позднее программист получил и ключ от съемной квартиры, где проводил большую часть времени. Не разубеждая родителей, что переехал к очередной невесте, не менее двух дней в неделю Дэн ночевал дома. Мама по-прежнему считала, что он работает в Институте ПФиПА. Отец если и догадывался о чем-то, не считал правильным вмешиваться в личные дела сына. Он чувствовал свою вину из-за того, что долгое время держал Дэна в неведении относительно технических достижений Лабиринта.

Новый мир поглотил Дэна незаметно. Ему понравился уклад: ты имеешь обязанности, имеешь цели и добиваешься их, если хочешь. При этом не мешая другим. Но никто не стоит у тебя над душой. Никто не копается в мыслях. Никто не указывает, во что верить и что считать моралью. Да и вообще: никому нет до тебя никакого дела. Так ему показалось по крайней мере. Вскружило голову ощущение нереальной свободы, бесконтрольности. Нет, в офисе Дэн, теперь уже Денис, носился как белка в колесе, шеф постоянно нагружал его какими-то поручениями. Но после работы программист мог делать что угодно, идти куда угодно, жить с кем угодно и ни перед кем не отчитываться. И вслед никто

не бросал осуждающих взглядов.

Денис начал с экстрима: попробовал прыгнуть с парашютом. Новичка никто не пустил на вышку без сопровождения: Денису дали инструктора. В девяноста девяти процентах из ста прыжки в паре с инструктором заканчиваются благополучно. Денис попал под один процент: при неудачном приземлении сломал позвонок. Эссенсов рядом не было, шефа — тоже, и программиста отвезли в обычную травматологию.

— Ну ты не идиот ли, Щемелинский? Тебе здесь твою паутину никто не откорректирует. — Лебедев только диву дался, навестив один раз подчиненного в больнице. Потом захохотал. — Вылечат, вылечат и разговаривать научат!

Возможно, травматологи и были весьма неплохими специалистами, но условия, даже несмотря на отдельную палату, телевизор и личную сиделку, со скрипом оплаченную шефом, до того не понравились Денису, что он при первой же возможности кое-как передвигаться сбежал под расписку.

— Ответственности мы ни за что не несем в таком случае! — заявил лечащий врач.

— Как это? — искренне удивился Денис.

— «Так это»! — передразнил травматолог. — Не хочешь лечиться — до свидания!

«Прямо как в Трибунале», — подумал Денис.

Больше к местным целителям он не обращался.

И предавался более спокойным развлечениям. Ходил в кино (в Лабиринте не показывали откровенно кровавых боевиков или совсем уж жесткой эротики. Впрочем, Денису это быстро наскучило), в бар (он перепробовал в короткий срок весь ассортимент крепких напитков), в салон игровых автоматов (но внутреннее чутье подсказало ему, что лучше не увлекаться) или знакомился с девушками. Здесь это было еще легче и быстрее, чем дома. Но и местные девушки ему быстро надоели. Они совершенно не понимали его, и Денис вспомнил о Ксане. Тем более что в работе с камнем был явно нужен хотя бы один эссенциалист.

Сергей Васильевич оказался на редкость сговорчивым и быстро подписал пропуск.

— Приводи, кого сочтешь нужным. Все равно отвечать за все будешь только ты.

Дэн пришел в эссенциалию с цветами и коробкой конфет из соседнего мира.

Ксана обрадовалась ему, явно обрадовалась. Но соглашаться на сотрудничество не спешила.

— У меня есть своя жизнь, Дэн, — мягко сказала она. — И я

не могу гнаться за твоими призраками.

— Это очень важно!

— Для тебя?

— Для мира! Для миров!

Ксана лишь улыбнулась и покачала головой.

— Я не могу спасать мир, когда у меня в приемной сидит пяток старушек в платочках. Я ничем не могу помочь тебе, Дэн.

Он вышел от нее в гневе на бабское упрямство. Старушки, которых и в самом деле было пять штук, сидели под дверью кабинета. И на головах у них были трогательные платочки в цветах и набивных «огурцах».

Именно эти платки доконали Дениса. Он понял, что оттащить Ксану от спасения этих настырных бабулек можно только силой. А силу применять нельзя.

И тогда он, упрятав гордость в нижний ящик бельевого комода, пошел на хитрость.

Три дня не брился, просидел двое суток без сна, напился и надел старый костюм.

Его появление в таком виде в кабинете Ксаны вызвало у нее вопль жалости.

Захлопотав и забегав вокруг, она отменила весь прием по записи и отвезла Дениса к себе домой.

— Ты ходишь по краю обрыва, — сказала Ксана.

— А ты не хочешь меня от него отвести.

— Вот тебе моя рука, — сказала Ксана, протягивая ему ладонь. — Попробуй удержаться.

— Вот и хорошо, что ты согласилась, — пробормотал Денис, засыпая в ее объятиях.

— И не столкни меня вниз, — грустно договорила Ксана, нежно целуя его в лоб.

Ксану пригласили в контору и выдали ей маленький кусок гармонита в 0,015 карата.

Они с Денисом просидели бок о бок целый год, не расставались и на ночь. В темноте Денис слушал ее ровное дыхание, тихонько гладил безупречные ладони и верил: вот-вот все получится. Магиня и бывший лучший корректор города не могла ошибаться.

Они ходили вокруг кусочка гармонита, как мыши вокруг сыра. Ксана убеждала, что камень столь же чувствителен к человеческой сущности, как и ее руки.

Ей удалось настроить образец гармонита на преобразование сущности в сигналы, улавливаемые аппаратурой. Уникальный датчик на основе микрокристаллов гармонита был создан за рекордные сроки. Ксана научилась делать «снимок» сущности для

копирования ее в прибор.

Денис навсегда запомнил день своего триумфа.

В демонстрационном зале на синем бархате лежала белоснежная женская рука с красивым маникюром и несколькими колечками. Действие показывали комиссии на секретаре и переводчике… Рука совершала пассы напротив груди и извлекала полупрозрачный шар… На мониторах бежали строки, вся подноготная, все скрытые мысли…

Бессонные ночи, головные боли, полное опустошение Ксаны — все оказалось не зря. И ее идея сделать демонстрацию более наглядной пришлась весьма кстати.

Примитивный механизм с полиуретановой оболочкой поразил комиссию.

Денис получил премию, благодарность и карт-бланш на дальнейшие разработки. К тому времени он уже понял, что прибор нужен шефу вовсе не для благих намерений. Вернее, что Лебедеву абсолютно все равно, кому его продавать. Тому, кто больше заплатит. А использовать устройство, способное творить чудеса с сущностью — а значит, со здоровьем, судьбой, характером, — можно совершенно по-разному. В мире, где каждый сам за себя, где считаются нормой любые способы борьбы, не очень-то принято озадачиваться всеобщим благом.

Но Дениса это не остановило. Сравнив два мира, он выбрал этот. И пытался жить по его законам.

На дальнейшем этапе нужна была программа, а для этого требовался целый арсенал знаний о теории сущности. Ксана отвечать на вопросы отказалась наотрез.

— Нет! — сказала она. — Я люблю тебя, Дэн, но в костер не хочу. Прости.

Денис расстался с ней без особого сожаления. Он уже заметно охладел.

Чмокнув свою помощницу в кончик носа, он обрадовал ее, что дальше уже *она* помочь ему не сможет.

Ксана ушла из гостиничного номера, тихонько притворив за собой дверь. Он даже не помнил, подписал ли ей пропуск на возвращение домой в их мир.

На миг у него возникла мысль догнать и уточнить, но проще было об этом не думать. Без пропуска не уйдет, значит, забежит сама. А если есть — то она уже галопом несется в свою эссенциалию к старушкам, и начинать новый разговор — это снова видеть полные слез глаза и слушать упреки.

Да и времени нет выяснять отношения, нужно срочно искать другого корректора. Но где?

— Ты, конечно, хотел бы привлечь к работе все эссенциалии

города? — язвил Сергей Васильевич. — А что скажет твой папа?

Черный юмор говорил о том, что начальство сердится.

Единственный вариант, который приходил в голову Денису: попытаться привлечь к работе кого-нибудь из осужденных. Главное — уговорить. А уж спрятать эссенциалиста от Трибунала, держа руку на пульте коллатерали, вполне возможно. Мало ли? «Расплавился»! Требовалось лишь заранее установить дополнительный приемник. Но чем больше Денис об этом думал, тем более утопической казалась ему эта идея.

Принципиальные, правильные, упертые эссенциалисты, даже безвинно приговоренные, даже сожженные, но остающиеся гражданами Лабиринта, чтящие Лигу, уважающие Трибунал, чтоб ему трижды сгореть, все равно не согласятся нарушить Стандарт. Сказали — «нельзя», значит, нельзя!

Денис снова был в тупике, ему казалось, что карьера загибается с каждым днем простоя.

Слегка отвлекла работа в Трибунале. Разбиралось дело Риты Палладиной, типичной высоконравственной эссенциалистки. К такой Денис даже не сунулся бы со своим предложением.

Вот свидетель по делу, ее жених, казался более вменяемым. Может, с ним и стоило бы поговорить. Но кто знает, как поведет он себя после сожжения невесты? Может, пошлет Дениса подальше… Эх, вот если бы наделить обычного, не зацикленного на Стандарте человека сущностью эссенциалиста! Чтобы все знал и умел, но не боялся применить! Или чтобы… или чтобы…

Денис вдруг вспомнил первые опыты портирования, с изменением личности, с частичной утратой памяти.

— А ведь можно же взять определенный процент от сущности. Лишнюю память оставить за бортом, заменить новой. Гармониевые носители позволяют… Только вот откуда брать данные нового тела? Да и недостающую память? Выдумывать?

А тут еще шеф в штыки принял идею с конвертированием.

— Ты спятил, братец. Я, конечно, не трибунальщик, но за такие опыты сжег бы тебя, не раздумывая. Я отвечать за это не хочу. Да и кого ты собираешься скрещивать?

…Злой, ощущающий себя неудачником Денис сидел в Интернете, на сайте знакомств. Как вдруг совершенно случайно обнаружил две одинаковые фотографии…

И когда он ради интереса выяснил происхождение второго профайла, в его голову пришла гениальная в своем безумии мысль…

А тут еще стихийное желание Севы спасти Риту…

Все получилось само собой.

ГЛАВА 4
Кто я?

Вернувшись домой после драки и едва стащив разодранный, вываленный в пыли костюм, Андрей упал на кровать и моментально заснул. Во сне пришел все тот же кошмар: пламя, Рита, он бросается к ней, вспышка… От вспышки Андрей всегда просыпался. Но сегодня тревожное сновидение тянулось чуть дольше: за ярким светом нахлынула густая удушливая тьма, внезапно стало холодно, подул ветер, а затем Андрей почувствовал, что падает. Падение продолжалось несколько мгновений, прежде чем он, наконец, проснулся.

Рывком сел, но тут же пожалел об этом: перед глазами все плыло, мелькали радужные круги. Рубашка, которую он так и не снял, совершенно промокла от пота, снова хотелось пить.

Выбравшись из-под одеяла, эссенциалист опустил босые ноги на прохладный линолеум и осторожно поднялся. Голова все еще кружилась. Он медленно двинулся на кухню, включил бра над столом, потом плеснул из чайника воды в кружку и стал пить огромными глотками. Электронные часы над дверью показывали двадцать минут пятого.

Сон улетучивался вместе с кошмаром. Расстегивая на ходу рубашку, Андрей отправился в ванную. Включив воду, он окончательно разделся, засунул вещи в стиральную машину, потом залез под душ, с наслаждением подставляя лицо, грудь, спину и все тело упругим прохладным струям. Почувствовав облегчение, завернул оба крана и, сняв с вешалки большое двухцветное полотенце, принялся вытираться.

Через минуту он уже сидел в халате на своей постели, досадуя, что почему-то до сих пор не купил телевизор.

Читать не хотелось, к компьютеру не тянуло. Вновь поднявшись, Андрей подошел к тумбе с магнитофоном и, вставив первый попавшийся диск, включил музыку.

Зазвучала какая-то классика, не слышанная ранее, но приятная. По-видимому, скрипичный концерт. Произведение, написанное в форме сонатного аллегро. Эссенциалисты отдают предпочтение сонатной форме как наиболее гармоничной. Сначала идет экспозиция — показ тем. Две партии: главная и побочная. Одна обычно более яркая, энергичная, задающая тон. Это луч. Вторая спокойнее, она вторит, оттеняет, сопутствует, обволакивает. Это нить. Часто есть еще две маленькие партии, которые связывают эти две. Так бывает в паутине, так же и в

отношениях людей: кто-то луч, кто-то нить. Андрей всегда был нитью, нуждавшейся в ярком, чистом, прямом луче. А лучом была Рита.

Думать о Рите было тяжело, и Андрей принялся думать о Стасе.

Стас — лучший друг, так было с ранних лет.

Но друг утверждает, что совсем не помнит его и относится с недоверием. Андрей вспомнил катание на лодке. В тот день он впервые увидел Стаса после долгой разлуки. Тот явно был чем-то поражен. Но чем? Он же сам просил о встрече. Не узнал? Да нет, узнал, сразу по имени окликнул. И с цветами пришел. Почему? Он давно знаком со Светой, это Андрей понял сразу, но ведь Света собиралась встречаться с ним, Андреем.

Андрей тяжело вздохнул. Это, впрочем, совершенно неважно. Стас любит Свету, а ему, Андрею, никто, кроме Риты, не нужен.

Поняв, что больше не уснет, Андрей собрал постель и побрел варить кофе.

Поставив джезву на плиту, опустился на табуретку у стола и, подперев рукой щеку, стал смотреть на подрагивающие лепестки синего огня.

Огонь. Манящий, завораживающий и такой жестокий. В нем погибает все живое. Но из него родится птица феникс. Каждый раз, проживая одну за другой все свои девять жизней, она встает обновленной и молодой и снова поднимается в небо, чтобы исполнять желания…

«Пламя костра рассыпается тысячей нитей, много миров, едина их главная сущность…»

Таков девиз эссенса. Странный немного. При чем здесь много миров? Все мы живем в одном мире, ходим на работу, встречаемся и расстаемся, находим свое место. Или не находим и тогда становимся пленниками эссенциалии либо в одном, либо в другом лагере. Кто-то верит, что можно получить гармонию для себя, кто-то считает, что в силах дать ее другим. Но гармонии достичь нельзя, к ней надо лишь стремиться.

Кофе закипел, Андрей поднялся выключить плиту. Он вылил пенистую темно-коричневую жидкость в кружку, всыпал ложку сахара, размешал.

И все-таки что происходит со Стасом? И кто сегодня… нет, уже вчера, напал на него? Неужели те самые люди, которые предложили нелегально написать программу? Чем он им мешает?

Андрей осторожно отхлебнул горячий напиток. Кофе вредно, но сейчас это неважно.

А Стас… Андрей, кажется, знает про него все. Общее детство, общие друзья, жили всегда рядом, даже братьев, кажется, звали

одинаково. Ну да, конечно. У них обоих есть младшие братья, которых зовут Кириллами.

Андрей сделал еще несколько глотков. Хорошо иметь брата или сестру, особенно для эссенциалиста. Тогда в таком случае, как с Ритой, родители хотя бы не останутся в одиночестве. У Риты есть младший брат, да, точно. Корректоров, у которых не было родных братьев и сестер, заставляли подписывать кучу бумаг еще при поступлении, чтобы в случае чего — никаких исков со стороны родителей, но в то же время обеспеченная старость. Вот и он, Андрей, подписал несколько таких документов, даже завещание составил…

Андрей допил кофе, встал… Но тут же сел снова. Что-то не складывалось. О чем он думал до этого? О братьях. Брат Риты Дмитрий и брат Стаса Кирилл. И брат… его, Андрея. Тоже Кирилл. У него есть брат. А зачем он тогда подписывал все эти бумажки?

— А где же они? Где мой брат, мама с папой? Какая-то хрень…

Андрей потер ладонями виски. Он ведь родился и вырос в этом городе. А учиться уезжал в другой, на поезде. Значит, семья должна жить здесь? И где же она? Почему он живет на съемной квартире? Почему он ни разу не звонил родителям, да он и не знает, как им звонить! И они не звонят… Не знают номер его телефона? Возможно. Телефон-то новый… А городской тоже не знают. Андрей вскочил. Так мама с папой, наверное, даже не подозревают о том, что он приехал! Он же был в таком шоке после того, как… Не хотел никого видеть и слышать. Однако какая досада, что он совсем не помнит адреса родных! И брат… Так что же с братом? Есть он? Или нет?

Андрей решил поискать адрес по фамилии в городской сети. Все-таки фамилия Латушкин не самая распространенная, вряд ли в городе на двести пятьдесят тысяч населения много Латушкиных.

Он сел к монитору и быстро защелкал по клавиатуре.

Результат не заставил себя ждать. Латушкиных нашлось только два. Станислав и Кирилл, прописанные в одной квартире. Станислав, без сомнения, был его другом, а Кирилл — его, Стаса, братом. Других Латушкиных не значилось.

«Почему у нас с тобой одна фамилия? Почему одно отчество?» — вспомнил Андрей недоумение Стаса. А в самом деле — почему?

Андрей встал, чтобы поднять брошенный впопыхах пиджак, достал из кармана паспорт. «Однако дурацкая у меня появилась привычка — бросать вещи где попало», — подумал он

машинально. Отнес пиджак и брюки в ванную, вернувшись, включил верхний свет и раскрыл документ. «Латушкин Андрей Николаевич, год рождения тысяча девятьсот семьдесят девятый». А ведь у Стаса, судя по данным в Интернете, восемьдесят первый. Значит, они вряд ли учились в одном классе. Но как же так? Вторая парта, ряд у стены, напротив, почти под самым потолком — греческий алфавит. Первый вариант. Он никогда не сидел дальше второй парты, потому что всегда плохо видел… В третьем классе выписали очки…

Очки. Какие очки? Зрение корректируется через паутину. Не сразу, правда, но у детей — всегда. Андрей никогда не носил очков, это точно. И вообще это редкость теперь, так же как и слуховые аппараты. Ах, ну конечно, это же не он, это Стас носил очки. А Стас-то почему? И кто же сидел на второй парте и писал на контрольных первый вариант? Стас? А где же сидел Андрей? Рядом? Ничего подобного. Со Стасом сидела та самая Оля…

— Я помню про Стаса все. Но я ничего не помню про себя, пора в этом признаться. Я не Латушкин?

Андрей еще раз посмотрел в паспорт: а документ-то совсем новый. Подделка?

Он бросился к диплому над столом и вновь увидел ту же фамилию. Андрей даже вынул его из-под стекла, погладил бумагу. Диплом подделать нельзя, он отражает сущность. Но и в дипломе он тоже — Латушкин Андрей…

Андрей вернул документ под стекло.

Какой-то сюрреализм. Или он болен. Впору смотреть паутину, в экстренных случаях это допускается, а сейчас как раз такой. Но Андрей почему-то боялся увидеть там что-нибудь ужасное.

— Я совсем раскис. Надо все-таки найти эссенциалиста или хотя бы хорошего врача. Вместе легче проводить диагностику.

Слегка успокоенный принятым решением, он улегся на не разобранный диван и проспал еще два часа.

* * *

Денис стоял перед шефом, изучая узоры персидского ковра.

Сильно болела спина — старая травма после неудачного прыжка с парашютом давно не давала о себе знать, теперь вот вылезла некстати.

Шеф был в ярости.

Время от времени напоминая подчиненным, что любой из них не заслуживает занимаемой должности, а значит, может вылететь с треском, сегодня он превзошел себя.

Он не просто распекал Дениса. Он орал. Раскрасневшись ярче альпийской гвоздики, что была посажена во дворе Конторы, покрываясь потом и рванув узел галстука, каждой репликой Лебедев втаптывал Дениса в грязь, в мерзкую, вонючую жижу. И Денис ощущал это всеми клетками.

Шефу было от чего взрываться.

Дэн Щемелинский, краса и гордость отечественной портологии, талантливый программист и вскорости создатель Преобразователя сущности, оказался самоуверенным недальновидным разгильдяем, поставившим под угрозу разработку, на которую отпускались немалые средства, и свою же операцию с конвертированием, каковая являлась прямым нарушением договора между мирами, не говоря уже о внутренних законах двух стран. В связи с этим Дэн Щемелинский может не сомневаться, что даже в случае успешного завершения проекта сумма его вознаграждения будет гораздо меньше оговариваемой вначале. Ну а в случае неуспешного…

А в случае неуспешного — Дэна просто выдадут властям Лабиринта.

Конверт должен просуществовать не меньше семи-восьми дней. Этого хватит на написание программы, особенно учитывая темп работы Андрея. После этого комбинированная сущность либо распадется сама, либо будет расконвертирована через портал. В любом случае — обратится в ничто. Но до тех пор с эссенциалиста нужно сдувать пылинки и не допускать никаких контактов ни с донором сущности — Стасом — ни тем более с Лабиринтом. Не дай бог, поймет, что его выдернули из другого мира, облачили в новое тело, снабдили чужой памятью, да еще заставили нарушить не только их пресловутый Стандарт, но и соглашение между мирами.

Шеф настаивал на содержании Андрея в условиях лаборатории, дабы предотвратить возможные казусы. Денис же горячо доказывал, что эссенсу надо жить в квартире, общаться с людьми, управлять автомобилем, пользоваться Интернетом — только так он сможет максимально адаптироваться к миру и у него не будет повода заподозрить подвох. Шеф согласился и уступил. И вот теперь они гребут по полной программе: эссенс усиленно ищет контакты с Лабиринтом и активно общается с совладельцем сущности. И вот-вот все поймет, откажется работать или погибнет от эмоциональной перегрузки. В довершение всего пропал Латушкин. Впрочем, само по себе это не имело особого значения, даже наоборот — чем дальше от Андрея, тем лучше, а выхода на Лабиринт у него быть не может. Но сам факт того, что упустили, являлся еще одним камнем на шее

Дениса.

А уж о драке и говорить нечего. Чрезмерные физические нагрузки Андрею строго противопоказаны по той же причине. Группа захвата не получила достаточную информацию: им надо было ретироваться с места происшествия, а не подвергать здоровье Андрея опасности.

Виноват, конечно же, опять Денис.

— Ты сейчас же пойдешь и снимешь с него все показатели. И если хоть что-нибудь не в порядке… Ты у меня сам через портал пройдешь. Без гармонита. Тебя никто искать не будет! Иди!

Шеф шумно выдохнул, плюхнулся в кресло и прикрыл глаза. Он иссяк.

Дэн вышел от шефа, едва сдерживаясь, чтоб не швырнуть об стену подвернувшийся стул.

Сердце клокотало где-то у самого горла, кровь колотила в виски.

Чертов админ. Чертов эссенс. Чертов прибор. Да пропади оно все пропадом!

Он не пошел в свой кабинет, к Андрею. Сейчас он видеть не мог этого серебряного Джеки Чана. Дэн спустился в подвал к игровым автоматам, включил первую попавшуюся «стрелялку» и десять минут уничтожал человекообразных. Больше позволить себе не мог.

Десять лет он потратил на гребаные порталы. Уж конечно не для того, чтоб в один миг все разрушить.

Денис вздохнул и пошел снимать показания приборов.

* * *

Рабочий день прошел без потрясений, что дало возможность забыть на некоторое время о тревогах. После бессонной ночи последовало не слишком удачное утро. Альтернативы испорченному костюму в шкафу не нашлось, пришлось надеть джинсы и ветровку. На заправке не оказалось этилового спирта, зато имелся бензин. И со слов заправщика — «только мудаки заправляют бухлом машины». Пришлось залить полный бак вредного для здоровья и неоправданно дорогого углеводорода. Андрей появился в офисе взвинченный до предела.

Он начал описание диагностики. «То, что бывает» уже почти полностью перечислено, теперь надо показать «как это почувствовать».

Хотелось окунуться в работу, уйти, спрятаться от непонятной, пугающей действительности, а главное, как можно меньше

разговаривать с Денисом. «Если я способен функционировать нормально, значит, я нужен. Значит — не умру, не сойду с ума от безобразных выходок памяти…» — твердил он себе, стараясь верить в это.

Тут и появился Денис. Он только что закончил проверку: организм Андрея работал без сбоев, все датчики согласно и радостно мигали зеленым. Хоть что-то идет как надо…

— Здравствуйте, Андрей Николаевич! Как вы тут?

«Пережить бы сегодняшний день. И еще парочку. А там я тебя больше не увижу».

Андрей обернулся и поднял взгляд на Дениса.

— Приветствую. Да вот, собираюсь сканированием заняться.

«А с тобой что-то не то. Бледный и глаза красные. Тоже не спал? И по какому же поводу?»

Денис опустился на стул, поморщился и против обыкновения без лирических отступлений произнес:

— Давайте работать.

Они просидели за одним столом весь день, не считая перерыва на обед и походов Андрея к кулеру. Расписали точки «визуализации» паутины: солнечное сплетение, отдел больших полушарий мозга, сонные артерии, сердце, пояснично-крестцовое нервное сплетение, тазовое. Разговаривали только по делу, да и то старались обходиться курсором или «кликом» мышью. И вечером с облегчением распрощались.

ГЛАВА 5
В поисках Стаса

Андрей вышел из центрального подъезда Конторы и встряхнул руками, сбрасывая напряжение.

С телефоном перед встречей решил не мудрить: забежать домой и оставить на полке шкафа.

По дороге заскочил в магазин, побросал в корзину хлеб-молоко-масло-чай-колбасу и, немного подумав, взял на кассе пачку сигарет. Хотелось еще поискать на ужин чего-нибудь этакого, но времени было в обрез.

«Потом со Стасом оторвемся», — подумал Андрей.

Дома быстро сменил ветровку на свитер, включил свет на кухне, в комнате и в ванной, нарезал бутерброды и спрятал домашний костюм — хлопковые брюки и футболку — подальше в глубь шкафа.

Выложил мобильник и добавил последний штрих к задуманному натюрморту: пристроил на краю пепельницы полувыкуренную сигарету.

С пуском воды в ванну он решил не рисковать: мало ли что, зальет еще бабку Фросю — громилы из Конторы покажутся милыми и безобидными. Просто притворил дверь поплотнее.

Если любопытные заглянут: вот он, Андрей Латушкин, пришел с работы, переоделся, приготовил себе ужин, закурил сигаретку, но передумал и отправился в душ. Где же ему еще быть?

Вода не льется? Так в ванной комнате кроме самого корыта еще, извините, унитаз имеется. Есть вопросы?

Андрей бесшумно покинул жилище и, поднявшись на этаж выше, позвонил в дверь угловой квартиры.

— Добрый день, я ваш сосед, — сказал он белобрысому мальчику лет двенадцати. Пацан жевал бутерброд и жалобно щурился.

«Все понятно, от компьютерной игры оторвал. Можно любую чушь наврать — поверит, чтобы быстрей избавиться», — оценил ситуацию Андрей.

— Здравствуйте, — недовольно протянул ребенок.

— Могу я воспользоваться вашим балконом для того, чтобы снять с дерева мою кошку?

— Упадете, — уверенно ответил мальчик. — Там далеко. Был бы у меня пауэр-болл третьего уровня или йеллоу-кей, я бы сам по нему спускался…

— А я попробую все-таки. Можно? Но, — Андрей вдруг спохватился, — ты сам только не повторяй, ладно? Я, видишь, ростом повыше буду.

Мальчик пожал плечами и проводил Андрея в дальнюю комнату. Ее окна выходили не на юг на шоссе, как у Андрея, не на север на подъезд, а на восток — на стройплощадку. «Надеюсь, там-то не караулят», — с беспокойством думал Андрей, успевший заметить на подходе к дому подозрительную машину.

Он легко вскочил на перила, немного присел и прыгнул.

Толстая береза даже не скрипнула.

— Вау! — Пацан восхищенно поднял вверх большой палец. — Суперпрыжок! Что, ее муж раньше времени домой вернулся?

Андрей посмотрел вниз. Высоковато, но в обнимку, по методу сборщиков кокосов, спуститься можно.

— Кто? Ты что, я ведь тебе сказал…

— Да нет тут никакой кошки, я же вижу, — гаденько хихикнул мальчик, — небось и закусить не успели? Поймаете?

Андрей отцепил одну руку и протянул ладонью кверху:

— Кидай, наблюдательный ты мой…

Четко на ладонь шмякнулся бутерброд.

— Спасибо. Завтра проход будет открыт?

Добрый мальчик охотно кивнул:

— После шести я с английского возвращаюсь. Приходите, если что.

Недолго думая, Андрей целиком затолкал подаренный «ужин» в рот и принялся осторожно спускаться.

«Если б ты пораскинул мозгами, взрослый мой не по годам, то понял бы, что я должен был вылезать из окна квартиры любовницы, а не звонить в твою дверь», — мрачно думал Андрей, работая челюстями и то и дело цепляя свитером неровности коры.

Он удачно достиг земли и без приключений дошел через строящийся район до эстакады. Но на этом везение закончилось.

Стаса на условленном месте в торговом центре не было.

Не появился он и через полчаса.

Андрей решил перебираться к следующему пункту встречи.

* * *

Дверь открыла Света, замотанная в полотенце.

— Ой! — вскрикнула она, увидев Андрея, и кинулась в комнату.

— Привет! — громко сказал Андрей.

— Привет! Извини, я думала, это мои с прогулки вернулись, — донеслось издалека. — Ты проходи, я сейчас.

Андрей вошел в прихожую и плотно прикрыл дверь.

— Тебе Стас не звонил? — крикнул он в пространство.

— А что, должен был? Может, и звонил, я недавно с работы. А сотовый молчит целый день.

— Как ты себя чувствуешь? — продолжал Андрей общение через стенку.

— Уже совсем хорошо! Спасибо тебе огромное!

— Не стоит, это мелочи! А тебе нужно больше, — прибавил он уже тише, Света не расслышала.

— Что?

Она наконец появилась, в коротком черное платьице с вышивкой, мокрые волосы были рассыпаны по плечам. Зеленые глаза казались еще зеленее.

«Какие же вы все… Беззащитные и хрупкие, — полезли в голову Андрея непрошеные мысли. — В Ритке хотя бы есть серебро, это дает ей силу. А в тебе и того нет. Тонкая переплетенная бирюза… Такую надо все время оберегать. Не отпускать ни на шаг…»

Наконец им обоим пришло в голову, что молчание затянулось, и Света позвала Андрея пить чай. Он не смог отказаться. Во-первых, испытывая жажду, что уже входило в привычку, — а ведь дома он даже не подумал что-нибудь выпить, до того торопился. А во-вторых… Во-вторых…

— Ой, где это ты?

На кухне было светло, и Света заметила синяк на щеке Андрея, оставшийся после драки.

— Да… Соседскую кошку с дерева снимал, не слишком удачно.

— Надо же! — покачала головой Света. — Ты садись.

— Я ненадолго…

Она поставила чайник.

Андрей опустился на табуретку, прикидывая, насколько стоит посвящать Свету в происходящее.

«Вот ведь и Стаса нет. А вдруг что-то произошло?» — тревожная мысль не давала покоя.

Видимо, это отразилось на лице, потому что Света тихо спросила:

— Что случилось, Андрюша?

«Кабы знать», — вздохнул про себя Андрей.

— Может, я могу чем-нибудь помочь? — робко сказала Света. — Мне так неудобно, я тебя ничем не отблагодарила.

— Да брось…

— Ну что ты! Пришлось бы больничный брать, валяться дома, пропускать работу, а у нас этого очень не любят, потом стоять полдня в очереди, чтобы его закрыть. А ты — раз…

— Свет, неужели вы действительно лечитесь в этой ужасной по-ли-кли-ни-ке?

— А что делать…

— Но как же они там работают! — воскликнул он. — Ведь никаких условий! Что, зарплаты большие?

— Какие там зарплаты, что ты! — Светка засмеялась, словно колокольчик зазвенел. — Все подрабатывают в частных центрах! Там нормально. Только дорого.

Андрей задумался. Частные центры?

— А ты не могла бы мне посоветовать…

Он замялся.

— Экстрасенсу нужна помощь? — полюбопытствовала Света. — Проблемы с желудком? С нервами? Может, таблеточку?

Она хитро прищурилась.

— О, нет, увольте. Только не таблетки, — скривился Андрей. — С нервами!

«С психикой, точнее, но как ей об этом сказать? Еще сочтет меня сдвинутым…»

— Вот хороших невропатологов — не знаю. По-моему, их в природе нет, — огорчилась Света. Потом с надеждой спросила, — психотерапевт не подойдет? Такой классный дяденька!

— Точно классный?

— Ага. Мы же постоянно частникам прайсы таскаем и проспекты, а они нам пациентов подкидывают. Правда, этот мужик почти никогда таблетки не назначает, только травки. Но тебе это даже лучше ведь?

— Да, — согласился Андрей. Если таблетки не пихают, надеяться можно.

Засвистел чайник, Света встала, чтоб выключить плиту.

— А там правда не так, как в поликлинике?

ГЛАВА 6
Голос крови

Проснулся я поздно: сквозь полупрозрачные шторы жарило солнце. Отец был на работе, мама гремела на кухне кастрюлями. Я давно уже забыл, что значит жить с родителями, три раза в день питаться и просто оставлять носки в ванной. А сейчас ощущение того, что я дома, окутало, словно «теплый клетчатый плед». Надо же, совсем кстати вспомнилось название этой тверской рок-группы…

Я сел на кровати. Желтые обои с продольными полосами, иконки над столом, старый трехстворчатый шкаф, еще бабушкин, вторая кровать у противоположной стены, стул, ковер на полу. Все как всегда.

Быстро поднявшись, напялил одежду и вышел в соседнюю комнату. Телевизор, диван, сервант, книжный шкаф, круглый стол посередине, два кресла, древняя, как я, люстра из пластмассовых квадратиков, кругом картинки, сувенирчики, фотографии… А на подоконнике — аквариум. Совсем маленький. Но это все равно странно: с тех пор как еще в детстве у меня подохли последние рыбки, мы никогда больше их не держали. Чего это вдруг родителям вздумалось? Я подошел рассмотреть рыб поближе. Вон попугайчики, у самого дна. Остальных и названий-то не помню.

— Стасик, сыночек, выспался? — Мама выглянула из кухни. Она совсем не изменилась. Как прежде, худенькая и улыбчивая, седых волос совсем не видно. Все так же носит дома футболки и длинные юбки. По-прежнему ходит на свои религиозные сборища. Отец тоже не изменился, работает электриком на том же заводе. Всю дорогу до дома я старательно таращился в окно маршрутки, стараясь понять: не произошло ли и здесь каких-то глобальных изменений. Но так как бываю в Твери редко и не очень-то мотаюсь по улицам, ни один жилой дом, банк, магазин, сквер или фонтан подозрений не вызвали. Что-то было и раньше. Чего-то я прежде не видел, но не факт, что это выросло за один час.

— Да, мамуль! — Я чмокнул ее в щеку. — А чего это вы аквариум завели?

— Здрасьте! — Мать засмеялась. — Давно ты у нас не был! Это все тот же, сынок. Который Кирюша в прошлый раз делал. Пойдем, я тебя покормлю!

Она повела меня на кухню, усадила за покрытый красивой клеенчатой скатертью стол и давай уставлять его разносолами…

Все хорошо. Но рыбы Кирилла никогда не интересовали. И носа он сюда не показывал лет эдак… три, с тех пор как умерла бабушка.

Мать произнесла молитву, я, как всегда, внутренне скривился. Ну не верю я. Ни баптистам, ни евангелистам, ни «свидетелям», ни адвентистам седьмого дня.

Я долго ел, много всякого разного выслушивал, в основном про то, какие мы с Кириллом неблагодарные и невнимательные дети — ну, в общем, так оно и есть, не слишком часто мы и звоним-то, а уж приехать… И рассказывал про нашу с Кириллом жизнь — по большей части выдумывал, потому что ничего реально интересного с нами не происходило, за исключением, конечно, последних происшествий, но не мог же я посвящать в это родных! Мало ли чем оно еще обернется. Впрочем, о девушке брата я упомянул вполне правдиво. К моему удивлению, мать была в курсе.

Вскоре пришел отец. Успев уже изрядно принять «по случаю приезда сына», он был, как всегда в таких случаях, очень разговорчивым и пустился в рассуждения по привычному, годами протоптанному пути: цены, политика, погода, здоровье, моя личная жизнь. С каждым новым пунктом я кивал, отмечая про себя, что не так уж все-таки существенно изменился мир. Подумаешь, аквариум… Мать никак не отреагировала на состояние отца — видимо, привыкла. А раньше всегда расстраивалась… Она лишь подливала ему супа.

— Кирюха — молодец! Девку давно пора завести было! — кивая самому себе, заметил отец, расправляясь с обедом.

«Личная жизнь брата, сейчас и меня сосчитают», — приготовился я.

— Ты-то что думаешь? — не замедлил ждать себя вопрос.

— Ну, пап, ну что…

Ну нет у меня никого! Ну вот такой я лох. Ну не смог.

— К жене возвращаться думаешь, я спрашиваю? — Он вдарил кулаком по столу. — И как там наша маленькая?

Я перестал жевать и вылупился на него. А вот этот номер еще не показывали в нашей программе…

— Маленькая? — переспросил я.

— Ты хоть заходишь к ребенку? — как-то очень жалобно спросила мать. — Привез бы ее! Небось и фотографии нет…

Я просто не знал, куда деваться. Внутри все сжалось и какой-то ледяной тяжестью давило на сердце. Или сердце не там, выше? Фотография? Ребенка? Моего? Я ушел от жены? Я?! От какой?!

Родители смотрели на меня, как на висельника, вот честное слово — не вру. Но что я мог им сказать? Что сделать?

И вдруг мне в голову пришла совершенно идиотская мысль.

— Фотки есть, мам, ща…

Я достал трубу. Вставил аккумулятор и сим-карту. Включил, зашел в файлы.

— Любуйтесь!

Передал предкам мобильник.

Да простят меня высшие силы, Света, Катя, родители и все остальные за это вранье. Ну что я еще мог придумать? Когда катались на аттракционах, сделал пару снимков: Катька на лошадке и на цепочечной карусели, их и покажу. Запоздало сообразил, что не знаю, сколько лет моей предполагаемой дочери. А вдруг не больше года? Если два-три — черт с ним, камера в телефоне не настолько качественно снимает, не разберешь. Тем более Катька — ребенок достаточно мелкий, как я успел заметить. Но не дай бог — грудничок! Оставалось надеяться, что я не оказался сволочью настолько, чтоб бросить жену с младенцем на руках.

— Вот она, лапочка! — Родители с умилением склонились над экраном тридцать два на сорок два миллиметра. — Все такая же кудрявенькая. И беленькая, да?

Мать подняла голову.

— Угу, — рассеянно ответил я, — беленькая, на маму совсем не похожа…

— Ну конечно, она же на тебя похожа! — с укором сказала мать. — Глаза только Светины.

— Волосяной покров твой! — подтвердил отец со знанием дела, запуская руку в абсолютно такую же, как у меня, каштановую и слегка волнистую шевелюру. Волосами я в него пошел, это уж точно. Кириллу достались густые и более светлые, но практически прямые — мамины.

— Я же не блондин — сказал я, не знаю зачем. Честно говоря, вообще уже ничего не соображал.

Мать всплеснула руками, выбежала из комнаты. Неужели опять глупость ляпнул? Уже успел забыть, какая мама обидчивая.

Но она тут же вернулась с большой черно-белой фотографией. На ней был я в полосатом свитере, судя по надписи на обороте ручкой — в трехлетнем возрасте. Белокурый и щекастый. И хоть убейте, очень похожий на Светину дочь.

— Стасик, может, помиритесь, а? — Мать уже почти плакала. — Ну мало ли кто там у нее был! Ты же совсем не уделял им внимания! Сидел и сидел за компьютером. Да, я понимаю, тяжело жить в одной квартире с тремя женщинами, но теперь-то вы можете жить отдельно… Вон и чайник их бережем, который на Новый год дарили…

Она наконец разрыдалась, кивнув на персикового цвета электрический чайник. Он стоял на полке «без движения». Воду кипятили в обычном, на плите.

Стоп! Стоп! Секунду! Да дайте же отдышаться!

У меня закружилась голова, сдавило виски, подступила тошнота, в глазах начало темнеть.

Вашу мать! Вашу мать! Мать-мать-мать!

Значит, я был женат на Свете, жил в одном доме с ее мамой и сестрой, просиживал все время за компом (а такое вполне могло быть), Светка не выдержала, изменила мне, и я их бросил?

Вроде бы за последние дни стоило привыкнуть к финтам судьбы. Но этот факт оказался слишком тяжел даже для моей упруго-адаптированной натуры.

Я закрыл глаза и подпер лоб ладонью. Как все это осознать, а? Как?

В том, что это в некотором роде правда, я уже не сомневался. Но воспринять ее адекватно?

Осененный внезапной мыслью, я бросился в большую комнату, к фотографиям. Их действительно было много, в основном детских, и не только моих и Кирилла. На некоторых была девочка лет двух-трех, не больше, но узнать в ней Катьку не составило труда. Катя в Твери в Горсаду, Катя у озера. Катя возле аквариума, который стоял сейчас на подоконнике.

Это меня добило. Я вернулся в кухню и без сил плюхнулся на стул.

— Пап, есть что-нибудь выпить?

Я напился едва ли не впервые в жизни. Да нет, по молодости бывало, конечно, но так давно, что не считается.

Мне было плохо. Просто плохо. И физически, и морально. Помню, как обнимался с унитазом и литрами пил воду. Человеческих мыслей не осталось, лишь какие-то обрывки безумного сознания, рисующиеся мне растерзанными клубками, оплетали всю мою сущность цепкой, упругой паутиной… В конце концов я заснул, повалившись в одежде на кровать. Смутно вспоминаю, как мать снимала с меня ботинки и накрывала одеялом.

* * *

Очухался только на следующий день. Родителей не было, чему я несказанно обрадовался. Говорить сейчас бы не смог.

На кухонном столе стояла бутылка с кисломолочным (а на самом деле «солено» — молочным) напитком. Знаем такой, хоть и

не лично, спасибо папе…

Я выпил все до капли, потом сходил умылся, избавился от не нужной организму жидкости, настрочил записку, а потом собрался и вышел из дома.

«Покой нам только снится» — это нынче про меня. Кто-то — не знаю уж, злой рок, судьба, потусторонние силы или космические пришельцы — гонит меня с места на место. Теперь вот еще новое потрясение, самое невероятное. Я ведь ехал сюда для того, чтобы разузнать, не помнят ли родители Андрея. Но теперь стало не до него.

Снова вокзал, электричка — и в путь.

Простите, мама-папа, но я должен увидеть Свету.

ГЛАВА 7
Психотерапевт

Света не обманула. Медицинский центр мало походил на так напугавшую Андрея поликлинику. Никаких ободранных стен, очередей и крикливого персонала. Симпатичный коврик, мягкое освещение, бахилы выдают… Прямо как в родных пенатах. Молодая женщина-медрегистратор не задавала лишних вопросов, просто взяла с Андрея деньги и подробно объяснила, как найти кабинет психотерапевта. Повернув в коридор налево, Андрей замедлил шаг. Под ложечкой неприятно засосало. Он, эссенциалист-корректор, вынужден обращаться за помощью. Да еще с нарушением психики! Но иначе можно действительно сойти с ума.

На двери под табличкой «Психотерапевт» значилось: «К.м.н. Зиньковец К. П.»

Андрей постучал.

— Заходите-заходите! — произнес бодрый мужской голос. Андрей вздохнул и смело распахнул дверь.

Ну что сказать? Это, конечно, не эссенциалия. Но уже и не поликлиника. Просторно, явно новые удобные стулья, по стенам — фотообои с зеленым лесом, компьютер на столе, кофеварка на тумбочке. И бумажек вокруг меньше раза в три. Доктор — мужчина лет сорока с небольшим. Уголки рта приподняты в едва заметной улыбке. Серьезные глаза внимательно, даже с любопытством изучают пациента — его, Андрея. На форменной голубой куртке — простенький бейдж с именем-отчеством. Без всяких змей.

— Здравствуйте… Константин Павлович, — разглядев надпись, произнес Андрей.

— Здравствуйте, юноша. Садитесь. И не переживайте так, — приветливо сказал психотерапевт.

Андрей обнаружил, что действительно нервно сжимает кулаки. Он сел, не решаясь начать рассказывать. Но врач, казалось, и не собирался ни о чем спрашивать.

— Вы первый, кто обратился по имени-отчеству, — весело сказал он и полез в ящик стола, — обычно все говорят просто «доктор» или не называют никак. Курить будете?

Он извлек едва начатую коробочку хороших сигар.

Андрей удивился и почувствовал, что напряжение начинает спадать.

— Вообще-то я не курю, но если позволите… Не могу

устоять, — улыбнулся он.

Андрей взял из протянутой коробки сигару, доктор чиркнул зажигалкой.

— Правильно, — сказал он, убирая пачку, — курить вредно. Но один раз можно. А я, если не возражаете, выпью кофе.

Он встал, открыл форточку и взял стоящую рядом с кофеваркой малюсенькую чашечку.

— Как раз остыл, — заметил доктор, размешивая сахар, — а вам кофе нельзя! Слишком много нервничаете!

Сказал так, словно подначивал. И дымящий сигарой Андрей наконец расслабился.

«Молодец, — подумал он про врача, — настрой хорошо улавливает. Из него бы эссенс получился».

Доктор подвинул Андрею металлическую пепельницу в виде чаши. При нажатии кнопочки в центре «донышко» проваливалось и пепел убирался вовнутрь. Андрей не смог удержаться и повторил операцию два раза. Врач тем временем вымыл чашку и вернулся за стол.

— Давайте запишем, как вас зовут, — сказал он, открывая тонкую тетрадочку.

— Латушкин Андрей Николаевич, — четко произнес Андрей.

— Угу. А сколько вам, Андрей Николаевич, полных лет?

— Двадцать девять уже, — усмехнулся Андрей.

— Неужели? А мне вот вчера, вы представляете, стукнуло пятьдесят.

— Да что вы! — вырвалось у Андрея.

— Угу. Так что вы для меня — юноша! — широко улыбнулся Зиньковец и отложил ручку. — Так что у вас, юноша, стряслось?

Мгновение поколебавшись, Андрей отложил сигару и начал:

— Честно говоря, я не уверен, что не отниму у вас время попусту.

Он задумался.

— А это пусть вас не беспокоит, — вновь улыбнулся психотерапевт. — Мое время вы уже оплатили. Отнимайте смело.

Андрей засмеялся.

— Я сам себе кажусь здоровым. Но иногда моя память… выделывает странные вещи.

— Так-так, интересно… А вы сами это заметили? Или кто подсказал?

— Первым на это обратил внимание мой друг. Он упрекнул меня в нечестности. В том, что я про один и тот же жизненный период рассказываю по-разному. Совсем по-разному. Я сначала как-то не замечал. Но когда он мне привел пример, я и сам это увидел. И я не понимаю, как так может быть. Я помню как будто

две разные жизни. Вот он мне и сказал: «А вдруг это раздвоение личности». И я уже готов с ним согласиться.

— А ваш друг — не врач?

— Нет.

«Но он мог бы им быть», — подумал Андрей.

— Значит, две разные жизни. Вот прямо от начала до сегодняшнего дня? — Доктор провел ребром ладони по столу, как бы обозначая границы. — Или это какой-то момент?

— Боюсь, что их несколько, этих моментов, — взволнованно продолжал Андрей, — вот, например, с учебой. Я отчетливо помню, как поступал в академию. Экзамен помню, профессоров в мантиях. Абитуриентов с горящими взглядами. Вопросы своего билета. Ну не все, но один, зато — досконально. И в то же время я знаю прекрасно, что в эту академию перевелся из другой, уже после третьего курса. И без всяких экзаменов.

— Так, может быть, вы тогда не поступили? Поступили в другую? А туда перевелись как раз после третьего курса? Такое могло быть?

Андрей задумался.

— Теоретически могло, но…

— Не буду пока спрашивать вас о том, как назывались академии, чтоб не обременять мозг лишней нагрузкой. Назовем их условно: академия «Солнце» — это та, куда вы поступили, и академия «Луна» — это та, куда вы перевелись.

— Так я же, получается, и поступил, и перевелся в одну и ту же академию — «Солнце!» — горячо возразил Андрей. — Как вы правы, доктор, это именно Солнце по сравнению с Луной.

— Очень хорошо! — похвалил доктор. — Запутать мне вас не удалось. Идем дальше. Вы помните, как окончили академию?

— Да, и очень хорошо, — кивнул Андрей, — экзамены помню, вручения диплома, как значок прицепили… напутственное слово, а потом был выпускной вечер… Господи, как же давно это было!

— Вы, кстати, верующий? Господа упомянули.

— Д-да не то чтобы очень. Не отрицаю существование бога, но и…

— Понятно. Так какую академию вы закончили?

— «Солнце».

— Уверены?

— Абсолютно.

— Значит, — покивал головой Зиньковец, — по одной из версий вы проучились там с четвертого курса… сколько лет?

— Шесть.

— Ух ты! То есть с первыми тремя годами это было бы девять?

— Да нет, шесть! Шесть всего. Магистратура.

— Так, секундочку. Мы ведь остановились на том, что по одной из версий…

— Да, магистр, я понял. Но я помню свою зачетку. Двенадцать семестров. Да и вообще…

Андрей замолчал и задумался.

— Как вы меня назвали? Магистр? — с интересом переспросил психотерапевт.

— Простите, оговорился. Доктор, — произнес Андрей, будто пробуя слово на вкус.

— Значит, вы помните факт поступления, учебу и момент окончания, я правильно понял?

— Да. Вот сейчас мне кажется, что я вообще все помню. И могу рассказать по месяцам.

— Отлично! А что вы помните об академии «Луна»?

— Помню, как пришли к нам профессора из академии «Солнце» и предложили перевестись.

— Так. А еще?

Андрей подумал и с сомнением сказал:

— Да ничего конкретного. Как-то бледно очень. И вообще мне сейчас кажется…

— Да-да?

— Что я там и не учился вовсе. Но дело в том, что, когда я рассказывал об этом своему другу всего несколько дней назад, я был уверен, что переводился! — возбужденно заговорил Андрей. — Ясно видел эту картину! А теперь… почему-то не вижу.

— А в связи с чем состоялся разговор с другом? Что его вызвало, вы можете сказать?

— Могу. Он увидел мой диплом на стене и спросил, что это такое.

— А что же его так удивило? Разве диплом необычный?

Андрей замялся, боясь снова быть непонятым при упоминании эссенции.

— Я умышленно не спрашивал о вашей профессии. Но и вы избегаете называть обе академии. Это чем-то вызвано?

— Да, если честно. Я столкнулся с тем, что академия «Солнце» никому не известна. И специалисты, которых она выпускает, — тоже. И учреждений, в каком я проработал несколько лет, в этом городе нет.

— И вас это удивило?

Интерес врача все возрастал.

— Да. Понимаете, в городе, где я учился… Да не только в том городе! Вообще до того, как все случилось…

— Все было нормально? Ясно и понятно?

— Вот именно! — воскликнул Андрей.

— Так что же случилось? — участливо спросил врач. — Что вас так потрясло?

Андрей встал, походил по кабинету, потом повернулся к психотерапевту.

— Константин Павлович! Я могу рассказать, что случилось. Это я помню и не забуду никогда. Но я почему-то уверен, что, как только я начну рассказывать, вся двойственность вернется снова. И я даже сомневаюсь, что вы мне поверите. Такая же история… как с академией, — прибавил он недоуменно.

— То есть сейчас вы сомневаетесь, что это вообще было?

— Да нет, — медленно и задумчиво проговорил Андрей, — сейчас мне кажется, что было несколько больше…

— Андрей! — решительно сказал доктор. — Я вижу: что-то вам не дает покоя, но в то же время вы боитесь это «что-то» в себе обнаружить. Разрешите, я попробую сам? Вы мне доверяете?

— Да. Вам — да. Что я должен сделать?

— Снимите пиджак и рубашку и ложитесь на кушетку. Обувь можете оставить.

— Конечно.

Андрей с готовностью разделся и лег на покрытую голубой клетчатой простыней банкетку. Зиньковец сел рядом на стул, сложил руки как перед чайной церемонией. Затем протянул ладони к Андрею, подержал над солнечным сплетением, над головой, над шеей, над грудью, над животом, над пахом, затем вернулся к солнечному сплетению.

«Словно паутину нащупывает», — подумал Андрей.

— Парень, — пораженно произнес врач, — ты откуда, а? Ты ведь эссенс? Или нет?

Он опустил руки, глядя на Андрея.

— Эссенс!

Андрей порывисто сел.

— Как хорошо, что я к вам попал! А то я уже обыскался — нигде нет корректоров.

— А их здесь и нет, я единственный, — серьезно сказал Зиньковец, — ну вот теперь еще ты.

— Но как же так? И разве это, — Андрей обвел взглядом кабинет, — эссенциалия?

— В этом мире нет эссенциалий, мальчик, — сочувственно произнес корректор, — но здесь тоже можно жить. Так ты — сожженный? Поздравляю! Нашего полку прибыло.

Андрей смотрел на корректора во все глаза и ничего не понимал.

— Но, похоже, — нахмурился тот, — ты перенес костер тяжело. Расскажешь? Лучше, если выговоришься.

— Да сейчас уже легче. Хотя…

Андрей стал рассказывать про Риту. Про ее ошибку, дознание, суд и костер. Когда он дошел до того момента, как пламя танцевало вокруг девушки, он остановился.

— Так ты что же, только свидетель?

— Да.

— Что-то я не очень понимаю, — покачал головой корректор. — Как же ты здесь оказался?

— Я не помню. Я осознал себя всего неделю назад. А до этого — Как во сне. Или вообще провалы. А что в паутине? Видно что-нибудь?

— Что-нибудь видно. Ну-ка одевайся. Разговор, боюсь, долгий.

Пока Андрей застегивал рубашку, корректор быстро чертил схему его паутины. Карандашом, ручкой и красным маркером.

— У тебя не раздвоение личности. Вот смотри.

Он положил рисунок перед Андреем.

— Ты свою паутину когда-нибудь видел?

— Конечно, в академии друг на друге тренировались.

— В академии «Солнце»? — улыбнулся врач.

— Да, это она, — Андрей улыбнулся в ответ.

— А академия «Луна», кстати, это что?

— Медицинская.

Зиньковец воззрился на Андрея.

— Очень интересно… Гляди сюда. Какого цвета паутина эссенса?

— Серебряного.

— Верно. Но серебряного карандаша у меня нет, поэтому нарисовал простым. Вот сколько в твоей сущности серебра. Дальше идут синие нити. А потом и третья часть — сиреневые.

— Это… не моя паутина, — губы Андрея задрожали, — это…

— Расщепление сущности. Вернее, даже не расщепление, а комбинирование из трех. И честно признаюсь: я вижу такое в первый раз. Видимо, твои двойные воспоминания связаны именно с этим.

Андрей смотрел на паутину, силясь понять.

— Где ты находишься, по-твоему? — спросил корректор.

— В медицинском центре, — тихо ответил Андрей.

— Правильно. А где медицинский центр?

— В подмосковном городке.

— Замечательно! А что за город такой?

— Это город, где я родился и вырос. Окончил школу. Потом…

Нет, — задумался Андрей, — я ее не окончил, а ушел в техникум. Потом — в армию. Потом уже в академию.

Андрей рассказывал, глядя на обои с березками. Если б в этот момент он посмотрел на врача, то увидел бы, какие физиономии он корчит от удивления.

— А академию Эссенс ты окончил тоже здесь?

— Нет-нет. Тут я поступил в медицинскую, а после третьего курса… Стоп. Ну вот опять. Да что за чертовщина!

Андрей с досадой замолчал.

Врач тоже задумался, потом спросил:

— Скажи мне, Андрей. Только не спеши, подумай сначала. В том городе, где тебе прицепили значок-паутинку, есть медицинские академии?

— Нет! Что вы. Ничего подобного там и в помине нет. Я вообще не понимаю, как это можно лечить таблетками и уколами.

— А теория сущности тебе нравится?

— Еще бы!

— Андрей, слушай меня внимательно, сосредоточься. Вспоминай день выпуска, диплом, значок. Значок видишь?

— Да.

— Где, кстати, сейчас твой значок?

— Кажется, я оставил его там, в замке. В тог момент я его почти ненавидел.

— Из-за суда?

— Да.

— Ладно. Значит, тебе вручают диплом и прицепляют значок. Твои чувства?

— Я был очень горд. И рад. И чувствовал себя волшебником.

— И вспоминал, как ты впервые услышал про теорию сущности? Про академию? — подхватил корректор.

— Да. Мне в армии один парень рассказал…

— А где ты служил? — продолжал спрашивать корректор.

— В Северном регионе. Радиоперехват.

— Холодно было? — склонил к плечу голову Зиньковец. — Ты рассказывай, не отвлекайся.

Он поднял обе руки, одну положил Андрею на затылок, пальцами другой принялся осторожно шевелить над его головой.

— Зимой — не очень, доминус тринадцати, не больше. А вот лето холодное.

Я же с юга приехал, у нас каштаны распускались свечками, как раз в призыв. Под летний призыв попал. А в Баринске — ветра, шторма, корабли…

— В Баринске — полярный день как раз был?

Пальцы корректора заработали быстрее.

— Да, лето в самом разгаре.

— А каштаны где цвели?

— В Дмитровске. Целая аллея каштанов…

— В Дмитровске? Ты там жил? Я бывал в Дмитровске проездом. К морю ездил, в отпуск. Вокзал красивый в Дмитровске. Часы там такие…

— …С белками.

— С белками? Белок не помню. Помню циферблат светящийся. А твой дом далеко от вокзала?

Андрей молчал.

— А дальше — обрыв, — произнес он наконец.

— Не обрыв — кромка, — вздохнул корректор, опуская руки, — школу не помнишь?

— Нет.

— Маму, папу?

— Нет.

— А вокзал видишь, — заключил корректор.

— С трудом, но вижу. Я там на поезд садился, когда в академию уезжал.

— А другой вокзал помнишь?

— Откуда — на суд? — понял Андрей. — Еще бы!

— Это какой город?

— Невск.

— А суд где был?

— Сложное название, я его не запомнил. На берегу Тийского моря.

— Айсбург.

— Точно.

Взгляд Андрея потемнел.

— Как зовут трибунальщика, который вашим делом занимался?

— Артур Пелганен.

— Не знаю такую фамилию, я бы запомнил, — покачал головой корректор.

— Он мой ровесник, на год старше. Тоже у нас учился. А потом…

— А потом?..

— Подождите…

Глаза Андрея широко раскрылись, прозрачное, как эфир, воспоминание стало обретать форму…

* * *

— Но нам ведь всегда говорили: «Невиновные не горят»! — цепляется свидетель за последнюю соломинку.

— Не горят, — глухо вторит Артур.

— Но… я не понимаю…

— Ты никогда не видел «сожженных» магов?

— Нет, — вздрагивает свидетель.

Секунду поколебавшись, Артур отпирает ящик и, достав какой-то предмет, кладет передним на стол.

Это слегка оплавленный и почерневший по краям значок. Серебряная паутинка с буквой «А».

* * *

— Сожженный маг! Что такое «сожженный маг»? Вы тоже сказали — «сожженный»! — закричал Андрей.

— А Артур не объяснил тебе?

— Нет, он ничего больше не сказал. А я и спрашивать не мог.

— Сожженный маг, дорогой мой, это корректор, прошедший через костер. Как я, как ты, как твой Артур. Как твоя Рита.

— Как это? — прошептал Андрей.

Врач усмехнулся:

— Предметы первого курса помнишь?

— Да вроде…

— Что у тебя было по преобразовательной физике?

— Красная галка…

— Ну и?..

Андрей посидел с минуту, опустив голову и сокрушаясь, какой он бестолковый.

— Но не… портал же это, — неуверенно сказал он, — вроде нет сейчас таких сильных магов.

— Магов, может, и нет. Зато есть современная техника, способная воспроизвести технический портал между мирами, или коллатераль, как его называют.

Осталось выяснить, как ты попал в коллатераль. То есть в костер.

— Я?!

И тут Андрей понял.

— Так это, значит, не сон!

— Не молчи, рассказывай!

Сбиваясь, то и дело останавливаясь, Андрей рассказал про то, как он бросился к Рите, про сеть серебряных лучей, про видения: современный город, средневековый замок, снова тот же город, темнота. Врач слушал и качал головой.

— Однако! — произнес он, с уважением глядя на Андрея.

— А пришел в себя я уже дома. В квартире. Я в Интернете сидел. И еще я помню череду каких-то фактов: как на теплоходе плыву, потом вроде как на работу устраиваюсь… То ли было, то ли нет. Значит, Рита жива? Так где же она?!

— Видимо, в том мире, что ты назвал Средневековьем. Но точно это может знать только Трибунал.

— Да, мне как раз очень нужно связаться с Трибуналом! С этого же все и началось! Но какой же я болван! Так я — в другом мире! Стоп. Но как же… Ведь Стас — мой друг, он же… из этого мира.

Андрей, потрясенный, замолчал.

— Тот самый друг, который сказал про раздвоение личности?

— Да.

— Так откуда ты его знаешь?

Зиньковец, не отрываясь, смотрел на Андрея.

Эссенциалист поежился под его взглядом.

— Не знаю — откуда, — наконец сказал он. — Но я знаю про Стаса больше, чем про себя самого.

— Так. Ну-ка, ну-ка… Интересно!

Доктор прислонился к спинке стула, приготовившись слушать.

— А с чего начать-то? — Андрей потер лоб ладонью. — С детства?

Зиньковец сдвинул брови, перевел взгляд на березки, потом задумчиво спросил:

— Когда ты впервые встретил своего Стаса уже после костра? Помнишь?

— Конечно. Я пришел на свидание…

Андрей рассказал все подробно. И про Свету, и про встречу со старым другом, и про Дениса, и про программу. Психотерапевт не перебил его ни разу. Он лишь хмурился и все больше бледнел. Когда эссенс перешел к разговору о драке, доктор встал и нервно заходил по комнате.

— А где сейчас твой друг, знаешь? И кстати, как ты меня нашел? — перебил он Андрея.

— Света посоветовала. Она работает с лекарствами и с врачами общается, я у нее и спросил. Потому что чувствую — с ума схожу… А где Стас — я как раз и не знаю, мы должны были встретиться сегодня, а он не пришел. И я волнуюсь за него…

Зиньковец наконец сел.

— Андрей, я мало что понял в этой истории, кроме одного: кому-то нужны твои мозги. Вернее, не кому-то, а как раз этим ребятам, с программой. Говоришь, продвинутая контора?

— Судя по всему — да, — пожал плечами Андрей. — Большой офис, программистов там несколько отделов…

— Черт…

— Главное, понимаете, я совсем один. Не с кем посоветоваться. Стас был, да и тот…

Андрей замолчал, сбившись на полуслове.

— Послушайте, Константин Павлович…

— Давай на «ты».

— Хорошо. Я что-то не пойму: откуда я знаю Стаса?

Андрей был совершенно сбит с толку.

— А я ведь тебя именно об этом спросил, помнишь? — вздохнул доктор. — Я не знаток современной преобразовательной физики. Лабиринт я покинул почти двадцать пять лет назад, так же как ты, через коллатераль. И с тех пор понятия не имею о достижениях тамошних портальщиков…

— А что с вами произошло? — участливо спросил эссенс.

— А, сверхвоздействие. Да какая разница! Сейчас главное — спасти тебя. А Стас твой… Боюсь, он сам в этом деле замешан.

— Да не может быть!

Андрей подскочил на месте.

— Человек не может так притворяться! Да я бы почувствовал! Я же эссенциалист…

Врач покачал головой.

— Ну, дай бог. Хотя не верится мне.

— У тебя есть какая-нибудь связь с Лабиринтом? С Трибуналом?

Зиньковец кивнул.

— Есть их электронный адрес.

— Ох, как хорошо! — воскликнул Андрей.

— Да не очень. Я им несколько месяцев не пользовался. Скорее всего, он не изменился, но вот когда канал будет открыт? Может, сегодня, а может, через две недели. Минуту…

Врач схватил «мышку» и полез куда-то в документы.

— Вот он, адрес. Давай прямо сейчас попробуем отправить, вдруг повезет…

Андрей глянул на экран. Зиньковец набрал в адресной строке: www.perecrestoc.net.

Сайт не открывался.

— Эх… Недоступен. Письмо можно послать только с этого сервера. Буду пытаться каждый день. Так, слушай. Давай, ты у меня поживешь пока. Опасно тебе возвращаться…

— Да что они мне сделают?

— А вдруг сделают? Программу напишешь и…

Психотерапевт замолчал, видимо, сам испугавшись своих

мыслей.

— Константин, я не могу так. Спасибо тебе большое. Но мне нужно Стаса найти. Я уверен: он ни при чем. Ему самому опасность угрожает.

— Да где ты его будешь искать, скажи на милость? По городу бегать?

— Не знаю пока. Но я подожду еще, хотя бы день. Он не мог надолго уехать. Со мной ничего не случится. Пока не закончим программу — я им нужен. А за это время ты постарайся с Трибуналом связаться.

— Мне все это не нравится! Но будь по-твоему… На один день я тебя отпущу. Только завтра чтобы — Как штык сюда! После работы.

Зиньковец помолчал.

— Запомни адрес на всякий случай. «Перекресток точка нет — это сайт, а письмо…»

Он защелкал по клавиатуре. На экране появилось: «shemelin#ee.lab».

— Черт его знает, как сложится. Последний раз мне приходили письма с этого адреса, но это было очень давно. Только со своего компьютера не отправляй.

«Шемелин, решетка, ее, точка, лаб». Запомни, вдруг пригодится.

* * *

Как только Андрей ушел, в кабинет Зиньковца вплыла женщина-медрегистратор.

— Костя, — мелодичным и слегка недовольным голосом пропела она, — что ты так долго! Время — десять!

Сидя за столом, Зиньковец складывал бумаги в папку и ничего не отвечал. Казалось, он о чем-то сосредоточенно думает.

— Костя! — громче позвала женщина. Врач отложил папку.

— Иди сюда, Оксанка, — строго сказал он, с шумом отодвигаясь от стола.

Медрегистратор слегка поджала губы и с опаской приблизилась к нему. Зиньковец усадил ее себе на колени.

— Ты знаешь, кто сейчас приходил? — спросил психотерапевт, внимательно следя за выражением лица женщины.

— Вот этот вот — Латушкин Андрей?

Она не спеша заправила за ухо прядь черных густых волос.

— Тебе это имя незнакомо?

— Н-нет как будто… — Потянулась, чтобы поцеловать

Зиньковца, но он слегка отстранился.

— Погоди. Не знаешь? Только не ври!

— Да что случилось, Костя! — протянула девушка слегка обиженно, одергивая короткий халатик.

— Во-первых, он — эссенс. Во-вторых, у него искусственная сущность. Из-за этого — проблемы со здоровьем. В-третьих — его уговорили написать программу, а я не думаю, что в нашем городе много специалистов, программирующих сущность. Ты ничего мне сказать не хочешь?

Оксана покраснела.

— Ты думаешь, что я… Я его не знаю, честно!

— Похоже, и правда не знаешь, — вздохнул Зиньковец, — а вот твой портальщик, я уверен, знает!

— Костя, да ты что, ревнуешь до сих пор, что ли? — Женщина вспыхнула и вскочила с колен. — Я не видела Дэна больше года!

— Мне сейчас на это наплевать! — мрачно сказал психотерапевт. — Меня интересует: по какому праву он калечит жизнь мальчишке? Этот твой Дэн.

Ксана растерянно хлопала глазами.

— Ты говорила, он работает под эгидой Лиги, так?

— Ну да…

— Так вот, ничего подобного. Парень этот, я уверен, в Лабиринте считается погибшим. Никто и понятия не имеет, что он здесь, да еще с измененной сущностью. У него двоится память. У него трясутся руки. А виноват — твой драгоценный Дэн. Он — преступник, как и вся их Контора. И ты, кстати, ему в этом помогала.

Из глаз Ксаны брызнули слезы:

— Костя! Ну ты что! Ну зачем ты так!

Она разрыдалась.

Зиньковец поднялся и обнял ее за плечи. Женщина спрятала лицо у него на груди, продолжая всхлипывать.

— Оксаночка, — уже мягче сказал врач, гладя Ксану по голове. — Да я же о тебе беспокоюсь. Я тебя защитить хочу. Ты должна уехать, немедленно. Возьмем билет до Питера, поживешь в гостинице, пока все не утрясется. Ты же знаешь: Трибунал не будет разбираться — всех сожгут. Как только все закончится, я за тобой приеду.

Ксана подняла голову.

— Так… зачем? Зачем нам… Трибунал? — выговорила она сквозь слезы. — Мальчика жалко, да?

Зиньковец взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

— Мальчика — жалко, да. Его девочка ждет. Он к ней в костер прыгнул, между прочим, — сурово проговорил врач. — А

еще мне жалко других мальчиков и девочек, которых ждет потеря личности, если твой портальщик не уймется. Я обязан сообщить в Трибунал.

Он отпустил подбородок женщины.

— Тебе бы… только инквизитором работать! — прошипела Ксана.

Во взгляде Зиньковца сверкнуло пламя, но уже через мгновение его лицо стало спокойным.

— Ты… глупая девочка, — произнес он с расстановкой. — И ничего не знаешь, об инквизиции!

Он повернулся и вышел из кабинета.

ГЛАВА 8
Тестирование

Наступил день первичного тестирования.

Как поработали? Добились ли нужных результатов? Или ушли в сторону? И что теперь?

Этот вопрос с раннего утра красной лампочкой мигал в сознании троих.

Слегка успокоенный визитом к психотерапевту, Андрей проспал без сновидений всю ночь. В половине восьмого вскочил отдохнувшим, распахнул двери на лоджию. В комнату сразу ворвался автомобильный гомон и запах дороги.

Андрей с удовольствием сделал зарядку, побрился, заварил крепкий чай и достал из холодильника остатки колбасы. Есть не хочется, но нужны будут силы.

За завтраком он удовлетворенно отметил, что почти не волнуется. Теперь, когда его положение обрисовалось более-менее четко, можно поискать способ борьбы. Денис — враг, это ясно. Программа — нелегальна. Но Андрей не должен показать, что все понял. Ему надо выиграть время.

Андрей поставил чашку с тарелкой в раковину и отправился в комнату. На вешалке красовался взятый вчера из срочной химчистки костюм. Белые рубашки, как всегда, дожидались в ванной. Андрей подумал и решил перед выходом еще почистить ботинки.

Он оделся и, бегло осмотрев себя в зеркале, направился к выходу.

«А все-таки интересно, что мы там нарисовали», — промелькнула вдруг неожиданная мысль, когда он запирал дверь.

* * *

Денис лег, как всегда, поздно, и в девятом часу еле разлепил веки. Руки-ноги, как часто случалось в последнее время, онемели, пришлось растирать их друг о друга. Проклятая сосудистая недостаточность…

Он долго умывался прохладной водой, пытаясь вернуть себя к жизни.

Сегодня важный день. Возможно, поворотный в его судьбе.

Выйдя из ванной, Денис откупорил банку безалкогольного энергетика. Что поделаешь — надо.

На четвертом глотке он уже чувствовал себя человеком. Не поленился даже пожарить омлет.

Если показ диагностики пройдет без сбоев — Лебедев разрешит заняться лечением. Можно будет полностью доделать прибор и отдать его шефу. А самому заняться конвертированием.

Денис завязывал темно-серый с зеленой искрой галстук, когда зазвонил мобильный. Взглянув на номер, программист слегка вздрогнул, однако трубку взял.

— Да, Ксаночка!.. Замечательно, а как ты?.. Какая информация?.. Легко! Приезжай в гостиницу часикам к… шести… Поздно? Боюсь, я раньше не освобожусь… Ха-ра-шо, в обед. Я жду тебя в половине второго, ок? Вот и ладушки.

Он повесил трубку и недобро выругался. Черт ее принес!

Денис нырнул в пиджак и выскочил за дверь.

* * *

В машине Лебедев просматривал бумаги.

Какие деньги вложены в разработки! И риск, что ни говори. Если все получится, придется налаживать производство прибора, ангстремовской лабораторией уже не обойдешься. А это значит — идти на конфликт с властями Лабиринта.

Но если дело выгорит — это того стоит.

* * *

— На ком будем проверять?

В подвальном помещении Денис настраивал эссенциальный монитор (ЭМ) — Андрей сразу опознал аппарат, похожий на большой ноутбук, только на ножках. Это удобно: не надо освобождать место на столе или кушетке. Чем-то таким родным повеяло от экрана. Андрей не удержался, подошел и погладил панель, она отозвалась теплом. Как живая.

— Думаю, позовем Лену. Вряд ли стоит афишировать раньше времени…

Шеф подошел к внутреннему телефону.

— А если она не согласится?

Лебедев с удивлением посмотрел на Андрея. За спиной шефа Денис корчил предупреждающие гримасы.

— Согласится! — с нажимом сказал Лебедев и вызвал по телефону секретаршу.

Денис закончил с ЭМ и занялся прибором.

«Преобразователь», так они называли его. Вместо панели — изогнутая подковой клавиатура. Довольно большой корпус. Но главное отличие — пять пар датчиков. В целом прибор напоминал древний кардиограф. Между ЭМом и Преобразователем стояла кушетка.

В этот момент в подвал спустилась Лена. Ее волосы, как всегда, были забраны в ужасную зализанную прическу.

— Раздевайся и ложись, — бросил шеф.

Лена поправила очки на носу и не тронулась с места.

— Ты что, не слышишь? — Лебедев поднял бровь.

— Полностью раздеваться не обязательно, — поспешно сказал Андрей. — Достаточно блузку снять…

— А внизу как будем цеплять? — Денис слегка тряхнул гроздью датчиков. — Или юбку спустит и все?

Лена судорожно вцепилась в верхнюю пуговицу блузки, затравленно переводя взгляд с Дениса с датчиками на грозного шефа и на Андрея, сидящего вполоборота перед монитором.

Андрей опомнился:

— Лена, вы не могли бы нам помочь? Необходимо протестировать прибор. Вы не побудете немного пациенткой?

— А-а… — выдохнула секретарша, разжав пальцы. Пуговица со стуком упала на пол. — Конечно, пожалуйста…

Она подошла к кушетке, присела на краешек и сняла «шпильки». Плотно сжав губы, сняла блузку и повесила на спинку стула, оставшись в кремовом кружевном лифчике. Затем расстегнула молнию сбоку на юбке, быстро улеглась на спину и, извиваясь всем телом, стащила юбку книзу, открыв такие же кружевные трусики.

«Бедная девушка», — подумалось Андрею.

Шеф чуть подался вперед:

— Начинай ты, Денис. Потом результат зафиксируешь, и сравним с натуральным.

— Ок.

Денис навис над Леной, с помощью специальных липучек цепляя ей датчики на лоб, с боков на шею, на живот. Потом задумался.

— Прямо на белье лепим?

Он вопросительно посмотрел на Андрея.

— Да, — коротко ответил тот.

Денис быстро прикрепил электроды Лене на грудь и низ живота и уселся за клавиатуру.

Мужчины, не отрываясь, следили за монитором.

Сначала экран был темным. Но вот в середине вспыхнула пурпурная точка, выросла размером с горошину, завертелась.

Достигнув размеров некрупного яблока, заклубилась спиралью и расширилась огромной окружностью к границам экрана. Из центра выстрелил пучок белых одинаковых лучей, напоминающих раскрывающийся зонтик. «Зонтик» крутанулся четыре раза по часовой стрелке, затем застыл. С периферии сгустилась светло-сиреневая дымка, наползла облаком на лучи, распределилась между ними, вытягиваясь в нити. В местах переплетения с лучами кое-где образовывались узелки, на глазах собирающиеся в группки.

«Петли, — машинально отметил Андрей. — Как много петель… Но как здорово, действительно здорово! Все видно! Ай да мы»…

— Ну, хватит? — спросил Денис, оторвавшись от клавиатуры и взглянув на экран.

— Андрей, как вы считаете, информации достаточно? — пробасил шеф.

— Да, вполне. Фиксируем, и потом — я.

Денис сохранил картинку и принялся отцеплять датчики. Лена шумно вздохнула, пошевелила руками.

— Еще не все! — буркнул Денис. Она испуганно замерла.

Шеф смотрел на Андрея, ожидая продолжения действия.

Эссенциалист внутренне напрягся. Неровно застучало сердце. «Экстрасистола. У меня? — с удивлением подумал Андрей, — так нельзя. Надо успокоиться. Это важно сейчас…»

Он взглянул на Лену.

— Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Андрей улыбнулся, девушка улыбнулась в ответ.

Он повернулся лицом к монитору и сложил руки, как перед чайной церемонией.

«Пламя костра рассыпается тысячей нитей… Много миров, едина их главная сущность…

Много миров…

Черт. Так вот, что это значит…»

Ему хотелось обернуться, посмотреть в глаза Денису, Лебедеву, спросить: как же так? Почему он здесь? За что?

Но надо работать.

Андрей положил правую руку на чувствительную панель, а левую — Лене на живот.

В центре экрана вспухла пурпурная точка.

Андрей переместил руку на лоб, на шею, грудь и низ живота девушки. Точка на экране вырастала в клубок, закручивалась спиралью, расходилась окружностью, вот брызнули лучи, завертелся зонтик, сгустилась дымка…

Наступил момент, когда паутина на ЭМ в точности повторила

график на экране преобразователя. Шеф и Денис радостно загалдели.

— Получилось! Сергей Васильевич, получилось!

— Молодец! Молодцы вы оба, ребятушки!

Но Андрей на этом не остановился. Он продолжал сканировать сущность. И вот по экрану побежали вектора…

— А это что? — с подозрением спросил Лебедев.

— Это нужно для лечения. Точки и пути воздействия.

— А! Ну, лечением же вы еще не занимались? Достаточно! Сохраняй.

Андрей не стал спорить и зафиксировал паутину.

«Я нарушаю Стандарт… Неприкосновенность личности и врачебная тайна. Вполне хватит для Трибунала… Однако я сделал это! У меня получилось!»…

Шеф с Денисом прилипли к экранам, оживленно обсуждая результат.

— Ну вот. Найдите десять отличий, — хохотнул программист.

Лена потянулась за блузкой, жалобно посмотрев на Андрея.

— Спасибо вам, Лена. Это исследование очень, очень важно для нас всех.

«И почему я это говорю? Важно, да. Потому что противозаконно».

Лена одевалась, молча кивая.

Однако корректор в душе Андрея брал свое.

— Если позволите, я… вам дам совет.

Девушка с надеждой взглянула на эссенциалиста.

— Вам нужно заняться экстремальным спортом. Прыгать с парашютом. Серфинг. Хотя бы ролики. Идеально подошли бы автогонки. Или подводное плавание.

Лена недоверчиво взглянула на Андрея: не шутит ли? Но он был серьезен.

— Спасибо… я попробую. Сергей Васильевич, я могу идти?

— Да, — не оборачиваясь, махнул рукой шеф.

Лена еще раз улыбнулась Андрею и тихо удалилась.

«И парень тебе нужен другой. Не этот старый козел», — прибавил про себя эссенс.

* * *

Шеф собрал их в кабинете и хвалил. Долго хвалил, искренне.

«Не к добру гусь загоготал, — думал Денис, переминаясь с ноги на ногу, — зуб даю, до вечера гадость какая-нибудь

произойдет»…

Андрея раздирали противоречивые чувства.

Надо бежать отсюда, возвращаться в Лабиринт.

Но с другой стороны…

Они почти сделали прибор, остались мелочи. Он будет работать. Он поможет людям.

Противозаконно? Да. Но что же получается: противозаконно помогать страждущим?

Абсурд.

Эта Лена с патологической неуверенностью в себе, сильной близорукостью и спазмами в желудке.

Денис с больным позвоночником. Он не жалуется, но Андрей же не слепой.

Лебедев… это вообще конгломерат проблем.

А ведь людей в этом мире тысячи. Может быть, даже — миллионы…

Почему нужно скрывать от них благо?

Непонятно.

И все-таки: что они сделали с его сущностью? Почему не рассказали все, как есть?

Сколько загадок…

Они получили премию и «добро» на дальнейшую работу, а еще шеф обещал закатить корпоратив по окончании проекта.

Несмотря на радужные перспективы, Щемелинский вышел из кабинета, морщась и хватаясь за спину.

Андрей не выдержал и окликнул его.

— Простите, Андрей Николаевич, — отозвался Денис. — Я буквально на пару минут, дойду до гаража. За аптечкой.

— А в аптечке есть что-то, способное вылечить боли в спине? — невинно поинтересовался Андрей.

— Нет, конечно. Две таблетки анальгина выпью.

— Тебе это не поможет. Пойдем в кабинет, я посмотрю.

Денис заколебался. На лице его отразилась внутренняя борьба.

— Мы что же, — внятно произнес Андрей, — делаем уникальные приборы для других, а сами страдаем?

Он открыто взглянул в глаза Денису. Тот не опустил взгляда, но Андрей почувствовал, что это дается ему нелегко.

«Что ты за человек»? — подумал Андрей и повторил:

— Пошли! Иначе я все брошу и уйду.

Дениса передернуло, как от удара током. Он поспешно опустил голову, но Андрей успел заметить выражение ужаса на его лице. Затем он выпрямился и поплелся за эссенциалистом.

* * *

Денис вышел из офиса, чувствуя себя раскуроченным механизмом, который только что привели в условно рабочее состояние.

Спина болела меньше. Нет, боль не прошла до конца, до полного счастья было еще очень далеко. «За один раз не вылечить», — сказал Андрей. Но Денис в кои-то веки почувствовал, что внутри у него человеческий позвоночник, а не отрезок искрящего оголенного кабеля. Этот кабель будто обернули изолятором — боль осталась, но притуплённая. С ней уже можно было жить…

Денис завел машину и поехал на встречу с Ксаной.

«У вас в паутине затемнение. А вам ведь лет тридцать пять, не больше?.. Что вы делаете с собой?»

Что он понимает, эссенс! Ламер с искусственным наполнителем, который жив только благодаря Денису. Летал бы сейчас в космосе, развеянный на атомы…

Однако облегчение принес, этого не отнять.

По дороге программист притормозил у палатки с цветами, выбрал три желтые хризантемы, попросив тщательно упаковать в пленку.

Бутылка «Чинзано» и коробка «Ферреро роше», которые так любит Ксана, купленные еще утром, лежали на заднем сиденье.

Ссориться с Ксаной точно не стоит.

К гостинице он подъехал, уже почти не ощущая боли и оттого в приподнятом настроении.

Сейчас ему, пожалуй, хотелось увидеть Ксану. Ведь все-таки сегодняшняя победа — и ее заслуга.

Выходя из машины, Денис увидел свою бывшую помощницу, поднимавшуюся на крыльцо гостиницы.

Статная, как королева.

Денис даже подумал: а не зря ли он отпустил эту женщину?

Он догнал ее в дверях.

— Здравствуй, дорогая!

Ксана обернулась, в волосах переливались разноцветные блестки. Денис уже успел забыть, каким лаком она пользуется…

Он вручил букет.

— Ой, привет! Спасибо… Желтые, мои любимые… Как тебе костюм этот идет!

— Для тебя старался!

Он чмокнул ее в щечку.

— Пойдем?

— Пошли, — вздохнула Ксана.

— Почему самая красивая на свете женщина вздыхает?

— Да так…

Они прошли в холл, заказали номер, поднялись на второй этаж.

Стандартный полулюкс: столик, телевизор, кресла, широкая кровать…

— Такой же номер, как у нас был, — с легкой ностальгией в голосе произнесла эссенциалистка.

Она взяла со столика вазу, чтобы налить воды. Денис выложил из пакета конфеты и «Чинзано». В баре оказались подходящие бокалы. Он понес их споласкивать и в прихожей едва не столкнулся с Ксаной, несущей вазу с хризантемами.

Оба рассмеялись.

— Я уже забыла, как ты улыбаешься, — тихо сказала девушка и хотела отнести цветы в комнату. Но Денис вдруг встал перед ней, не давая пройти.

Может, сказалось сегодняшнее воодушевление, или тоже нахлынули воспоминания, или просто нечастая гостья — сентиментальность решила сегодня посетить Дениса, но, не выпуская бокалов из рук, он вдруг обнял Ксану, зарывшись лицом в ее волосы.

— Пахнут черникой, — прошептал Денис.

Ксана закрыла глаза.

Так они стояли минуту или две. Потом он поставил бокалы на тумбочку, приткнул туда же вазу и впился в Ксанины губы…

Исчезло все: гостиница, программа, прибор…

Время остановилось.

Кровь неистово стучала о тонкие стенки височных артерий, сердце сокращалось все быстрее, гоня ее в кругосветное путешествие…

Ксана была рядом. Такая близкая, нежная, желанная… И только его.

Денис принялся быстро раздевать ее, увлекая в комнату и разбрасывая по дороге вещи. Ксана помогла ему освободиться от пиджака и галстука, расстегнула рубашку, чудом не оборвав пуговицы.

Полностью обнаженную, он уложил ее на кровать, не переставая целовать губы, шею, грудь.

Послав к дьяволу работу, признание, мировую славу, он захлебнулся страстью и утонул в ней.

* * *

— Денек, проснись!

После бурного секса Денис сразу же уснул как убитый. Но реальность вторглась в его волшебный сон с бесцеремонностью Ксаны:

— Просыпайся, Денек!

Денис открыл глаза:

— Я просил не называть меня Деньком!

— Прости, я совсем забыла…

Ксана лежала рядом на животе и смотрела на Дениса. Пока он спал, она разглядывала его лицо, черты которого стирала из памяти в течение года. Правильные, прямые, тонкие линии…

— Сколько времени?

Денис свесился с кровати, нашаривая на полу вылетевший во время страстной прелюдии мобильник.

— Три, — ответила Ксана.

— М-м-м, это плохо! Я в душ!

Он скинул одеяло, которым заботливо прикрыла его девушка.

— Постой! Мне же сказать тебе надо… кое-что.

Денис улыбнулся.

— В самом деле? Тогда давай выпьем.

— Да, не помешает.

Он встал, откупорил бутылку, наполнил два бокала и протянул один подруге.

— Рассказывай, — улыбнулся Денис, усаживаясь обратно на кровать.

— Дэн, — робко начала Ксана. — Ты случайно не знаешь…

— Да?

Прикрыв глаза, Щемелинский с наслаждением потягивал вермут.

— …Андрея…

Денис открыл глаза.

— …Латушкина?

Бледность залила лицо программиста. Он резко повернулся. Откуда Ксана знает? И что знает? Шпионка? Почему она не убирается в Лабиринт?

— Впервые слышу, — ответил он, прислоняясь к спинке кровати и вновь принимаясь за «Чинзано». Сердце билось о грудную клетку так, что слышно было, наверное, в коридоре.

— Дэн, а «искусственная сущность» — это…

Резким движением Денис схватил Ксану за плечо.

— Ай! Ты что, Денек…

— Не называй меня так, — ледяным тоном сказал Денис. — Ну-ну, я тебя слушаю!

* * *

— Как ты могла?! Что ты наделала!

Денис полуодетый метался по номеру, сжимая виски руками.

— Дэн, ну прости, ну в чем я виновата?

— Кто тебя, кто тянул тебя за язык?! Как ты могла первому встречному — первому встречному! — Рассказать…

— Костя — мой муж!

— Ах, муж!

Денис застыл посреди комнаты, закрыв ладонями лицо.

Это конец.

Весь труд насмарку.

Мало того.

Это пахнет вышкой.

— Дэн, ну… подожди. Ну, ничего же не случилось еще. Я поговорю с Костей, я его постараюсь убедить, он…

— Дура! — заорал Денис.

Он попытался завязать галстук, но руки не слушались, и он со злостью швырнул его на пол.

— Дай я…

— Пошла на…

Ксана умолкла, чуть не плача.

Он кое-как надел пиджак. Быстрее к шефу! Немедленно!

— Сиди тут! — бросил Денис со злостью, перед тем как открыть дверь. — Не вздумай куда-нибудь сунуться!

Ксана не ответила, с трудом сдерживая подступающие рыдания.

Денис вышел из номера и закрыл дверь на ключ.

— Боже… вот это да! — прошептал он, сбегая по лестнице.

ГЛАВА 9
Бегство

В электричке я вырубился. Видимо, организм решил сжалиться надо мной.

Два часа промелькнули незаметно. Наконец хриплый динамик пробубнил: «Станция Крюково». Я вскочил и кинулся к выходу.

В автобусе ехать не мог. Всю дорогу до Светиного дома шел, временами переходя на бег.

Я должен ей сказать! Расскажу ей все: про сайт, про «дружбу» с Андреем, про драку. И, конечно же, про Катю. И мы решим, что делать дальше. Мы должны вместе…

Вместе.

Может быть, вместе жить?

Оказавшись в Светином дворе, я помчался к подъезду что было сил и чуть не споткнулся о бордюр. Черт! Самое время расквасить нос…

Вот и домофон.

Долго никто не подходил, и я уже потянулся за мобильником. Но в этот момент электронная железка отозвалась нежным Светиным голосом: «Кто здесь?»

Я не сразу смог ответить: дыхание перехватило. Сдавило горло, и все тут!

— Кто там? — повторил голос. Самый дорогой голос.

— Это я, Свет. Стас.

— Ох ты! — воскликнул домофон, немедленно запиликав.

Я рванул дверь на себя и, ввалившись в подъезд, помчался по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Она ждала на площадке — испуганная, как мне показалась, но радостная. Из-за белой майки ее кожа выглядела совсем смуглой.

— Стас! Ты где был?

Волнуется! Надо же!

Света посторонилась, пропуская меня в квартиру. Я влетел, словно снаряд, потом резко остановился. Она закрыла дверь и посмотрела на меня. А у меня все заготовленные слова куда-то пропали. И я стоял и тупо смотрел на Светку. На вырез ее майки. На голые ноги в шортах.

— Твои дома? — выдавил я, запоздало сообразив, что не купил даже цветов.

Света покачала головой.

— Мама повезла Катьку на дачу, сестра гулять ушла. Видимо, надолго. Стас! — Она всплеснула руками. — Мы с Андреем тебя искали, где ты был?

— На фиг Андрея! Пошли в комнату. Поговорить надо.

Огромными шагами я двинулся в их маленькую комнатушку. Там по всему полу все так же валялись мягкие звери. Я застыл посреди комнаты, оглядываясь кругом. Диван. Стол с компьютером. Еще столик. Кресло. Шкаф. Книжные полки. Темно-синие блестящие шторы.

Вот тут они и живут.

Здесь.

Вдвоем.

Светка неслышно просочилась вслед за мной.

— Что-то случилось? — спросила она тихо.

— Да! — почти закричал я.

Я смотрел на Светку и думал: «Ты моя. Неужели ты — моя? И как я сумел?..»

Громко тикали часы на стене. Я все тянул и тянул. Надо сказать ей про то, что мы были женаты, что у нас теперь общий ребенок, что я был у родителей… Но все это вдруг куда-то улетучилось. Я так бежал, чтобы рассказать ей об этом, а сейчас это стало неважно. Этого не существовало. Вообще ничего больше не было, кроме Светки и меня…

Я подошел и взял ее за руку. Но этого мне показалось мало. Я прижал ее к себе. Прижался, боясь отпустить. Светку, видимо, это так удивило, что она даже не сопротивлялась. Разговоры — потом. Потом. Я чувствовал себя на необитаемом острове, где, кроме меня, давно уже не было людей. А теперь вот появилась Света…

— Я люблю тебя…

Неужели я это сказал?..

Кажется, я еще не забыл, как целуются…

* * *

Не буду рассказывать, как мы были вместе. Я испытывал острое ощущение счастья оттого, что она со мной. Наверное, так. Боялся спугнуть это чувство, сморозить махровую глупость.

Света положила голову мне на плечо и молчала, о чем-то думая. Я должен был начать разговор, такой важный, ведь для этого я и пришел. Но я все никак не решался. Вдруг скажу хоть слово — и чары развеются. Не будет этого мига. И этой истории. И все вернется к тому, как было *до*.

Откуда-то из подсознания вылезли слова психологического теста, каких много в Интернете. По большей части все они тупые и не соответствуют действительности. Я даже не помню, что выпало мне самому. Но у кого-то из френдов был такой текст:

«Есть люди — зеленые долины,
С ними легко и безмятежно,
С ними оставляешь в стороне свои проблемы,
Забыв о том, что за окном на самом деле дождь и слякоть,

А в раковине немытая посуда,
К такому человеку хочется прийти, когда на душе ненастье,
И он привнесет в жизнь свет солнца и тепло камина»…

Как это подходит Свете…
С этой мыслью я и уснул.

* * *

— Стас, ну Стас! Просыпайся, тебе же так неудобно!

Голос тихий, утренний, заботливый.

Чашка горячего кофе, какие-то тоненькие бутербродики, детский омлет с зелеными огуречными глазами и помидором-улыбкой.

Рука затекла, видно, так и проспал, придерживая Светину голову вместе с подушкой.

Ноги тоже… Не очень. Свисали всю ночь, что ли?

Света улыбалась, смотря в сторону. Я попытался перехватить ее взгляд — получилось.

— Как можно с утра возиться с едой, — невпопад буркнул я. Но она поняла мое замешательство правильно.

— Я решила, что ты любишь омлет и ветчину с сыром. А картинка, — она кивнула на уже одноглазое блюдо, кружочек огурца я первым делом выковырял, — чтобы ты развеселился. С вечера совсем несчастный был.

Я хотел спросить, как ей новости, но не смог.

Не сейчас.

Не на этом диване, не с этой чашкой вкусного кофе в руках.

Меня кормили завтраком. В постели. По-мещански. Примитивно. Как в фильме про большую любовь и красивую жизнь. И мне это понравилось.

Было бы неблагодарно взять и загрузить ее моими вчерашними открытиями.

— Вкуснотища, спасибо.

Она снова улыбнулась, забрала поднос и пошла на кухню. Надо было вставать, умываться и так далее, а потом…

Продолжить то, о чем начал? Неудобно.

Схватить Светку в охапку и завалить обратно на диван? Не то. Не сейчас, не утром, не так. Пригласить ее куда-нибудь?

Предложить помощь по дому? Гвоздь там или краны…

— Стасик, пойдем, погуляем? В лес.

Я очнулся от грез.

— Угу. Пошли. Там и поговорим.

* * *

Мы оделись, вышли из квартиры, спустились по лестнице. Все это молча. Улица пахнула ветром, прохладным, пыльно-влажным.

— Будет дождь, Свет.

— Ничего, в лесу не намокнем, пошли?

Я пожал плечами. Ладно, она в ветровке… Взял ее за руку.

Обогнув дом, перешли через дорогу, спустились к озеру. Лодки невозмутимо дожидались отдыхающих. Так же, как пять дней назад. Но сколько всего произошло…

Мы прошли мимо станции дальше, к мостику. У нас в городе не хватает больших мостов, поэтому так затруднено движение, но маленькие деревянные, слава богу, в избытке. На том берегу начинался лес.

Я давно не ходил этим путем. Наш город хорош тем, что еще живы вот такие малохоженые места. Просто потому, что они в стороне от дорог, от домов, от заводов. Там водятся белки, там много птиц, там тихо. И — воздух. Как будто за городом. А ведь пройдешь лесной массив — снова окажешься в нашем городе. В другой его части.

Птицы тревожно чирикали перед дождем. Хотя, я не прав: чирикают только воробьи. А эти, серые с красными крылышками красавицы, поют. Тропинку переплетали корни. Мы направились вглубь, ориентировочно — в сторону станции. Справа и наискосок за деревьями виднелись многоэтажки девятого района, слева едва угадывалось одно из зданий «Ангстрема». Вскоре его не стало видно: только сосны, ели, клены, липы, березы, дуб… Здесь много всяких деревьев.

— Свет, я к родителям ездил.

Главное начать, правда ведь?

— А! Ну что ж ты сразу…

— Я не собирался, так получилось. Свет, я узнал такое… Я знаю, кто Катькин отец, Свет.

Вот так. Сразу. Чтоб не передумать.

Как у меня рванулось сердце! Я думал, оно вылетит сейчас. Пришлось прислониться к дереву.

Светка замерла. И так на меня посмотрела… Как будто хотела впитать всего, до капли. А ведь сможет…

— Кто?!

«Катя — моя дочь».

«Света, это я».

«Этот ребенок наш с тобой».

Не знаю, как лучше сказать.

Какие же у нее все-таки глаза… Как море… Я бы мог утонуть в них…

— Ты?!

Что-то я радости не слышу. Больше похоже на ужас…

Я успел рассказать только про мой визит в Тверь, когда на тропинке со стороны «Ангстрема» появились они. И хотя лиц еще было не различить, я сразу понял: это те трое мужиков из парка. Схватил Светку за руку:

— Бежим. Это за нами. Как можешь быстрее.

И мы понеслись, аж в ушах засвистело, замелькали елки, березки, клены…

Она ничего не спросила, не удивилась. Доверилась мне. За эти дни я впервые научился жить, не понимая. Не находя объяснений происходящему. Действовал по наитию. До сих пор получалось.

Мужики припустили следом.

Закапал дождь.

Ни разу еще я не бегал с таким отчаянием. В другое время доводы разума убедили бы меня в полной бесполезности этого поступка. Догонят, и рыпаться не стоит. Но сейчас…

Я еще не все сказал! Я должен уйти! Увести Свету! Я должен… Должен…

Ноги. Легкие. Сердце. Светина рука в моей. Коряги. Скользкая тропинка. Птицы испуганно разлетаются. Шелест хвои. Звук шагов сзади все нарастает.

Свернули с дороги. Дождь усилился. Мокрые ветки хлещут по лицу. Куда бежим — не знаю. Вперед, между деревьями. Вдох — выдох, вдох — выдох, вдох, вдох… Выдыхать некогда.

Догонят.

А вдруг — не догонят?

А если догонят — убьют?

Не знаю, с чего я это взял. Жить хотелось — Как никогда.

— А ну стойте!

Я рванул еще быстрее, увлекая Светку за собой. Откуда у меня силы? А у нее? И на сколько нас еще хватит?

— Да стой ты, придурок, все равно не уйдешь!

Впереди деревья стояли плотнее, лес густел. Эх, спрятаться бы в этой чаще!

Чаща, в центре города, ага, как же!

Ну еще, еще немного!

Мне кажется или шаги сзади тише? Хорошо бы. Добежим до открытого места, там все-таки люди. Хотя в наше время рассчитывать на помощь людей не приходится. Даже средь бела дня. Даже если тебя убивают. Вернее, если убивают — особенно.

Но мне так хотелось к людям.

— Стас… не могу… больше…

— Еще немного… сейчас… сейчас… а-а-а!!!

Высокий песчаный берег внезапно ушел из-под ног, и мы рухнули с обрыва. Я выпустил Светину руку, кубарем покатившись по склону. Песок летел в глаза, набивался в нос. Ну все, это конец.

Я грохнулся вниз лицом, тут же вскочил, подал руку упавшей Свете, с досадой и страхом посмотрел наверх, ожидая увидеть преследователей. Нет больше сил бежать…

Но никто не появлялся.

Парализованный ожиданием, я не мог оторвать взгляда от высокого берега. Наверное, минуты две мы простояли так, потом посмотрели друг на друга.

— Отстали, что ли? — не поверил я нашему счастью.

Света развела руками.

Мы снова взглянули наверх. Тихо. Никого.

Да не могли они отстать. Передумали, видимо. Интересно — почему. Ну и слава богу.

— Пойдем отсюда!

— Кто это, Стас?

— Кто — не знаю, но я с ними уже встречался. Расскажу, ты слушай.

Кое-как отряхнувшись от песка, мы повернулись к обрыву спиной и шагнули к реке. Сходня в этом месте была чистой и глубокой — еле угадывалось дно. Неудивительно, кто здесь ходит? Замусорить еще не успели.

— А мы здесь не перейдем. — Света бросила взгляд в обе стороны. — Пойдем дальше!

Мы двинулись вдоль берега, а я продолжил рассказ. Вернее, начал с самого начала. С сайта.

Эффект я произвел.

И непонятно, чему Света удивилась больше: моей бурной фантазии или появлению Андрея. Сначала она изумлялась, хлопала глазами, шевелила губами, теряла дар речи, но постепенно смирилась. Когда чудес слишком много, они становятся обыденностью.

Она слушала меня молча.

Постепенно песок закончился, лес подступил к самой воде. Сосны здесь были красивы: стройные, с пышными ветвями, начинавшимися у самой земли. Никаких голых стволов. Ну прямо заповедный лес! И шумели они как-то… по-особенному. Музыкально как-то. Как будто кто-то дул в огромные трубы. Тихонько так дул, но со знанием дела.

Я заслушался и замолчал.

— Ты спросил его про диплом?

Ах да, я же рассказываю историю. Как раз перехожу к самому непонятному моменту…

Деревья уже поднимались прямо из воды, пришлось нам забрать вправо. Звуки города совсем не долетали сюда. Я продолжил рассказ, пытаясь ничего не упустить из загадочных объяснений Андрея. Может, Света поймет лучше меня?

Увлекшись, мы присели на поваленное дерево. Света не перебивала, и я дошел до момента с костром.

Она не поверила.

— Подожди, Стасик. Это какая-то… страшная, ужасная сказка.

— Может, и сказка, но ты бы видела его лицо!

Честно говоря, я устал рассказывать. История и так слишком тяжелая, да еще неправдоподобная. Я вздохнул, проводя рукой по стволу, на котором мы сидели. Интересная какая кора: рельеф будто делится на шахматные клетки. Более темные — шершавые, гладкие — посветлее.

— Необычно, да, Свет? — Я кивнул на дерево. — Даже жалко, что такая сосна упала…

— Стасик! А это и не сосны…

Мы огляделись кругом. Да нет же, сосны, сосны, конечно: длинные иглы, маленькие твердые шишки. Но у всех — «шахматная» кора.

Светка поднялась и подошла к стоящему поблизости дереву. Отковырнула кусочек прозрачной смолы, понюхала.

— Чем пахнет? — весело поинтересовался я. — Эвкалиптом?

Она уставилась на меня.

Потом протянула кусочек смолы. Я взял и осторожно нюхнул.

Эвкалипт.

Во всяком случае, очень похоже. Как я угадал!

— Здорово! Что это за деревья, а? У эвкалиптов стволы голые!

Светка прыснула:

— Да они у нас просто не растут!

— Это само собой… Смотри!

Я вдруг увидел белку. Белки — не редкость в наших лесах, недаром они на гербе города. Но этот экземпляр был выдающимся. Она двигалась по земле — что тоже часто бывает — резвыми прыжками. Но размером это рыжее животное было с крупную кошку. Я таких никогда не встречал.

— А может, это не белка?

— Ну да. Это коала. Эвкалиптовый медведь.

Мы засмеялись довольно громко. Но животное не испугалось. Оно приблизилось ко мне и остановилось, тараща темно-синие бусины. Стало не по себе. Съест еще…

— Рыжик, Рыжик! — позвала Светка.

Белка покосилась на нее, потом как прыгнет! Прямо мне на ботинок. Аж я вздрогнул. Вцепилась лапами в шнурок и давай тянуть. Как будто и впрямь кошка. А я сижу и пошевелиться не могу от изумления.

— Стас, а мы, по-моему, заблудились…

— Да здесь негде блудить.

Я попытался скинуть назойливого зверя, поболтав ногой. Это удалось не сразу. Наконец лохматая зверюга спрыгнула на землю и очень быстро умчалась. Ботинок таки она мне расшнуровала.

— Пойдем, а? Есть хочется…

В самом деле, мы уже столько времени гуляем, надо выбираться.

Я завязал шнурок, и мы зашагали по тропинке. Я здесь совсем не ориентируюсь, но в любом случае мы выйдем к девятому району, больше некуда.

Удивительно, что, кроме «шахматных» сосен, совсем не попадались другие деревья. И «эвкалиптовый» запах теперь ощущался яснее.

Лес и не думал расступаться. Я готов был поклясться, что начинает темнеть, а часы на Светином мобильнике — свой я отключил — показывали тринадцать тридцать восемь. Рано еще.

По дороге я рассказал наконец про драку.

— Так вот какую он кошку снимал…

— Что?

— Да так…

Наконец мы заметили, что впереди светлеет. Долетал неясный гул.

— Дорога. Это мы к Малино вышли?

За деревьями угадывалась длинная серебристая лента.

— Я вообще не пойму, если честно. «Железка», что ли?

Но нет. Это совсем не железная дорога.

Даже близко — не она.

Это совсем другое.

Впереди еще маячили редкие деревья, но я уже понял, что там. И побежал.

— Стас, подожди!

Тридцать шагов. Двадцать. Пятнадцать. Десять.

Я выбежал из-за деревьев и остановился.

Под ногами вновь расстилался песок. Чуть серебристый.

Следующие пять шагов я прошел очень медленно.

Какое здесь странное сиреневатое небо. А вода — бледная-бледная. И бурунчики на волнах.

— Море?!

— Да, Свет.

Мы посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, пошли к воде.

Так не бывает, я знаю. Но мы ведь здесь?

ГЛАВА 10
Калейдоскоп

— Как это «пропали»? Что значит — пропали? Ваши орлы что, бегать разучились?

Шеф с удивлением разглядывал переминающегося с ноги на ногу начальника охраны.

— Сергей Васильевич… У меня нет объяснений. Фигурант и девчонка бежали по лесу, мои ребята их практически догнали. Но внезапно они словно провалились сквозь землю. Главное, моментально пропал сигнал от радара, и с тех пор так и не появился.

Бывший военный застыл, вытянувшись в струнку.

Шеф почувствовал разливающийся во рту кисловатый привкус. Он даже скривился, глядя на охранника. Ну какого дьявола! Дадут ему пожить спокойно хотя бы полдня или нет?

— В каком районе это было?

Лебедев развернул на экране компьютера карту, все еще надеясь, что ситуация быстро прояснится. Но в этот момент в кабинет ворвался взъерошенный Денис.

— Сергей Васильевич! Беда…

Он резко остановился, переводя полный отчаяния взгляд с шефа на начальника охраны.

— Да вы что, с ума все посходили! — прохрипел Лебедев. — Ну что еще?

* * *

Андрей сидел перед монитором, пальцы отплясывали тарантеллу на клавишах. Пот чуть заметными каплями выступил на лбу. Нельзя, ну нельзя бросать проект! Надо увидеть, каким будет воздействие. И если методы машины и эссенциалиста совпадут — надо внедрять прибор. В нашем мире, в этом мире, в других мирах — да какая разница! Люди везде хотят жить и быть счастливыми!

Он остановился, только когда вновь почувствовал острую жажду. Надо было спросить у Зиньковца, не видит ли он причин этому. А сегодня… Эх, сегодня Андрей может не успеть до закрытия медицинского центра. Уж очень хочется доделать первую ступень коррекции…

Андрей совершил паломничество к кулеру, затем вновь

погрузился в омут программы…

* * *

Лебедев не смотрел на Дениса. Он сосредоточенно изучал «мышку».

Урчал компьютер.

Тикали часы.

Чирикали воробьи за окном.

Завибрировал забытый на столе мобильник, но на него никто не обращал внимания.

Стоя посреди кабинета, прямо в центре перечеркнутого узорчатого круга на ковре, Денис напряженно ждал, что же скажет шеф. Наконец тот поднял голову и, глядя мимо Щемелинского, произнес:

— Иди домой.

* * *

Сегодня Зиньковец не ждал больше клиентов. Он в очередной раз тщетно пытался выйти в параллельную сеть, когда дверь отворилась. Вошел незнакомец в темной куртке.

— Одну минуту подождите. — Психотерапевт сделал предупреждающий жест, но посетитель, ни слова не говоря, вынул пистолет.

Увидев направленное на него черное дуло, эссенциалист не успел ни удивиться, ни испугаться. За спиной у злоумышленника возник человек, Зиньковец рефлекторно потянулся посмотреть, кто там, как вдруг резкая боль обожгла грудь…

* * *

Ксана не стала дожидаться Дэна. Пропади он пропадом, неблагодарная свинья! По дороге домой она зашла в медицинский центр, к Косте. Как она виновата перед ним! Зачем, зачем она вновь дала одурманить себя мимолетному воспоминанию? Зачем она вообще позвонила Щемелинскому? Пусть бы получил, что заслуживает…

Она вошла в пустой холл — Ирочки-сменщицы нет на месте, безобразие, — быстро миновала коридор. На пороге Костиного кабинета спиной к ней стоял какой-то мужчина. Она слегка

тронула его за плечо.

— Разре…

Человек резко обернулся, одновременно с этим раздался хлопок, и неизвестный, отшвырнув Ксану, стремительно бросился к выходу.

* * *

Зиньковец пытался зажать рану пальцами. В глазах темнело, силы стремительно уходили…

Ксана вбежала в кабинет и вскрикнула. Костя сидел за столом, согнувшись и схватившись за грудь. Из-под его рук по голубой ткани расползалось темное пятно.

— Оксана… блок… — прошептал он одними губами.

Ксана не сразу поняла, что он хочет, но кинулась к нему. В ту же минуту кабинет непостижимым образом наполнился топотом и криками. Прибежала гинеколог из соседнего кабинета, медсестра ЛОРа, лаборанты и даже старенький подслеповатый окулист.

— «Скорую»! Вызовите «Скорую», кто-нибудь!

Господи, господи! — запричитал высокий женский голос.

— Да они только адрес записывать будут десять минут, и ехать еще пятнадцать, а тут — в сердце! Хирурги где?

— Кто? Трофимов в отпуске, Иванова с утра была.

— Да откройте же перевязочную! — заорал кто-то.

Ксана воспринимала происходящее как сквозь туман. Она лишь видела белое лицо Кости.

— Блок, Оксана. Штопай…

Она поняла. И мелькнувшая было в сознании искра «я не сумею», тут же погасла. Ксана быстро сложила руки, как перед чайной церемонией. Как давно она этого не делала!

— В темноте серебряный свет лучами расходится, — зашептала Ксана. — Свивается каждый луч в тысячу нитей… Затейливая ткется паутина… Кто увидит — познает человеческую сущность…

Она положила обе руки, одну над другой, на рану, прямо поверх холодных Костиных пальцев.

— Первая долевая, вторая поперечная… третья поперечная — в узел… Вторая долевая, вторая поперечная, третья поперечная — в узел…

Произносить это вслух вовсе не обязательно. Но так Ксане было легче.

Люди вокруг суетились, что-то кричали, окулист все-таки

вызвал «Скорую» и милицию, медсестра ЛОРа прибежала с целой охапкой перевязочных материалов и ампул с анальгетиками…

Ксана, застыв в неудобной позе, боясь неосторожно шевельнуть руками, «штопала» Костину паутину.

«Вязание узлов корректорами первого звена строго запрещено»…

«Сверхвоздействие запрещено»…

«Эссенциальная хирургия в мирное время запрещена»…

Холод внутри. Темнота и боль. Лишь в глубине непроницаемой бездны трепещет разорванный клубок, рискуя развалиться по ниточкам…

«В случае спасения жизни эссенциалист, оказавший воздействие, считается неподсудным»…

Зиньковец в свое время не успел сохранить жизнь пациенту в ожидании реанимобиля…

* * *

Бригада появилась, как показалось Ксане, вечность спустя. Кровотечение к тому времени прекратилось, но Ксана все вязала паутину… Зиньковец был то ли в обмороке, то ли уснул, обессиленный. Впрочем, Ксана и сама еле держалась. «Штопка» требует огромных затрат энергии.

— Девушка, да дайте же посмотреть! Девушка!

Молодой врач с трудом оторвал Ксанины ладони от груди Зиньковца.

— Так… проникающее грудной клетки. Носилки, быстро.

— Я с ним, можно? Я жена…

Ксана слышала свой неестественно звенящий в пустоте голос будто со стороны.

— Да, конечно. Поехали в «Склиф».

* * *

Шеф шел мимо аквариумов, раздумывая, как поступить с Андреем. Пару дней — и конвертированная личность скорее всего перестанет существовать. Но за эти пару дней…

Если Андрей все знает, почему он не бежит без оглядки, а до сих пор сидит в кабинете?

Может, он вовсе не против работать на Контору? Да с чего в конце концов этот удод Щемелинский решил, что Андрей будет против? Ведь Денис никогда, ни-ко-гда не разбирался в людях…

Лабиринт не должен ничего знать, тут уж без вариантов. А вот сам Андрей…

Когда Лебедев вошел в кабинет, эссенциалист даже не заметил его, поглощенный работой.

Через несколько минут шефу пришлось кашлянуть, заявив о своем присутствии.

— Ах, это вы, Сергей Васильевич. Не заметил, извините.

Андрей поднялся.

— Назавтра мне нужен эссенциальный монитор. И, если позволите, — Лена.

Шеф хмыкнул, кивнул, бросил взгляд на экран, испещренный разноцветными схемами.

— А… Денис завтра нужен? А то я планирую отправить его… в командировку. Срочную.

— Денис… да нет, наверное. Думаю, смогу закончить и без него. Не хотелось бы отвлекать человека от более важных дел.

Андрей сглотнул слюну в пересохшем горле. Опять нестерпимо хотелось пить.

Если Дениса завтра не будет — это только к лучшему. Рваная у него паутина, корректировать и корректировать.

— Что, вообще все сможете без него закончить?

«Это было бы совсем кстати», — завершил про себя Лебедев.

— Пожалуй, да. Последовательность действий я знаю. Но для тестирования программист, конечно, будет нужен.

— Любой программист?

— Грамотный программист. Любой, да.

— Очень хорошо. — Шеф скрестил руки на груди. — Работайте, Андрей. Завтра вам все предоставят.

— Спасибо, Сергей Васильевич. А сейчас я с вашего позволения выйду на минуту.

Язык казался обернутым наждачной бумагой.

— Да-да, разумеется.

«А эссенс-то наш нездоров, — отметил Лебедев. — Значит, распад неизбежен. Можно не волноваться…»

* * *

Операция длилась несколько часов.

Ксана сидела в коридоре на диванчике, глядя на пятно облупившейся краски на стене.

Примостившийся рядом с ней молоденький капитан милиции старательно задавал ей какие-то вопросы. Она отвечала односложно: «Нет, да, не знаю»… Убийцу девушка описать

толком не смогла. В конце концов милиционер понял, что толку от нее не добьешься, и отправился в буфет перехватить чашку-другую кофе. Ксана идти отказалась.

Мысли ее были там, в операционной.

Только бы все обошлось.

Местные кардиохирурги ничуть не уступают специалистам из Лабиринта. Правда, экстренники обычно работают в паре с корректорами. А эти ребята колдуют сами. Без малейшей энергетической поддержки. Хотя энтузиазма им не занимать…

— Костя, Костенька, — шептала Ксана, размазывая слезы по щеке. — Не оставляй меня… Я так тебя люблю, Костенька…

Ксана в сотый раз клялась себе, что если муж останется жив, она сделает все, все, что он захочет. В любом случае она найдет этого молодого эссенса и поможет ему вернуться в Лабиринт. Чем бы это ей ни грозило.

Наконец двери оперблока разъехались, вышел усталый, но явно довольный доктор. Ксана вскочила.

— Это вы — жена Константина Зиньковца?

Врач был, наверное, почти ровесником Кости.

— Да. Ну что, магистр? — взволнованно воскликнула девушка.

— Нормально! — Хирург не обратил внимания на странное обращение к себе. — Жить будет, точно. Вы ведь тоже врач, кажется?

— Д-да.

— Если честно, вашему мужу очень повезло. Удивительно, что его вообще довезли. Миокард поврежден, в перикарде — воздух, кровь, давление упало… А организм справился! Хотя не мальчик уже ведь… Но выжил — молодец. Сейчас состояние стабильное. И мы — с осторожностью, конечно, — можем надеяться на благоприятный исход. Но сейчас — никаких волнений! Никаких расспросов пока. Вы слышите?

Последние слова относились к подоспевшему представителю закона.

— Спасибо вам… доктор.

— На здоровье.

Ксана снова заплакала.

Хирург не обратил на это никакого внимания, просто повернулся и ушел обратно в оперблок. Видимо, привык к чрезмерной эмоциональности пациентов и их близких…

Дэн Щемелинский припарковал древний, как динозавр, «Кадет» под балконом. Завтра снова в автосервис. Ах, нет. Завтра же пятница, его ждут в Трибунале. Придется машинке денек подождать. А эссенс, между прочим, его «Рено» юзает и в ус не

дует. И квартира казенная. И мебель куплена специально. Все условия для этого мудилы. А он им проблемы устраивает.

Дэн вышел из машины и направился к подъезду по гравийной дорожке.

Завтра он ночует дома, у родителей. Надо не забыть купить маме пару ее любимых женских романов. В Лабиринте такое не печатают.

Однако день сегодня выдался напряженный! И все из-за Андрея.

Хотя — зря Дэн о нем так. Спина ведь не болит. Чудесно, просто чудесно…

Вечер теплый, будто и не конец сентября. Не все листья еще пожелтели, лужи за последнюю неделю подсохли. Надо будет не забыть выкроить время — искупаться в озере. Последний раз до холодов.

И невесту пора найти… сколько можно одному. Только сегодня после встречи с Ксаной он вспомнил о том, что не выносит одиночества.

…Ксанка сбежала, зараза. Ну и черт с ней. Шеф решит эту проблему. Даже странно, что он не орал, как обычно, и не называл Дениса удодом.

И вроде Андрей на месте. Работает. Так что, может, и зря он, Денис, так переполошился. Завтра будет новый день. Еще один, на пути к триумфу.

Подойдя к двери, Дэн вынул из кармана ключ от домофона.

Но воспользоваться им не успел.

Пущенная в затылок пуля прервала его честолюбивые размышления…

Дэн Щемелинский, один из разработчиков гармониевого портала, создатель Конвертированной версии, ведущий автор Преобразователя сущности, упал на пороге своего дома, так и не дожив до мировой славы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
АРТУР

ГЛАВА 1
Город

— Он колючий? — прошептала Света, осторожно ступая на песок. — Я хочу пройти по нему босиком.

Выскочила из туфель, раскинула руки, растопырила пальцы, как маленькая девочка.

И побежала.

Я невольно поежился: песок походил на мелко нарезанную фольгу. Догнал Свету.

— Мягкий, — прошептала она, наклонилась, зачерпнула, поднесла к глазам. — Снежинки-паутинки.

Сжала ладонь в кулак и засмеялась.

— Хрустят!

— Ты еще ракушки поищи, чтобы к ушам прикладывать! — хмыкнул я.

Она привстала на цыпочки и посмотрела вдаль. Глубоко вздохнула.

— Не вижу раковин никаких, да они редко так просто валяются. А шум и без них слышен… Волны разговаривают и смеются над нами.

Это какая-то другая Светка. Ишь, как разговорилась.

— Бери туфли, пойдем. Кто только что есть хотел?

— И воздух. Ты понимаешь, какой он? Не только соль и йод. Не рыба. Как цветы без запаха…

— Света!

— Свежесть. Вкусная и плотная. Ты ее чувствуешь?

Угу, всеми фибрами. Но что-то мне не до романтики.

И вообще, нечего без толку на берегу торчать.

Я поднял ее туфли и взял Светку за руку.

— Пошли.

Как-то странно она на меня посмотрела. В первый раз такое. Нежно и задумчиво. Будто раньше не видела.

Я тянул ее вперед, а она незаметно прижалась ко мне и обхватила руками за шею.

— Ох-х… Аж мурашки по телу.

— Не сейчас, Света!

— С нами что-то происходит.

— У нас есть дочь.

— Твоя и моя.

— Но о том, как ты нужна мне, я узнал лишь вчера.

— А еще за нами только что гнались.

— Но поцелуй твой и в самом деле похож на что-то вкусное и свежее…

— Подожди!

— Здесь никого нет, — улыбнулась Света.

— А если лыжник наедет? — Я постарался оторваться от нее и потащить за собой.

Вдоль лыжни.

Две борозды, не иначе как от лыж, вели с дюн почти к самой полоске мокрого песка и резко заворачивались, продолжая убегать уже вдоль моря. Вперед, вперед, и снова к дюнам.

Похоже, в мире существуют песочные лыжи. А что? Бывает же, скажем, хоккей на траве.

— Пусть шапочку на глаза надвинет и сделает вид, что ничего не заметил, — фыркнула Света, но с места наконец-то сдвинулась.

Света, отпускающая двусмысленные шуточки, — это уж совсем что-то… подозрительное. Раскрепостилась, надо же. Того и гляди анекдоты начнет рассказывать. Про поручика Ржевского.

Раньше я бы не смог лишний раз сказать ей: «Прекрасно выглядишь». Смутилась бы и кинулась себя оглядывать со всех сторон в поисках недостатков.

— Как ты хороша сегодня, — выпалил я неожиданно для себя.

— Да? Здорово. Ой, смотри, снеговик!

Ни мига задумчивости. Уверенная в себе девушка, которой сейчас не до ерунды.

А снеговик забавный. Из песка. Стоит у самой воды и смотрит на нас. Борода Нептуна, на голове решето, вместо носа шишка. И опирается не на метлу, а на широкую лыжу.

— Песковик, тогда уж, — сказал я. — Песочный человек.

— Нет! Это песчаный принц. Кто-то построил себе песчаного принца, — протянула Света, подгребая ногой песок к нижнему шару и пытаясь немного укрепить его. — Песчаный принц не знает своего прошлого. Он рожден не в море, он создан не на земле. Его развеет по пылинкам шаловливый ветер. Его снесут обратно в пучину ласковые волны. Он сложен из песчинок-паутинок, но сам тяжел и некрасив…

— Натренировалась Катьке сказки рассказывать? — засмеялся я. Грустная судьба песковика меня совсем не взволновала. Светка с тем же успехом могла бы еще раздавленный куличик пожалеть. — По лыжне пойдем. Должна вывести куда-нибудь.

Светка остановилась и помахала песковику рукой.

Ветер ли зазвенел в шляпе-решете, воображение ли у нас разыгралось, но я отчетливо услышал: «Дань-динь-диня!»

— Гармония, — засмеялась Света. — Он говорит нам о гармонии.

Пора было уводить ее с пляжа. Пока окончательно не перегрелась.

* * *

За ближайшими дюнами оказалось еще несколько рядов.

За ними — холмы, заросшие лесом.

Лыжня вывела нас к канатной дороге, она поднималась на единственную гору. Или просто очень высокий холм. Мы дождались уютную застекленную кабинку и запрыгнули внутрь.

Нет кассы — нет оплаты. Я вовсе не «убежденный заяц», но пропускать последнюю электричку из-за отсутствия билетов не стал бы. Ладно, доедем — разберемся.

Света прильнула к стеклянному боку кабины. Я принципиально в окно не смотрел. Думал.

— Вверх поднимаемся, на холм. Моря почти уже и не видно. Только чайки. Смотри, Стас, они прямо над нами.

— Чайки ростом с овчарку?

Белку я еще не успел позабыть.

— Нет, обычные, но словно они в серебряных сапожках. Смешные.

Она отвлеклась от своих наблюдений и снова странно посмотрела на меня.

— Мы, наверное, скоро приедем, — только и успел сказать я, но она покачала головой.

— Интересно как ты мне свои желания приписываешь! Я не об этом подумала. Понимаешь, Стасик, если уже ничего изменить нельзя, нам надо учиться жить дальше.

Дык и я про то же…

Я обнял Свету за плечи.

В этот момент кабина дернулась и остановилась.

Я выглянул: приехали.

Откинув дверцу, мы выбрались наружу.

Город.

Почти на самой верхушке холма, стыдливо прикрытый не совсем сосновым лесом. И убегает вниз, к морю. Гора — все-таки гора, а не холм, противоположным склоном выступает далеко в море, образуя мыс. Или полуостров, я толком не знаю, чем отличается. Благодаря этому выступу образовалась бухта…

Очень красиво.

Да и сам город хорош. Готические одноэтажные домики. На

крышах — флюгера. Узкие мощеные улочки с плотной застройкой. Не сильно и удивительно, особенно после гигантских белок.

А автомобили! Все, как один, открытые и преимущественно узкие. Одноместные. Если и есть пассажирское место — только позади. Забавные тачки… Но здесь другие и не протиснутся.

— Им так удобнее, наверное. В поворот входить легче…

— Да-да, и еще они стройнят! Куда пойдем?

— Вниз, к морю. — Света потянула меня за руку.

Город встречал шумом. Нет, скорее — шелестом шин. Запахом улицы. Но не бензина, нет. Знакомый запах, но никак не разберу, что это.

Постепенно улица расширялась, стали попадаться двухэтажные строения. Видимо, мы шли по направлению к центру города.

Дома были огорожены невысокими заборчиками, каждая ограда — со своим узором. Елочки, трилистники, колечки, завитушки… Стены увивал плющ. И так чисто крутом… Словно в нашем городе десять лет назад.

Но все это больше напоминало какой-нибудь Таллинн. Или Ригу. Открытки с видами.

— Как затейливо окна украшены, смотри, Стасик. — Света с чисто женским любопытством оглядывала окошки. — Шторы у всех разные, с вышивкой или расписные. Неужели сами жительницы такие рукодельницы? Вон занавеска с аистами, трогательная. Или вот эта, с голубыми розами! А за шторкой гномик спрятался. Керамический. А за той кошка! Ай, кошка живая!

Ленивая котяра сладко потянулась и соскочила с подоконника внутрь квартиры.

Светка, от неожиданности прижавшись ко мне, вздохнула.

— Все маленькое-маленькое, уютное, удобное, как…

— Ноутбук? — подсказал я.

— Как пряник, — почти обиженно протянула Светка. — Пряничный домик, помнишь?

Ничего себе — пряник. Если уж на кондитерию переводить, то праздничный торт. Все эти башенки, балкончики, кованые решетки, флюгера.

И штукатуреные стены с картинками.

«Тематические фрески». — Как сказала Света с умным видом.

Сбор урожая, дети в школе, стадо кобылок на водопое, белки в лодке посреди берез, а гребет за них дед в ушанке с бородой…

— Вот тебе и минус, — констатировала Света. — В раскормленных белках. Сами спастись не могут, надеются, как

наши зайцы, на Мазая.

Белки меня немного с толку сбили. Нет, какой же это торт, с мокрыми белками?

Да и кошек на улицах полно.

А людей почти не попалось — пробежали две девушки с корзинками, да мужик интеллигентного вида пер какой-то ящик, обернутый синей бумагой. Посылка, что ли?

А вот еще мадама в шлепанцах, белье снимает. Веревки протянуты прямо поперек переулков.

Нет, не торт это, а пирог с начинкой. Нарядный, но не для праздников, а для повседневности.

— Как бы я хотела тут жить…

Заметно. До того очумела от восхищения, так головой и вертит.

— Колодец, что ли?

Я проследил за ее рукой.

На перекрестке — беседка в виде замка. Вокруг — статуи: лев, единорог и пляшущая девочка под зонтом.

Я заглянул в замок через окно. Посередине — колодец с воротом, цепью и новеньким блестящим ведерком. Полукругом — стол и длинная лавочка. А на оставшейся части — стенд-шкаф на ножках, полки заставлены кружками разного объема. Там же — пакетики с заваркой, сахарница и чайник.

Я зашел внутрь, засвистев «Tea for two». Получилось фальшиво, но Светка поняла.

— Свет, заходи, что стоишь!

Она юркнула внутрь и села рядом со мной.

— Засмотрелась на мозаику. Вокруг беседки узор из плиточек, как будто…

— Лабиринт?

— Да, похоже.

— Я уже такой видел, у некоторых домов.

Я решил заварить чай. Достал две большие прозрачные кружки и все, что нужно.

Чайник какой-то… Не поймешь, как включать его. Главное — куда. Розеток тут явно нет, как и проводов.

Мы со Светой зачерпнули воду ведерком, и я принялся вертеть хитрую посудину, пытаясь открыть крышку. Наконец я обнаружил — задел случайно — незаметную кнопку под ручкой. Крышка выдвинулась в сторону, и я плеснул в чайник воды. Закрывался он так же — кнопкой.

— Как же он работает? — пробормотал я, пытаясь отыскать другую кнопку или тумблер, пока не почувствовал, что чайник в руках нагревается. Я поскорее поставил его на стол. Не прошло и

минуты, как он закипел. Предупреждать надо!

Пакетики и сахар — в чашки, готово. Я — почти волшебник. Могу устроить своей спутнице чаепитие прямо посреди дороги.

Чай оказался очень ароматным — из разнотравья, видимо.

— Надпись смешная какая: «Спутники, угощайтесь». Может, ошибка? «Путники»? Свет, да хватит скакать. Садись, перекусим.

— Не могу. — Она присела на краешек скамейки и схватила горячую чашку, почти не замечая температуры. — Все изумительно красиво, как будто совсем другой мир.

— Свет, а Свет, — я так вкрадчиво попытался спросить, но прозвучало как-то по-издевательски, — а ты до сих пор думаешь, что мы перебежали в новый район города?

Она вытаращилась на меня поверх чашки так, что я успел подумать: «Все-таки обожглась».

— Да ты что, у нас же настоящего моря нет! И набережные не такие. Нет, мир словно и вовсе не наш… Даже на наш измененный не похож…

Это уж точно.

После чая аппетит только раззадорился. Мы отправились дальше, высматривая магазин или кафе.

Люди стали попадаться чаще. Обычные люди вроде бы. С сумками, с колясками, с детьми в «кенгурушках». Только лица у них… Непривычные.

Умиротворенные у них лица.

Кафешка обнаружилась быстро. Небольшая, с красной черепичной крышей и цветочными горшками на окнах.

— Занавески крем-брюле, — произнесла Света.

— Что?

— Да так.

У входа сидел фарфоровый котик. Вроде не пивнушка. Похоже на приличное заведение.

Я завел Свету внутрь. Гардероб, туалетные комнаты, обменник. Грамотно.

Валюта у нас тут как именуется? Талер.

Не самый страшный вариант, я это слово уже слышал.

Всунул голову в окошко:

— Рубли берете?

Надеюсь, прозвучало достаточно непринужденно.

— На что меняем? Магошары, магморуны, змееследы?

— Нам бы поесть, — пискнула Света.

Девушка в окошке выбрала несколько «десяток» и протянула нам два жетона:

— Пожалуйста, проходите, спутники. Три блюда на ваш выбор, хлеб бесплатно.

Недурно. В столовой возле моей работы этого бы хватило на жидкий суп и пакетик сока.

Витая лестница уходила вверх. Уютный зал, круглые столики на двоих. На столе — темно-бордовая скатерть, на стенах — светильники под канделябры.

Подскочил жизнерадостный официант в белой рубашке с пышными рукавами, зеленых шароварах и жилетке. На национальный костюм смахивает. Протянул мне меню в массивной обложке.

Я нацепил очки и уткнулся в список, отыскивая знакомые слова. Грибы, шашлык, жареный и печеный картофель — вполне съедобные названия.

— Полосатый толстосумик? — прочитала Светка, вытянув шею.

— Десерт какой-то. Судя по перечислению в скобках — мороженое с прослойками.

— Простите, — подал голос официант. — Вы не хотели бы сдать ваш раритет на время обеда в сейф? У нас хорошая охранная система.

Раритет? Я не сразу догадался, что речь идет о *моих очках.*

— Нет-нет, спасибо.

Я поспешно сдернул «запасные глаза» с носа и засунул обратно в карман. Раритет, скажите пожалуйста… Не такие уж они и старые. Что у них тут — в электронных ходят? С лазерным прицелом и беспроводным Интернетом?

Официант еще раз почтительно поклонился нам, поставил тарелку и исчез, а Светка закрутилась на стуле, разглядывая остальных посетителей.

— Может, тут вообще очки не носят? — задумчиво изрекла она.

— Все может быть. Смотри: борщ, эскалоп с картофелем и салат из овощей. Пойдет?

Я водил по строчкам чуть не носом.

— Заказывай, — быстро согласилась Света.

ГЛАВА 2
Эссенциалия

После еды мир стал казаться добрее. Мы пошли по улочке дальше, совсем расслабившись. Светка продолжала восторгаться, а я пытался придумать, как теперь жить. На ночлег в местной гостинице денег точно должно хватить, но куда двигаться завтра? Вернуться к морю и поискать обратную дорогу через лес? Или попробовать найти нужный рейс в аэропорту?

Хотя аэропорт, это если мы совсем далеко от дома, может быть, и поездом удастся. Знать бы, насколько мы удалились от родного города…

— Света, давай карту купим?

— Города? А давай. А то тычемся наугад, вдруг что интересное пропустим.

— Нет, со всей страной, а еще лучше с материком, чтобы понять, где мы вообще очутились.

Сам сказал, сам тут же понял, какая ерунда. Не то все вокруг, и не так. Вроде и понятное, и дружелюбное, но неправильное.

— Да, хорошо бы, — ответила Света, разглядывая массивную красную будку с надписью «Пневмопочта», стоящую прямо на тротуаре. Из будки вниз, под кладку, убегало несколько труб различного диаметра.

«Выберите размер посылки», «Вставьте нужное количество монет в прорезь», «Стоимость услуги для первого калибра — 1 талер, второго — 2, третьего — 3», «Спасибо».

— Жалко, что нам не надо ничего посылать, — сказала Света. — А то посмотрели бы, как оно вниз полетит. Что ты там говорил? Карту купить? Тогда киоск какой-нибудь найти надо. А их обычно на более широких улицах ставят. Надо на шум идти, наверное.

Я подумал, что она права. На более многолюдных улицах мы если и не найдем киоск или магазин, то хотя бы наткнемся на что-нибудь, что может дать подсказку.

Со следующего перекрестка свернули направо — туда, откуда громыхало и позвякивало. И не ошиблись: выскочили на оживленный бульвар с аллеей из толстых дубов («Мамочки, сколько же им лет? И стоят, не загнутся», — восхищенный Светин комментарий).

Лоток с мороженым, ремонт обуви, обменник, «лужу-паяю» (а это-то кому в наше время надо?), тележки, на которых ягоды, похожие на изумрудную ежевику, с горкой навалены в плетеных

лукошках и стеклянных банках… Книг не видно нигде, но можно сувенирную лавку поискать. Продуктовые магазины, как и везде, со стеклянными витринами, по которым все сразу становится понятно. Для поиска остальных приходится читать надписи и указатели. «Фотокопия документов», «Семейная фотостудия», «Керамика».

Я посмотрел вверх, на скупую вывеску «Эссенциалия № 65» и вздрогнул.

Света тянула меня за рукав:

— Пойдем, там фонтан очень красивый впереди.

— Подожди. Давай сначала сюда.

Вроде и не изменилось ничего, но стало мне очень тревожно. Андрей говорил правду. Не приснились ему эти заведения и не выдумал он их ради хохмы.

Я приоткрыл тяжелую дверь, втиснулся внутрь и поманил Свету.

Она прошла неохотно, видно было, что ее тянуло вперед к фонтану и прочим уличным диковинкам.

— Это что, поликлиника?

Тихий вестибюль, светло, мягкие кресла, фикусы всякие в кадках. И слабый, смутно знакомый запах.

Светка огляделась и пробормотала:

— Ну точно, — взмах рукой на зарешеченную дверь, — вон гардероб, а там регистратура и справочная, — она ткнула указательным пальцем в сторону изогнутой стойки, где за символическими окошками сидели две увлеченные работой девушки.

На нас ни одна из них не взглянула, хоть мы и торчали посреди пустого зала явно в замешательстве.

По коридору прошли две дамы в белых халатах и смешных треуголках с кисточками.

— Регистратура справок не дает, — сказал я, — справочная звонки не регистрирует.

А что еще было говорить? Я пытался сообразить, как быстренько разведать, что это за заведение такое, но в голове была лишь пара неприличных шуток про медиков да несколько правил «съема» девушек, которыми меня давным-давно грузил один приятель.

Я покосился на Свету: при ней вроде как неудобно спрашивать в регистратуре о планах на вечер, да и пассажи о прекрасных бездонных очах не подойдут.

Я шепотом попросил Светку подождать, мысленно пожелал себя удачи и подошел к стойке.

— Добрый день, я могу записаться на прием?

— Участок, — равнодушно произнесла правая девушка.

— Третий, — ответил я. Кто их знает, может, район маленький, народу немного, лучше поменьше номер выбрать.

— Завтра с утра приходите, — даже головы не подняла.

— Мне срочно надо, — пробормотал я, одновременно сжимая зубы, будто они болели, и хватаясь за голову, которая вот-вот расколется.

Но и гримасы прошли даром, не смотрела она на меня. Строчила и строчила что-то на бумажке, время от времени сверяясь с рукописной таблицей и толстым справочником. Монитор у нее был включен, но, видно, электронные документы — не их метод, бумага важнее.

— Девушка, ну пожалуйста, правда, очень надо… Можно прямо сейчас?

— А что у вас? Семейная драма, стресс, пробки на дорогах, начальник, аврал, увольнение?

Она перечисляла привычно, равнодушно, быстро. Скороговоркой.

Я повернулся к Свете. Что ж такое, почему, кроме зубов, ничего придумать не могу? Надо было все-таки с ней посовещаться, вдвоем придумали бы срочную болезнь.

Света увидела, что я на нее смотрю, жестом попыталась подать мне какой-то знак, но я не разглядел.

— Очки разбил, новые надо, — вырвалось само как-то.

Девица бросила бумажки и наконец-то на меня глянула.

— Очки? — переспросила так, как будто я у нее билет в театр попытался купить.

— Да, а без рецепта не продают.

Кажется, не угадал. Теперь и девочка из справочного окошка все отложила и заинтересовалась мной.

— Но зачем? — почти хором выдохнули.

Я приосанился и втянул живот. Внимание симпатичных девушек всегда приятно.

— Привычка. Некоторые кальян любят курить, некоторые всем зубным пастам порошок предпочитают. Я ношу очки. С детства. Чтобы выделиться. И мне нужны новые…

— Я поняла, — кивнула та, что из регистратуры. — Подождите на банкетке, пожалуйста, попробую вам помочь.

Слово «банкетка» напомнило что-то родное, из детства, про школу, про диспансеризацию… Нет, мы явно недалеко от дома. Талеры, цветной песок и узкие машины — прихоть сумасшедшего мэра, желающего построить рай если и не на всей земле, то хотя бы в отдельно взятом городке.

Тревога куда-то рассосалась. Я сел на обитую дерматином

лавку и позвал Свету.

— Стас, а я поняла, чем пахнет. Чайным деревом. И не ароматизатор или духи, а словно им пол протирали. А может быть, и в самом деле с ним пол помыли, оно тоже дезинфицирует, слабее хлорки, зато приятное.

Точно, запах и я теперь опознал. Миленько у них тут.

Я хотел прикрыть глаза, дать им отдохнуть, а самому немного подумать в это время, но тут до меня донеслись слова из регистратуры.

— …Да, очень запущенный. Детские комплексы, скорее всего усугубленные приемом алкоголя. Речь несвязная, бредовая, логические цепочки нарушенные… Примете? Пока здесь, я не могу его в таком состоянии выпустить на улицу… Увидите — поймете.

— Нет, он все осознает, раз сам пришел и просит помощи.

Упс. Никак обо мне?

— Ох, я боюсь его отпускать, вдруг выйдет на улицу. Посидите еще минутку, — это уже в мою сторону, — сейчас специалист к вам спустится.

— Эссенциалист? — тихо спросил я.

— Да, второй категории, — успокаивающе сказала девушка. Теперь она выглядела милой, мягкой и домашней. Еще немного — и предложит чай-кофе-конфетки.

Задержит, заманит, а там и до костра недалеко.

— Знаете, а у меня все прошло, уже ничего не надо. — Я встал и начал перемещаться к выходу, бочком, бочком, потихоньку…

Света зевнула и тоже поднялась.

— Подождите! Эссенс уже идет! Не уходите!

— Хорошо, хорошо… Я только покурю у подъезда.

— Лада, жми на кнопку тревоги! — услышал я вслед и выскочил на улицу, таща за собой Свету.

От ювелирной лавки в нашу сторону быстро направлялся крепкий мужик в черной форме и блестящем шлеме. К уху он прижимал телефонную трубку:

— Я уже вижу их, спасибо. Документы ваши, пожалуйста.

— Бежим, — я постарался сказать это Свете отчетливо и убедительно, но она не успела отреагировать.

— Бесполезно, молодой человек, — хмыкнул полицейский.

Я все-таки попытался побежать, уверенный, что в местных переулках оторвусь быстро.

Но в глазах внезапно вспыхнули желтые звезды, а затем их быстро поглотило черное небо.

ГЛАВА 3
В участке

Очнулся я уже в машине. Полицейский автомобиль был по здешним меркам огромным — аж четырехместным. И чистеньким. А между передними сиденьями и задними, как водится, решетка.

Мент (или коп?) сидел за рулем.

— Стасик! Господи, я испугалась. Больно?

— Не-а.

Действительно, я чувствовал себя абсолютно нормально. Не знаю уж, чем он меня вырубил, но последствий — никаких.

— Он документы спросил, — зашептала Светка. — А у меня с собой ничего нет. Он сказал — в участок, до выяснения.

— А мой паспорт смотрел?

Я достал из кармана документ с новеньким штампом регистрации. В понедельник забрал его из ДЕЗа, отпускные получал.

— Нет, он сказал «у нас это не принято». Очнешься — и сам покажешь.

— А! У них принято сразу по башке! Понятно.

Милые люди…

Между тем машина остановилась, полицейский выскочил и открыл нам дверцу.

— Выходите. Двор закрыт, не убежите. Советую сопротивления не оказывать, это глупо, честное слово.

И в самом деле — не очень разумно я поступил. Ну да чего уж теперь…

Он пропустил нас вперед, в узкую дверь двухэтажного здания.

Молодой парнишка в такой же черной форме при виде нас чуть не наполовину высунулся из-за перегородки.

— Эй, друг! Ты где такие штаны отхватил?

— На рынке!

Ну, джинсы-то им чем не угодили? Не драные еще. Почти.

— На рынке? У нас в Айсбурге?

Айсбург! Вот как город называется.

— У нас в Зелике.

— Это где такой?

Он почесал затылок.

— Янсен! Засунься обратно и следи за монитором! — рявкнул наш полицейский.

— Слушаюсь, капитан! — заорал парнишка. Потом зачем-то

подмигнул мне.

Нас провели в кабинет, указали на стулья. Капитан уселся за стол и только тогда *попросил* у меня документы.

Я с готовностью предъявил паспорт.

Он изучал очень внимательно. И фотографию, и все записи. Кстати, никаких штампов о браке, разводе и ребенке там не было, я сразу же посмотрел. Видимо, мы жили, не регистрируясь.

Как ни старался полицейский сохранять зверски невозмутимую мину, эмоции заиграли на его лице так бурно, что мне стало его жалко. Недоумение, потерянность, полная прострация.

— Вы, значит, неместные? — осторожно спросил он.

— Да. Мы здесь случайно оказались и хотели бы вернуться домой. Очень надеемся на вашу помощь.

— Зачем же вы бежали? — с подозрением спросил капитан.

— Да сдуру.

Как-то не очень я милицию нашу люблю. И не нашу, видимо, тоже.

— А больше у вас никаких документов нет? — спросил вдруг коп.

Я пошарил в кармане.

— Пропуск вот.

— «Системный администратор», — с облегчением прочитал полицейский. Видимо, это он знал, — с компьютерами работаете?

— Да. — Как можно дружелюбнее ответил я.

— А чем ваша организация занимается?

— Аудитом.

Написано же!

— Ах… ну да. А вы?

Он перевел внимательный взгляд на Свету.

— А я — фармацевт.

— Это что? — нахмурился коп.

— Это лекарства. Таблетки, травки…

Черт! Ну она и выразилась. Сейчас нас наркодельцами сочтут.

Но капитан вообще не понял.

— Так, ладно, — произнес он. — Сдайте все личные вещи и проходите на дезинфекцию. А там посмотрим.

Я выложил все, что было в карманах. Ключи, деньги, мелкие исписанные листочки (да, да, не ношу я записных книжек, вот такой я обормот), жевательную резинку и очки, конечно же. Света отдала свою сумочку. Капитан провел нас в небольшую комнату, внутри которой кругом располагалось несколько кабин, похожих на душевые. Только непрозрачные. К каждой кабинке был пристроен еще плоский шкафчик. Он открыл дверцы двух кабин.

— Заходите внутрь, полностью раздевайтесь, одежду вешайте в шкаф. Дверцу шкафа плотно закроете, там высокая температура. Полотенце над головой, на полке. Как закончится процедура — откроете шкаф, оденетесь.

Ох ты, елкала-палкала, блин…

Мы со Светой залезли каждый в свою кабину. Внутри было светло. Я закупорился, разоблачился, повесил шмотки в шкаф и, как учили, плотно закрыл его дверцу.

И тут началось!

Со всех сторон хлынули струи, довольно интенсивные. Не только сверху и с боков, но и снизу! И уж эвкалиптом от них воняло! Или этим их чайным деревом, не разберешь. Слава богу, не кипяток пустили.

Только подумал — температура воды стала повышаться. Но до терпимой, к счастью. А потом градус пошел на убыль, и вот уже меня поливало почти ледяным. Но потом снова потеплело.

Да! Тут вам не только дезкамера, тут и массаж, и контрастный душ… И душ Шарко. Вроде так называется у психиатров.

Наконец развлекуха закончилась. Я задрал голову и действительно увидел над собой полочку с голубым махровым полотенцем. Вытерся, сунул его обратно, открыл шкаф.

Одежда была сухой и чистой. Даже носки!

Но эвкалиптовый запах источала и она.

Если так дальше пойдет, я его возненавижу.

Потом я открыл дверцу и вышел. Через минуту появилась Света. По-моему, она была в ужасе. А может — на публику старалась.

Вернулся полицейский и проводил нас обратно в кабинет. Там тоже явно провели дезинфекцию…

— Что-то я в Лабе ваш город не нашел, — озабоченно сказал коп.

— Где?

— В Вэбе.

— В Нете, что ли?! — осенило меня. Вот болван! А еще админ!

— Не слышал такого сокращения. Ну да, в нем.

— Да как же! Наберите в поисковиках.

Полицейский защелкал по клаве.

— Файнд не знает. Инфомир — тоже.

— А Яндекс? — машинально спросил я. «Инфомир»?!

— Как ты сказал? Яндекс? Это новый, что ли?

— Да нет, какой там новый. Старее некуда… Можно я попробую?

— Попробуй, — неохотно отозвался коп, развернув ко мне ноут. Я прочитал название производителя: «Восход». Что за «Восход»?! Мы научились делать компьютеры?

Или — вовсе не мы?

Только я хотел набрать адрес в поисковой строке, как заметил еще одну интересную вещь. На клавишах буквы располагались не в два ряда, а в четыре. Вернее, в четырех углах. Слева — русский-латинский, в правом верхнем углу — тоже вроде латинский, но готическим шрифтом, а в нижнем — какие-то витиеватые вензеля, совершенно непонятные. И две кнопки дополнительные: право-лево. И вообще все надписи — на русском. Никакого «delete», никакого «enter». «Удалить» и «войти». Патриотизм?

— А что это за буквы? — полюбопытствовал я, тыча пальцем в вензеля.

— Шутить изволите? — нахмурился капитан.

— Нет, серьезно спрашиваю. Никогда не видел, правда.

— Руны. — Недоуменно пожал плечами полицейский. — Как на любой клавиатуре.

Я не нашел что сказать. Зато полицейский, кажется, наконец что-то понял.

— Как называется страна, где ты родился? — спросил он, морща лоб.

— Россия.

Он произнес что-то нечленораздельное, но очень эмоциональное.

— Так. Ясно. Хватит на сегодня. Пошли к месту заключения.

— Так за что нас в заключение?

— Сдается мне, вами не мое ведомство заниматься должно. Но сейчас уже поздно, спать пора. А завтра с утра они прибудут — вот и поговорите.

Спорить было бесполезно. Он вызвал паренька, который интересовался джинсами, и тот увел Свету. А потом провел меня по лестнице наверх, по коридору и остановился перед дверью с маленьким зарешеченным окошком. Отпер замок и, проводив меня за дверь, пожелал спокойной ночи. А затем удалился.

* * *

Я зажег настенный светильник — обычную тусклую лампочку под круглым плафоном, типа ночника в больничной палате. Комната (камерой я бы это не назвал) со светло-голубыми стенами и напоминала палату: железная кровать, тумбочка,

раковина… Даже унитаз имелся за деревянной перегородкой. Ничего ужасного, в общем.

Высокое узкое окно, забранное тремя вертикальными прутьями, выходило прямо на море. Это мы, значит, к самой бухте спустились. Уже стемнело, небо казалось бирюзовым. То там, то здесь еле-еле мерцали какие-то светила. Звезды, наверное.

Помнится, в подростковом возрасте довелось мне с родителями побывать на Черном море. Так вот там небо было совершенно темным, а звезды казались размером с кулак и висели низко. А главное, сразу было ясно: небо не наше. Другое там небо. Вот и здесь появилось такое же ощущение.

Слева над морем перечеркнутые линией огней чернели силуэты домов, таких же прибалтийско-готических, мимо которых мы сегодня проходили.

«Ты ведь был в Прибалтике»? «Был»… — отчего-то вспомнил я.

Сам я как раз там не был, но это ни хрена не Балтия, и так ясно.

Я уселся на широкий подоконник, подтянув колени к подбородку. Как там Света, интересно? Надеюсь, ей не страшно…

Однако хорошо я отпуск провожу. В тюрьме, зато на берегу экзотического моря. Сколько же нас здесь продержат? До выяснения личности, ха-ха-ха. Может, пора начинать делать зарубки на стенах? Какое сегодня число?

Никак не вспоминалось. Я напряг память. Отпуск мой начался с двадцать третьего, а это понедельник. Ах нет, это же вторник. Босс слезно просил в понедельник еще поработать, поскольку как раз взяли этого коммерческого директора. Во вторник утром я был у папы с мамой. В среду двадцать четвертого днем я вернулся и пришел к Свете. А сегодня, значит, четверг, двадцать пятое, завтра — пятница, двадцать шестое сентября… Екарный мазай! Да у меня ж завтра день рождения!

Я истерически рассмеялся. Вот так подарочек!

И что делать-то? Совершенно не знаю.

Невольный вздох вырвался из моей груди.

Я просидел так не меньше получаса. Поспать бы надо, неизвестно, что ждет нас завтра.

Но спать я совершенно не мог.

Я сегодня видел эссенциалию. Может, завтра я увижу костры Трибунала? И никто не узнает, где могилка моя. Наша со Светой..

Промаявшись еще некоторое время, на этой «оптимистической» ноте я все-таки заснул, прямо в своей скрюченной позе.

* * *

Будили достаточно вежливо, но настойчиво. Я еле продрал глаза: вчерашний полицейский. Только заспанный. Темно еще, горит ночник.

— Что, уже утро?

Я еле разогнулся, спуская ноги с подоконника. Шея с трудом поворачивалась, ноги затекли. Поспал, блин.

— Пять тридцать семь. — Коп посмотрел на часы. — Приводите себя в порядок и поднимайтесь в караулку, за вами приехали. Дверь я не запру.

Своеобразные порядки у них. Хотя куда я тут денусь.

— А Света?..

— Ваша девушка уже там.

Интересно, кто это по нашу душу…

Я умылся и… ну, все остальное. Пасты вот только не было, а мою несчастную жвачку отобрали.

Когда я поднялся в караулку, Света действительно уже сидела на стуле, сжавшись в комочек и сложив кулачки на коленках. А за столом развалился добродушного вида белобрысый здоровяк в какой-то черной хламиде. Лет тридцати пяти — сорока.

Никак — местный фээсбэшник.

Полицейского не было видно.

— Онищук Петер, Государственный Трибунал, — представился он.

Оба-на! Картина «Не ждали»…

— Латушкин Станислав, аудиторская фирма, — буркнул я.

Поздравляю, дорогой Стас! Ты успел прожить славных двадцать семь лет.

— Садитесь, садитесь, — весьма дружелюбно кивнул Онищук, заполняя какую-то бумажку. Я плюхнулся рядом со Светкой. Она прильнула к моему уху и прошептала:

— Стасик, с днем рождения! Желаю тебе всего-всего хорошего.

А приятно… Помнит, надо же!

— Спасибо, — фыркнул я.

— Так, ребята. — Онищук закончил писать и уставился на нас зеленющими глазами. — Нарушаем, значит?

— Э… что нарушаем? — вежливо поинтересовался я.

— Границы, границы нарушаем. И мировое соглашение. Как вы сюда попали? Ну, не сюда, ясное дело, — он хохотнул, обводя жестом помещение, — а в Лабиринт?

— В какой лабиринт? — не понял я.

— Не хотим, значит, говорить, да? Ладно, поехали в замок, Главный дознаватель с вами разберется, — многозначительно протянул государственный трибунальщик, наблюдая за произведенным эффектом. Видимо, он его углядел-таки на моей физиономии, эффект этот, потому что довольно ухмыльнулся. А у меня при слове «замок», если честно, душа в пятки метнулась.

— Почему вы нас считаете преступниками?

Спокойный голос у меня еще получается, но вот соображать спокойно… Не очень.

— Совсем нет. Пока вы — не идентифицированные личности. Преступники у нас содержатся в других условиях.

— В клетке и в кандалах? — брякнул я. Ну почему всегда некстати вспоминается сказанное Андреем?

— Именно так, — серьезно ответил Онищук. — А вы в курсе, я смотрю? Так откуда вы?

Звездец. Полный звездец.

Я назвал город, страну, планету… Чего ему еще надо?

Онищук почесал за ухом.

— «Бензиновый рай», что ли?

— В смысле?

Фига себе — рай! Бензин дорогущий.

— Ну, нефти у вас много, вы даже в транспорт ее льете? Продукты перегонки.

— А, да. Это есть.

— Ясно. Поехали.

Он поднялся.

Вернулся полицейский с нашими вещами. Отдали все, даже пачку моих исписанных листков. Жвачку я поскорее сунул в рот.

ГЛАВА 4
Трибунал

Мы вышли из здания в сопровождении полицейского и Онищука. Сразу за углом находилась небольшая пристань, там сели в моторку. Петер устроился на носу, лицом к нам. Впрочем, на нас он особо не пялился, больше поглядывал через плечо. Полицейский примостился на корме и запустил двигатель. Впереди маячил остров. Солнце как раз вставало, медленно выплывая над линией горизонта. Большое такое, красно-оранжевое. И небо над ним похоже на розовые лоскуты порванного одеяла. Красиво, очень красиво. Жаль, что не могу насладиться в полной мере.

Я обнял Свету, начинавшую дрожать. Не то холод, не то мандраж ее трясет.

— Ну что, теплокровная моя, замерзла?

Она жалобно пискнула.

Надо же. Опять мы в лодке. Но все совсем иначе…

Остров все приближался, на нем уже ясно угадывался замок.

Добротный такой каменный замок с круглыми башнями под остроконечными красными крышами, похожими на шляпы. В стенах — узкие окошки. Людей не видать…

Я рефлекторно прижал к себе Светку. Она не издала ни звука, только с грустью смотрела на этого молчаливого каменного урода.

На самом деле замок тоже был очень красив. Просто настроение мое портилось с каждой минутой.

— Ребята, да не бойтесь вы, — подал голос Онищук. — Мы же не звери. Четко расскажите: кто вы, что вы, как и зачем к нам попали. И все будет нормально.

— Да если б я знал! — отозвался я.

Неприязни к нему у меня не было — ну он-то не виноват, в самом деле, что мир слетел с катушек…

— Н-да… — Онищук неодобрительно покосился на меня. — Лучше бы знать. Поверь.

Вот и берег наконец.

Как только трибунальщик и мы со Светкой вышли, полицейский погнал лодку обратно. На прощание он махнул Онищуку рукой, а нам сочувственно кивнул. Кажется, я уже сам себе начинал сочувствовать. Петер направился к ближайшей двери в стене, потянул за ручку и пропустил нас вперед, в полумрак. Шли долго, петляя сырыми коридорами. На стенах

горели факелы, но света давали немного, как и тепла. Светка уже стучала зубами. Наконец проход впереди расширился, мы оказались в небольшом зале, где какая-то добрая душа догадалась растопить камин. Еще там высился огромный дубовый стол, по стенам висели гобелены, изображающие рыцарей в доспехах.

— Садитесь пока, грейтесь, — Онищук кивнул на широкую скамью перед камином.

Мы не заставили себя ждать, с наслаждением протягивая задубевшие пальцы к огню.

Трибунальщик уселся за стол и снова принялся что-то писать, на этот раз — настоящим пером, вынутым из чернильницы.

Вошел еще какой-то тип, одетый в такую же хламиду: маленький, чернявый, злой. И сразу — шмыг к столу. Остановился и молчит. Крыса.

— У нас кто-то из эссенциалистов дежурит? — спросил у него Онищук.

Услышав знакомое слово, я навострил уши.

— Марта.

— Прекрасно. Проводи, пусть сущность обоих опишет, потом сюда опять. Главному дознавателю доложили?

— Да, обещал приехать.

— А Первому?

— А надо? — с опаской спросил Крыса.

— Я бы не стал пока, — доверительно сообщил Онищук, — подождем.

Чернявый трибунальщик отвел нас со Светкой в какую-то келью. Там перед аппаратом, очень напоминающим УЗИ, у которого оторвали датчики, сидела такая рыжая мымра…

Впрочем, при ближайшем рассмотрении она оказалась вполне сносной. Попросила меня расстегнуть рубашку и лечь на топчан. Меня вообще поразило сочетание каменных стен и деревянных топчанов с современной аппаратурой.

Вроде никаких орудий пыток поблизости не было, поэтому я послушался. Она соединила руки ладонями вместе, потом одну положила мне на живот, а другую — на панель прибора. Затем в такой же последовательности, как Андрей, только он двумя руками делал, прикоснулась к моему лбу, шее, груди, снова животу…

Светка топталась рядом, с интересом поглядывая на экран. Что она там видит?

— Одевайтесь. Теперь вы, — кивнула Свете рыжая.

Я быстро поднялся, успев вскользь увидеть картинку на мониторе.

Паутина разноцветная, епть…

Еще я успел заметить, как рыжая воткнула в порт сбоку на панели малюсенькую флэшечку. Потом меня выгнали ждать снаружи.

Я терялся в догадках. Эссенциалисты с паутинами! Как раз та ересь, про которую плел Андрей! Он отсюда, точно отсюда! Спросить про него? Но как?

Чернявый снова привел нас в зал и передал Онищуку какие-то распечатки. Видимо, фотки наших паутин вместе со словесным описанием. Тот глянул вскользь, пробормотав:

— Ну да, мир не наш.

И отложил в сторону, кивнув нам на скамью.

— Кислородный коктейль нам сообрази, — бросил он чернявому. — По большому стакану.

— И им тоже? — зыркнул на нас Крыса.

— А что они — не люди, что ли? — примирительно сказал Онищук. — Пока можно.

Чернявый удалился.

— Вот что, ребятки. Пока мы с вами общаемся в такой полуофициальной обстановке. Но сейчас приедет главный и начнется официальный допрос. Никаких пыток мы на допросах не применяем, это вранье, если вам говорили. Но я настоятельно советую Главного дознавателя не злить. Он человек не такой мягкий, как я. Кроме того — у него траур, переживает он очень. Поэтому лучшее, что вы можете сделать, — честно и толково все ему рассказать.

Я почувствовал, что сам начинаю злиться. «Честно и толково», бля!

— Дело в том…

— …Петер, — подсказал трибунальщик. — У нас принято обращаться по имени и на «вы». К дознавателю — тоже. Но только если он сам представится.

— Дело в том, Петер, что я ничего не скрываю. Есть необъяснимые для меня вещи, о которых я до недавнего времени вообще понятия не имел. В частности, о том, что кроме нашего мира есть еще, оказывается, другие миры!

Трибунальщик помолчал.

— А вы что скажете? — наконец обратился он к Свете.

— Я — то же самое, — смущенно улыбнулась она.

— А когда же вы узнали о других мирах? После моих слов?

— В общем — да. Правда, я стал подозревать что-то такое, когда с нашим городом начали твориться абсурдные вещи… Не сразу, правда.

— Какие вещи? — заинтересовался Петер. В этот момент появился чернявый с небольшим круглым подносом. На нем

высились три литровых металлических стакана.

— Прервемся на минуту. Вы пока вспоминайте.

Чернявый обнес всех этим коктейлем и удалился.

Штука на вкус была очень даже ничего, приятная. Как молоко с лимоном. Только не скисшее. Светке тоже понравилось.

Пустые стаканы надо было поставить в небольшой деревянный ящичек сбоку у стола. Крыса потом унес их вместе с ящиком.

— Так что там у вас происходило?

Онищук в нетерпении глянул на часы.

Я стал рассказывать про дом, про метро, про газ…

Про Катьку я, встретившись взглядом со Светой, пока умолчал. Если меня сочтут сумасшедшим, на фиг вмешивать ребенка. А если поверят, расскажу позже.

— Слушай, ну ты ври да не завирайся! — возмущенно прервал меня Онищук.

— Нет, отчего же, — раздался голос.

Оказалось, что в зал вошел еще один трибунальщик, мы даже не заметили, как он стал у двери, внимательно слушая мой рассказ. Он был в такой же «форме», но с белыми полосками у ворота, что делало его слегка похожим на католического священника. Петер вскочил. Я тоже на всякий случай оторвал зад от скамейки. Просили же — не злить…

Главный дознаватель — видимо, это был он — не спеша подошел к столу и развернулся к нам со Светой. Высокий, худой-худой, но чувствуется, что не хилый нисколько. Возможно, чуть постарше меня. Лицо бледное, волосы черные, а глаза! Как будто он что-то страшное увидел и никак забыть не может. Вот попали мы…

Трибунальщик быстро просмотрел поданные Петером распечатки и все, что тот успел за нами записать. Потом коротко взглянул на меня и, отдав подчиненному вполголоса какое-то распоряжение, так же медленно вышел из зала. Только тогда мы сели.

— На допрос пойдете по одному, сначала вы, потом девушка. С Главным не спорить, отвечать вразумительно. Во время допроса сидеть не принято. Все ясно?

— Ясно, — вздохнул я.

Чернявый привел меня в маленький кабинетик, вполне себе современный, даже с ноутом на столе. Дознаватель как раз работал за этим ноутом, почему-то синего цвета. Печатал он очень медленно. При нашем появлении сразу отодвинул комп в сторону, потом отослал чернявого.

Я неловко встал возле стола. Дознаватель поднялся, не

спуская с меня глаз.

— Моя фамилия Пелганен, — начал он слегка скрипучим голосом, будто через силу. — Я представитель Трибунала государства Лабиринт.

Я не знал, что отвечать. Мои данные лежат перед ним.

Он ничего больше не сказал и не спросил. Вышел из-за стола и направился к большому плоскому экрану на стене. Я не заметил его сначала — почти сливается с фоном.

Главный что-то нажал на этом экране, и он засветился.

— Покажите ваш мир.

Появилось изображение. Экран заполнился снимками разных мест, в основном — незнакомых. Замки, фонтан, мосты, пристань… Но на одной фотографии я узнал наш город. Как ни странно, третья больница и поликлиника рядом с ней.

— Ну, вот…

— Место, где вы попали в наш мир, находится поблизости от этих объектов?

— Н-нет, довольно далеко.

На его лице ничего не отразилось. Он вообще напоминал каменную статую, если бы не глаза…

— Сейчас я покажу вам еще несколько сканографий вашего мира. Постарайтесь выбрать место, максимально приближенное к тому, где произошел переход.

Изображения исчезли, на их месте появились новые, всего 6 штук. И только нашего города. Среди них был и Институт микроэлектроники.

— Здесь. Справа от Института — лес, там мы и бежали.

Контора, где работал Андрей, находилась как раз через дорогу, на фотках ее не было, как и озера.

Дознаватель опять не проявил никаких эмоций. Он вернулся к столу и нажал кнопку — по-видимому, внутренней связи.

— Петер, как только появится Дэн — немедленно ко мне.

В ответ что-то пробурчали.

Дознаватель на секунду задумался, затем направился к небольшой застекленной дверце, ведущей на балкон. Меня он поманил за собой.

Балкончик оказался довольно узким, с подозрительно низкими перилами. Ветер, гуляющий над морем, был весьма ощутим.

Мне заграждение едва доходило до пояса, а для трибунальщика, который был гораздо выше меня, казалось вообще смешным. Он плотно претворил дверь. Кто кого спихнет, что ли?

— Прежде чем я начну допрос как Главный дознаватель, —

заговорил главный, словно с трудом подбирая слова, — я должен сказать вам кое-что от себя лично.

Ветер заглушал слова, ему приходилось почти кричать.

— Трибунал ничего против вас не имеет. Но ваша жизнь сейчас висит на волоске. Потому что за несанкционированное проникновение в Лабиринт с целью злого умысла по нашим законам полагается физическое уничтожение.

Я вжался в стену. Вот сейчас все и закончится, как я сразу не догадался.

— А если не со злым? И вообще случайно? — просипел я.

— Случайностей в жизни не бывает. Но я хочу разобраться.

Ветер неожиданно стих. Трибунальщик слегка понизил голос.

— Кроме вас и вашей подруги кто-нибудь из окружающих замечал изменения, происходящие в вашем городе?

— Нет, их никто не ви… Вернее, как раз все видят, но не удивляются. Как будто так и было.

— Это в порядке вещей.

— Да?!

— Да. Такое иногда бывает. При сближении миров. Два мира подходят очень близко друг к другу, происходят изменения ландшафта, иногда изменение построек. А люди словно находят оправдание этому. Поэтому и не замечают.

— Ничего себе! Что, и даже новые люди появляются?

— В каком смысле?

Я рассказал про Катю и про то, откуда я узнал, что она моя дочь. Он слушал очень внимательно и мрачнел на глазах.

— Это тоже в порядке вещей?

— Нет. Это очень серьезно.

Мы вернулись в кабинет, трибунальщик снова поинтересовался по внутренней связи, не вернулся ли Дэн. Видимо, ответили, что еще нет.

— Телефон не отвечает? Это уже безобразие. Как появится — немедленно сюда.

Он сел и разрешил сесть мне.

— Когда человек стоит, ухудшается кровоснабжение мозга, — пояснил он. — Давайте начнем.

Он протянул мне голубую бумагу и перо.

— Подпишите, что обязуетесь ничего не скрывать от представителей Трибунала Лабиринта.

Я уже потянулся расписываться, но увидел в нижнем правом углу паутину. Такую же, как на дипломе Андрея.

— Что-то не так? — холодно спросил дознаватель.

— Паутина.

— И что?

— Я уже видел такую. И бланк видел такой же голубой.

— Где и когда?

В этот момент вошел Петер. Он был какой-то испуганный. Или расстроенный?

— Артур… я тут документы Дэна поднял, дожидаясь. Паутину глянул, а здесь — вон что… Смотри…

Артур, Артур, Артур… Да ведь так звали трибунальщика, про которого Андрей рассказывал.

Дознаватель недовольно взглянул на Онищука, потом взял у него документ.

Посмотрел и из белого стал серым.

— Позвоните Эдуарду, немедленно. И Первого попросите приехать.

Петер убежал.

Артур закрыл глаза рукой и несколько секунд так просидел. Потом очнулся.

— Извините меня. Погиб наш сотрудник…

— Мои соболезнования… У вас очень… тяжелая работа.

Я сказал это совершенно искренне.

— Вы правы. К сожалению, в связи с последним событием… я не смогу сегодня с вами долго разговаривать. Искренне сожалею, но эту ночь вы проведете в камере. Приедет начальник, а он очень… принципиальный.

Сожалеет он! Видали? Зар-раза!

— У нас есть минут пятнадцать. Так где вы видели паутину?

Торопишься, да? Ну, держись, сейчас я тебе устрою!

— На дипломе эссенциалиста. Он мне еще рассказывал про свою девушку, которую сожгли.

Может, зря я ему так, в лоб. Но достал он меня своими угрозами!

— Про какую девушку? — почти прошептал трибунальщик.

Сказать, что он изумился, — значит ничего не сказать. Он обалдел.

— Кажется, ее звали Рита.

— А он…

Главный вскочил и отпер металлический шкаф. Он достал оттуда папку с фотографиями. Одну из них сунул мне под нос.

— Это он?!

Парень был похож на Андрея. Такой же голубоглазый, светловолосый, с честным взглядом.

— Нет, точно не он. Но что-то есть…

— А что он еще рассказывал? — почти взмолился дознаватель.

Я выложил ему все, кроме истории с профайлом. Ну не смогу

я этого объяснить! В это время снова появился Онищук, да так и застыл с раскрытым ртом.

— Я же говорю, он жив! — воскликнул Главный, обращаясь к Онищуку.

Петер подлетел ко мне.

— Как зовут эссенциалиста?

— Ну, сказал, что его зовут Андрей. Но у него, по-моему, раздвоение личности. Он вообще считает, что в нашем городе родился.

— Да у него же просто… Да, точно это он, Сергиенко!

* * *

Меня все-таки отправили в камеру. По дороге я успел перемигнуться со Светкой: держись, мол. А она ничего, не плачет.

Перед тем как выдворить меня, Артур и Онищук все задавали вопросы, записывали, заносили в компьютер. Оба были взвинчены до предела, особенно Главный.

То, что Андрей — это их пропавший эссенциалист Всеволод Сергиенко, я понял. Но что будет с нами — никто мне так и не сказал.

Каморка, куда меня впихнули, была довольно тесной и темной. Я пнул с досады деревянный стол, опрокинув кувшин с водой, потом бросился лицом вниз на деревянный топчан. Надоело все! Впервые в жизни я узнал, что мир, оказывается, огромен! Вернее, что миров много! Впервые почувствовал желание узнать эти миры, идти по ним, искать…

И вот, лежу к камере.

Впрочем, обед принесли вполне приличный. Ароматный зеленый суп, жареное мясо и — подумать только — яблочный сок. Свежевыжатый. Наверное, это тоже улучшает работу мозга…

Должно быть, из собственных пайков «ссудили». Вроде Андрей (или как его там) говорил, что узников на хлебе и воде держат.

О том, что в это время творилось в замке, я узнал несколько позже. А происходило вот что.

Приехал Первый судья, он же Макс Циферблат. Приехал отец погибшего админа Дэна Щемелинского Эдуард. Примчался Высокий магистр. И даже пригласили директора Института ПФиПЛ. Им рассказали про нас со Светкой и про все последние новости.

Такое количество происшествий в единицу времени для Трибунала было подобно цунами или землетрясению в десять

баллов.

Первый судья — впрочем, обычно его называли просто Первый — предлагал чуть ли не подвергнуть нас пыткам и вытрясти всю до капли информацию. Он был уверен, что гибель Дэна и наше появление здесь — звенья одной цепи. Магистр называл Первого душегубом, просил вернуть ему «его дорогого мальчика» — Андрея ака Севу Сергиенко — лучшего эссенциалиста выпуска. Директор Института, к которому все обратились с вопросами по поводу Дэна (его тела никто не видел, о гибели узнали из паутины, не знаю уж, как они это делают), заявил, что Дэн год как уволился из ИПФиПЛ и что вся эта история вообще нереальна. Артур Пелганен пытался призвать всех к порядку и примирить. И только Эдуард Щемелинский, про которого после высказанных соболезнований все забыли, молча слушал. А потом попросил директора принести материалы всех научных трудов его сына, даже не опубликованных. Сам он тоже привез кое-что.

Это был единственный дельный совет.

И когда взломали пароли и извлекли все разработки портальщика, еще студенческие, а потом — более поздние, впервые в стенах Трибунала прозвучал термин, существование которого официальная портология пыталась отрицать.

«Конвертированная версия».

— Что такое «конвертированная версия»? Я не понял, — раздражался Первый.

— Говоря простым языком — это когда сущность одного человека помещается в тело другого, — попытался объяснить директор института, сам достаточно обескураженный.

— Вы с ума сошли! Вы понимаете, что говорите?! — закричал Циферблат.

— А вы и дальше собираетесь закрывать глаза на действительность? — встрял магистр, который был и без того зол на Первого.

— Я предлагаю разрешить нашим программистам вскрыть файлы портирования. Информация, отправленная на приемник, там должна быть! — заключил директор института.

Поскольку его поддержали все, Первому пришлось уступить.

Два испуганных мальчика (не каждый день вызывают в Трибунал) долго возились с паролями, но в конце концов данные извлекли.

Дэн не стал их уничтожать — может, не успел, а может, и жалко ему было своих трудов.

В файле под аббревиатурой КВ (Конвертированная версия) от 19 сентября как раз и содержались данные сущности Севы

Сергиенко, фотография некоего Александра, жителя г. Вильнюса, фамилия которого не указывалась, вымышленные мной данные из профайла со ссылкой на автора, но главное — моя собственная фотка. И инфа о моем детстве, слитая с этого снимка при помощи гармониевой флешки.

Факты, свидетельствующие о моей причастности к этому делу. Точнее, о моем злом умысле.

Как ни старался Артур, почему-то сразу поверивший в мою невиновность, переубедить Первого, тот стоял, как скала. Остальные подавленно отмалчивались. Эдуард заикнулся было, что «это еще ничего не доказывает», но Макс в порыве благородного негодования цыкнул на него: «Отец ты или нет?!» И уже через пять часов после нашего с Артуром разговора меня заковали в цепи.

А потом привели пред светлые очи Первого.

ГЛАВА 5
Допрос

Онищук и Крыса вошли ко мне в камеру вдвоем. Петер нес две пары кандалов. Браслеты — для рук поменьше, для ног — помассивнее — из двух дугообразных половинок с плоскими частями по бокам. Цепь у наручников — сантиметров сорок. Между ножными браслетами — гораздо длиннее.

Его помощник держал большие плоскогубцы и включенную лампу типа керосиновой. Точнее, по форме-то она похожа на керосиновую, но работает, ручаюсь, на батарейках. Дверь они сразу заперли.

Не буду кривить душой — я испугался. Вскочил.

Первой мыслью было: бежать. Да только куда?

— Спокойно! Сядь! Ничего страшного не будет.

Сам Петер казался совершенно невозмутимым, говорил без злости. Я с трудом сглотнул и сел на топчан. Трибунальщик подошел к столу.

— Это всего лишь формальность, и мы ее соблюдаем.

У меня язык словно к небу присох. Даже если бы и знал, что ответить, — не смог бы.

Тем временем Онищук разложил кандалы, вогнутой частью браслетов внутрь.

— Руки кладем локтями на стол, ладонями вверх.

Таким тоном обычно говорят: запрокиньте голову, откройте рот.

Стоматолог хренов.

Я подчинился, сразу ощутив запястьями холодное прикосновение металла.

Петер замкнул сверху вторые половины браслетов. Мой пульс, оказавшись в ловушке, отчаянно застучал.

— Больно? — деловито осведомился трибунальщик.

— Нет. Пульсирует.

Голос чуть осип и с трудом повиновался.

— Тогда послабее…

Онищук поковырялся с браслетами, и рукам стало свободнее.

— Вот так. Не двигай руками. Закрывай! — последнее уже Крысе.

Тот подошел со своими «плоскогубцами», мое сердце пустилось галопом. Трибунальщик быстро защелкнул инструментом плоские скобки кандалов и отошел.

Я смог опустить руки — цепь звякнула — и перевести дух.

Тем же манером, но на топчане, «украсили» ноги.

— Все, пойдем, — вполголоса сказал Петер и посмотрел мне в глаза. — Внутренне концентрируемся, дышим глубоко, отвечаем уверенно. Понял?

— Угу, — пробурчал я, с громким звоном спуская ноги на пол.

Цепи казались не особенно тяжелыми, но комфорта не добавляли. Видимо, на то и рассчитано…

Это были, наверное, самые тяжелые минуты моей жизни. Я не обладаю особым мужеством, стойкостью, идеалами, верность которым придает людям сил. Я не пират Карибского моря, не эссенциалист и не герой. Обычный человек, не образцово-показательный.

Я бы, наверное, не смог броситься в костер к любимой женщине. Даже не додумался бы до такого.

И мне было нелегко сохранять самообладание.

Но сорваться перед представителями другого мира очень не хотелось…

Зал, куда меня привели, оказался больше предыдущего, но обстановка ничем не отличалась. За столом восседал худощавый субъект с резкими чертами лица и испепеляющим взглядом. Мумия с глазами. Как будто брат-близнец Главного. Ну, или отец родной, с учетом возраста.

Справа от стола прохаживался благообразный дед с бородой, весьма упитанный — Санта-Клаус, ни дать ни взять. Для нашего Деда Мороза выражение лица слишком «ненашенское». Посмотрел на меня с любопытством.

Слева у окна стоял высокий мужчина. Он единственный из всех был не в черной хламиде, а в обычном темном костюме с галстуком. Ну, хоть этот не «мощи», но и не толстяк, как Санта. И смотрит по-человечески. Только грустно.

Артур Пелганен сидел себе скромно у стеночки.

Меня на сей раз оставили стоять.

Первый — субъект с глазами — действительно казался копией Артура. Только «ускоренной» копией. Жесты у него были порывистые, никакой медлительности. Писал очень быстро, печатал еще быстрее.

Глава Трибунала вел допрос, остальные молча слушали. Он сразу представился, тоже назвав лишь фамилию — Циферблат. В другой ситуации я засмеялся бы, но при данных обстоятельствах она прозвучала зловеще. «Циферблат» — «часы». Как будто он отсчитывает мое время…

Первый с ходу огорошил меня информацией о преступлении, которое я совершил совместно с неким Дэном Щемелинским при

помощи липового профайла и поинтересовался, почему я скрыл сей факт от Трибунала.

Я объяснил, как мог. Что с Дэном не знаком. Что сам не верю в оживших виртуалов. Что боялся быть принятым за сумасшедшего.

— А быть принятым за преступника вы не боялись? — Первый сверлил меня глазами.

— Я не преступник, — только и сказал я. — Это всего лишь невинное развлечение.

— Почему мы должны вам верить? — отрубил Циферблат.

Андрей бы мне верил. Он считал меня лучшим другом.

— Какие у меня могли быть мотивы? И как бы я все это проделал?

— Да очень просто. Щемелинский общался с вами по сети. Вы переслали ему информацию, он воспользовался ею, а также взял данные из вашей паутины. Потом он совершил конвертирование, ваш мир получил эссенциалиста для своих не очень законных, видимо, целей.

При этих словах мужчина у окна зажмурился, как будто его ударили. Я как раз случайно взглянул на него, поэтому заметил.

— Логично, — мой голос почти не дрожал. — Но разве бы я стал после этого рисковать походом в ваш мир? Зачем мне это?

— А вот это вы нам сейчас и расскажете.

Рассказать мне было нечего.

Он мурыжил меня довольно долго разными вопросами. После чего решил изменить тактику.

— Понимаю. Возможно, вы не отдаете себе отчет о последствиях, к которым привело конвертирование. Я не буду вдаваться в подробности этических норм нашего мира, это отдельный разговор. Я покажу вам сканографию.

Не вставая со стула, Циферблат нашарил кнопку на стене. Над ним загорелся экран, как в кабинете Артура. Щелчок — и я увидел дюны, поросшие кустарником, между которыми струилась река.

— Смотрите внимательно. Запомнили?

— Да.

— А теперь взгляните сюда!

Первый щелкнул кнопкой еще раз, и пейзаж изменился. На месте песчаных холмов выросли горы. Остальное осталось на месте. Где-то я уже это видел…

— Вы умный человек и поймете, что территория — одна и та же. Но это не компьютерная графика. Это вид «после» и «до», подобно явлениям, произошедшим в вашем мире: разрушенные дома, построенные здания и так далее. Иными словами, вы

изменили нам рельеф. Узнаете пейзаж?

— Да. На этой реке мы оказались, проплывая на лодке. А потом как-то вернулись в наш город. Но я не…

Циферблат, поднимаясь, повысил голос:

— Что за детский лепет! Произошло искусственное наслоение миров. Вы понимаете это? И прибрежная полоса Лабиринта, а также довольно обширный район, видимо, даже весь город вашего мира оказались в переходной зоне. То, куда вы вернулись, как вы полагаете, это уже не ваша территория и не наша. Это, еще раз повторяю, зона наслоения. Общее пространство. Там несколько другой временной период. Какой именно — никто вам не скажет. Боюсь, не слишком упорядоченный. Все те изменения, которые вам удалось увидеть и, главное, осознать, еще не так страшны. Такое случается время от времени. Правда, обычный человек, не обладающий способностями мага, никогда не придает им значения… — Он несколько успокоился и продолжил: — Потому что не видит ничего странного в том, что, грубо говоря, на месте жилого дома образовалось пустое место. Или другой объект. «Значит, дом снесли», — подумает он. Или найдет с десяток других логичных объяснений. Или не подумает вообще ничего. Не обратит внимания. А вот то, что в зоне наслоения появилась новая личность — пятилетний ребенок — это уже не смешно. Как и то, что по крайней мере два человека из вашего мира оказались способны увидеть изменения.

— Это опасно? — озабоченно спросил я.

Он взглянул на меня с интересом и брезгливостью, как на редкое, но отвратительное насекомое.

— Да, это — катастрофа, — сказал он.

Трибунальщик сел, тяжело вздыхая.

— Господин магистр!

«Санта-Клаус», до сих пор внимательно прислушивающийся к разговору и ни минуты не стоящий на месте, довольно резво для своих лет подскочил к столу.

— Прошу вас, объясните нашему гостю, — при этих словах я посмотрел на свои цепи, — суть проблемы.

Циферблат фыркнул и добавил:

— Он до сих пор не въезжает.

Магистр решительно взялся за спинку стула.

— Вы позволите ему сесть?

Циферблат оглядел меня с ног до головы и скорчил жалостливую гримасу:

— Присядьте. Минут на десять.

Все-таки Артуру до него далеко.

Вынырнувший откуда ни возьмись Онищук поставил позади

меня табурет. Без спинки, разумеется. Что ж, и на том спасибо.

Я сел, звеня железом.

— Вот смотрите, молодой человек… Разрешите?

Магистр кивнул Циферблату, тот убрал с экрана изображение. Монитор засветился серо-матовым светом. «Санта-Клаус» взял электронное стило и принялся рисовать круг.

— Этот большой шарик — мир. Этот маленький шарик, — он нарисовал внутри круга жирную точку, — человек, живущий в мире. Сущность, понимаете?

Он взглянул на меня, поглаживая бороду.

— Да, — устало сказал я.

— А теперь представьте, что у этой сущности оторвали кусочек.

Он «отпилил» уточки половину.

— Личность уже неполноценна. Но она стремится восстановить себя и будет искать недостающую часть.

А часть эта находится в другом шарике — в другом мире.

Магистр нарисовал еще один крут, тоже с половинкой точки.

— Половинки будут притягиваться и потянут за собой миры. Но миры-то цельные! — воскликнул он. — Сущность восстановится, а что будет с мирами, по-вашему?

— Склеятся?

Магистр задумался.

— Взаимопроникнут, я бы так сказал. Представьте, как в большую лужицу втекает маленькая. Можно ли разделить их снова?

— Ну, можно, наверное.

— Да. Но они уже не будут прежними. Как вы определите на глаз количество капель воды в этих лужицах?

— Никак.

— Вот именно. Вот и с мирами — никак. Они соединились довольно глубоко. И неизвестно, какими они станут при разъединении. А ведь это не какие-то абстрактные миры, а наши с вами…

Я сидел и смотрел на эти шарики, пытаясь представить внутри них горы, дома, людей…

— Вы хотите сказать, что два наших мира соединились и поэтому изменились? А при разъединении они уже не будут прежними?

— К сожалению — да. Видите, господин судья, молодой человек все прекрасно понимает.

Первый хмыкнул.

На самом деле я понимал далеко не все. Точка внутри крута…

— А маленький шарик это… Андрей? Ну, Сева.

— Похоже, что так.

Магистр сел.

— А главное, что Сева, — раздался голос Артура, хотя ему никто не давал слова, — сейчас держит соединенными два мира. Но держать их вечно он не сможет, рано или поздно они разойдутся. И тогда Сева погибнет. Поймите это.

— Да я же не сделал ничего!

Черт. Сорвался я все-таки. На крик. Хотя Главный, быть может, и не ко мне обращался.

— Уведите! — устало бросил Первый, не глядя на меня.

Рядом вновь возник Петер и проводил меня в камеру.

Я сразу же лег и провалился в сон, несмотря на скованные руки и ноги.

ГЛАВА 6
Четыре в одном

Туман в голове то сгущался, то рассеивался. Андрей пару раз даже попытался согнать с глаз навязчивую пелену, хоть и понимал, что ее не существует.

Мысли никак не хотели выстраиваться. Полный сумбур.

Переработал?

Навалились впечатления?

Когда все понятно, то можно искать выход.

Когда понятно не все — можно подумать, в какой стороне искать выход.

Когда почти ничего не понятно — надо вспомнить правило прохождения лабиринта. Правой рукой дотронуться до стены — и вперед, на каждом перекрестке сворачивая направо. Рано или поздно, если лабиринт правильный и конечный, выход будет найден.

Но есть сомнения в наличии выхода. Если, не поднимая головы, работать над прибором и программой, если вложить свои знания, если сделать невероятное…

То откроется ли впереди дверь?

Он и сам не заметил, как добрел до порога медицинского центра.

Зиньковец — вот кто поможет отогнать пелену или и вовсе развеять.

Тогда будет виден путь. В пещере или по извилистой тропинке над обрывом — в любом случае уже осознанно, не вслепую.

Эссенциалист должен помочь.

Андрею было неловко просить о помощи, он стеснялся своего недопонимания и этой пелены, как чего-то неприличного и недостойного.

— Сегодня приема больше не будет. — На его пути стояла медсестра. Непреклонная и серьезная.

— Да я на минутку. — Андрей быстро прочитал бейдж. — Ирочка. Пожалуйста.

Он дружелюбно улыбнулся ей и попытался протиснуться мимо. Младший персонал везде одинаков. С начальством — неземные создания, с посетителями — богини, которым и слова поперек сказать нельзя.

— Вы не понимаете? И на минуточку некогда.

Ирочка смотрела на него свысока, но заигрывающе. Любимое

занятие практиканток. Эх, куда же она с подобными увертками? Они хороши на личике подростка, а не взрослой девушки.

— Вы такая серьезная, глядя на вас, можно подумать: что-то произошло…

Шутка не удалась, по лицу девушки пробежала тень.

— Произошло. В доктора нашего стреляли, в Зиньковца.

Андрей вздрогнул.

— И…

— Жив, в реанимации сейчас.

— Реанимация вашего центра?

— Нет, у нас нет. Его увезли в Институт Склифосовского.

— Где это?

— В Москве. Метро «Сухаревская».

Андрей поблагодарил ее и пулей вылетел на улицу, ругая себя на чем свет стоит.

Он всюду опаздывает, он всех теряет…

Пелена расползалась сама собой. Разорванные края, мелкие клочья, еще мельче.

* * *

Андрей вышел из метро уже другим человеком. Человек этот знал адрес, дорогу, знал, что говорить охраннику и дежурной.

Но огромный город обрушился на него шквалом запахов, звуков, красок…

Неимоверное количество транспорта, обилие экранов с непонятными рекламами, непривычная архитектура, людской поток — все это кричало, будто скандируя: «Ты здесь никогда не был».

— Город Москва, — произнес вслух Андрей, наконец начиная ощущать реальное существование другого мира. — Город Москва…

Тем не менее Институт он нашел быстро.

Его пропускали, потому что он знал, куда идет.

Молодая женщина с испуганными, но сухими глазами стояла у окна и смотрела на него. Знакомая? Ах да, это медрегистратор из центра…

— В Костю стреляли, — прошептала она.

— Я знаю. Как он?

— Сказали, что лучше. У них прекрасные специалисты…

Андрей стал рядом и посмотрел поверх покрытой белой краской части стекла.

Парк, дорожки. Больные в синих пижамах курят украдкой.

Родственники в «цивильном», переминаются с ноги на ногу рядом.

— Пойдем. Ты мне все расскажешь.

* * *

Домой Андрей ввалился почти без сил.

Ксана, которую он дважды накормил в ресторане и полтора часа выгуливал в парке, вернулась в больницу.

Сам он обошелся лишь литровой бутылкой воды. Но, войдя в квартиру, первым делом скинул пиджак, заскочил в ванную, открыл холодный кран и приник к вожделенной струе.

Он чувствовал себя усталым, но соображал хорошо.

А все-таки Стандарт прав. Шаг в сторону от источника света приводит во мрак. Маленькое нарушение имеет шансы вырасти в преступление. Он убедился в этом сегодня. Какие еще нужны доказательства?

Андрей ошибся, полагая, что сможет держать ситуацию с прибором под контролем. Ему никто не даст. Надо срочно найти выход, но прежде…

Он должен наконец увидеть свою паутину.

Сделать это без помощника и эссенциального монитора будет непросто. Надежда только на собственные знания и способность концентрироваться.

Для начала нужно убрать внешние отвлекающие факторы.

Андрей отключил телефон, плотно закрыл окна, задернул шторы. Подумав, снял брюки, рубашку и улегся на ковре.

Закрыл глаза.

«Я войду в лабиринт, я сольюсь с подпространством.

Вселенная безгранична, но она лишь сектор Мегавселенной.

Человек неповторим, но он — лишь крохотная частица мира людей.

Сущность человека — это эссенция мира. Познавая свою паутину, я сближаюсь с Мегавселенной…»

Складывать руки ладонями вместе не обязательно. Паутина внутри, и он ее почувствует.

Это похоже на погружение в океан, только не нужно задерживать дыхание…

Сначала просто было темно. Потом темнота вспыхнула, разойдясь в стороны серебряными лучами.

Паутинка. Почему-то меньше, чем Андрей предполагал. Надо посмотреть, что в ней.

Он сосредоточился на центре, как учили, и «шагнул» в

лабиринт.

Что это вокруг? Чья сущность окутана мягкой серебряной оболочкой? Кто этот человек, испытывающий радость, возвращая людям здоровье, плавая наперегонки с другом, целуясь с девушкой, играя в песчаный хоккей? Испытывающий горе от потери любимой, от несправедливости, от сознания собственной беспомощности?

«Это я. Это точно я».

Он хотел продолжить, но паутина вспыхнула и исчезла. Почему? Он что-то нарушил?

Волноваться нельзя, нельзя.

Внезапно вокруг него появилось нитяное кольцо.

Нет, это тоже была паутина, из зеленых лучей и синих долевых, но лишенная центра. Как будто середину вырезали. Много узлов, есть аксельбанты. И самое интересное, она тусклая, матовая. Блеклую паутину Андрею доводилось видеть лишь у людей этого мира. Тогда, у Светы, его это и удивило.

Андрей бросился изучать кольцо, опасаясь, что оно может растаять.

Страх. Неуверенность. Неудовлетворенность собой. И очень странное, незнакомое ощущение — ощущение пути в бесконечность. Такое чувствуют люди, не знающие, зачем живут. Но через мгновение словно кокон вырос вокруг Андрея — защитный кокон. Как скафандр. Как противочумный костюм. Это напоминало компьютерную игрушку или фильм, когда у героя в один момент появляются сверхспособности. Впрочем, синие долевые не содержали ничего сверхъестественного. Просто умения и навыки. Как подарок, приставка, довесок.

Нечто искусственное.

Это — Латушкин Андрей.

Почему-то в серебряной части он не смог прочитать имени. Не успел?

«Виртуал, — понял Андрей. — Значит, я частично виртуален? Но зеленые лучи — вполне настоящие, так чье же это»?

Кольцо тоже пропало, но почти сразу заколыхались клочья сиреневой дымки. Они сползались друг к другу, наконец слившись в одно. Образование напоминало языки пламени по краям обруча, через который прыгают тигры в цирке… Только вместо тигра в центре стоял Андрей.

«Это… внешний облик. Мое лицо. Нет, не мое, я не так выгляжу. И еще здесь — привычка курить сигареты. Действительно, я же никогда не курил, даже не пробовал»…

Обруч будто растворился. Какое-то время Андрей провел в пустоте, но вот все три образования появились снова,

одновременно, каждое — на своем месте.

Традиционных размеров паутина. Неоднородная только.

«Вот он, Латушкин Андрей. Эссенциалист. Три в одном, даже четыре. Латушкин…»

Стоп.

Латушкин.

Да это же Стас!

Так вот от кого зеленые лучи. Поэтому и воспоминания у Андрея такие… странные. Общие со Стасом.

А он носил какое-то другое имя.

Интересно, кто и как это сделал? Как это вообще можно сделать? А ведь Стас ни при чем. Или… при чем?

Андрей снова сосредоточился на паутине.

Между сияющей, сине-зеленой и сиреневой частями угадывались темные ободки.

Слой, состоящий из ничего. Пустота.

Три части, три соединенные на время части.

И не надо быть высоким магистром, чтобы понять, что это время подходит к концу. Начинается отторжение. Как у импланта.

Андрей вылетел из океана подпространства, словно поплавок, наполненный воздухом, из-под воды. Резко сел, закрыв лицо руками.

Распад. Так вот откуда жажда. К чему все эти копания, если жить осталось сутки-двое, не больше?

Безразличие навалилось, как душная пуховая перина.

Все напрасно, напрасно, напрасно…

Андрей обвел пустым взглядом комнату. Шкаф, стол, компьютер…

А над компьютером — диплом.

Диплом!!!

Фениксы не умирают!

Он вскочил, распахнул шторы, бросился к диплому.

«Корректор первого звена. Латушкин Андрей»…

В академии ходили слухи, что диплом защищен магией. Его нельзя уничтожить, и он хранит сущность владельца.

И его имя.

Но имя здесь все то же, а где же…

Паутина в нижнем углу!

Трясущимися руками Андрей выковырял диплом из-под стекла, положил на стол и накрыл ладонью паутину.

«Всеволод Сергиенко. Корректор первого звена».

Сева Сергиенко, нерешительный, недальновидный, зацикленный на Стандарте. Совершивший только один настоящий поступок в жизни.

Значит — Сева, Стас, виртуал и кто-то еще. Четыре сущности, а жизнь одна.

«Продолжительность жизни человека зависит в первую очередь от самого человека». Двенадцатый постулат.

«Жизнь имеет ценность лишь тогда, когда имеет смысл». Тринадцатый, последний.

— Нет. Я не Сева, не Стас. Я Андрей. И я еще не все сделал, чтобы умирать. А имеет ли это смысл — какая разница.

Человек, состоящий из четырех частей, успел ошибиться. Необходимо было исправлять положение. Последствие ошибки, страшное ее детище, занимало и места-то всего ничего на флешке. Ее и найти-то сложно, среди фотографий и игрушек маленький файл, который может обнаружить лишь тот, КТО ЗНАЕТ.

Но на флешку он скопировал лишь резервную копию, а оригинал остался в Конторе, причем на нескольких компьютерах сразу…

Избавиться от него можно лишь самым варварским способом. Как Андрей ни прикидывал возможные варианты, все равно упирался в один: полное уничтожение носителей и всей сопутствующей документации.

А еще нужно сделать вот что…

Выскочив на улицу, Андрей первым делом бросился в магазин фототоваров и купил простенькую «мыльницу».

Когда-то Сева очень любил снимать. Очень. Фотография доставляла ему наслаждение, соизмеримое разве что с анализированием паутины.

Стас считал беготню с фотоаппаратом глупостью.

А еще Стас, например, никогда не ел овсянку. А разве хоть один житель Лабиринта ест на завтрак что-то, кроме овсянки?

Лабиринт.

«Это мир, где я живу. Жил».

Стас сидел в ванной по часу, напустив пару и вылив полфлакона шампуня зараз. Сева предпочитал контрастный душ.

Андрей не зря купил фотоаппарат. Вспомнить (не прочитать инструкцию и разобраться, а именно «вспомнить», на что и как нажимать) последовательность действий и щелкать, щелкать, пока не останется память об этом занятии: да-да, я много снимал.

Дом, освещенный утренним солнцем, кошка, изящный автомобиль, вороны в мусорном баке, сорока с изумительным оперением, клумба с альпийской горкой…

Девушка в белом, толстая мороженщица… Прудик, канава. Забор с витой решеткой. Школьный двор.

Мальчишки, играющие в футбол.

Вихрастый задира зевает на воротах. Долговязый хавбек чешет затылок. Бомбардир-коротышка сосредоточенно поджимает губы и несется вперед. Стоппер, который отдыхал и ковырял ногу, бросает свое увлекательное занятие и летит на помощь бомбардиру. Это наши.

Команда соперников не столь симпатична: прилизанные домашние мальчики без отличительных черт.

Надо еще поснимать наших.

Андрей присел, чтобы быть вровень с ребятами. Из этого положения фигуры футболистов получаются лучше: во весь рост, четкие и неискаженные. Тем более что ребята еще маленькие, лет двенадцати.

Вихрастый поймал мяч, летящий ему в руки, вбросил его и посмотрел на часы.

— Мне пора, — грустно сказал он.

— Нормально! А стоять за тебя кто будет?

Вихрастый пожал плечами, отошел от ворот, скинул перчатки, поднял сумку и ветровку:

— Да вон хоть дядя постоит!

Махнул друзьям рукой и ушел.

Игра на миг приостановилась. Начинали четыре на четыре, теперь у одной команды вратаря нет. Обидно.

Андрей кивнул им и оказался в воротах.

Стас смотрит футбол лишь по телику и только во время крупных чемпионатов. Сева такой игры вообще не знает. Сева играет в хоккей на песке и травяной баскетбол.

Ну так что же?

Андрей не стал долго раздумывать. Пацан, продолжающий бузить в душе почти каждого взрослого мужчины, готов поддержать любую игру с мячиком. Пусть он и не знает правил.

Не пустить в ворота — это как в хоккее. От своих мяч руками не брать — тоже понятно. Ну и ладно, так даже веселее.

Незаметно для себя Андрей увлекся. Команда окончательно стала «его», счет (а ведь наши проигрывали, проигрывали) почти сравнялся, и коротышка — бомбардир вновь летел в атаку.

А Андрей рвался на части от желания поиграть и от еще более жгучего желания поснимать дальше.

Но игровой азарт быстро все пересилил.

Через десять минут Андрей, именно Андрей, а не Стас или Сева, играл в футбол.

Матч закончился со счетом восемь-шесть в пользу команды «наших». Мальчишки с веселым галдежом пожимали голкиперу руку.

Андрей испытывал радость и даже гордость. Он еще что-то

может!

А значит — пора двигаться дальше.

ГЛАВА 7
Совещание

Я проснулся от ощущения чьего-то присутствия. Первый раз такое, обычно сплю крепко.

— Станислав…

Главный дознаватель! Скажите, какая честь!

Я сел, зазвенев цепями, как Кентервильское привидение.

— Простите. Я разбудил вас.

Конечно! Чего приперся вообще!

— Я лишь хотел сказать, что… Знаю, что вы не виноваты.

— Откуда? — мрачно усмехнулся я.

— Я разговаривал со Светланой…

— Как она там? — перебил я.

— С ней все в порядке, не беспокойтесь. Ее в замке нет.

— А где она?

Трибунальщик замялся.

— У меня дома.

Оп-па! Вот даже как? И как же это понимать?

Не могу объяснить, что я почувствовал. Пауза затянулась, и дознаватель поспешно добавил:

— Не поймите превратно, Станислав. Просто ей лучше быть подальше отсюда. Она вне подозрений, и в этом шеф со мной согласен.

— Я рад.

Я действительно был рад за Светку. Камера — не подходящее для нее место. Но сердце предательски дрогнуло…

— Так что же она… сказала?

— Я понял, для чего вам нужна была вымышленная анкета.

— И для чего? — пожал я плечами.

— Простите, что говорю это, поскольку вы не просили. Вынуждают чрезвычайные обстоятельства.

Он присел на край топчана и произнес:

— У вас комплекс неполноценности. Вы склонны преувеличивать собственные недостатки. Поэтому и образ создали… почти идеальный.

— А вы в моей душе читаете или как? — разозлился я.

Какое твое дело, а? Облеченный властью пингвин.

— Нет. В сущности.

— В сущности — что?

Он не сразу понял вопрос. Потом до него дошло.

— Нет понятия «душа». Это придумали поэты и

священнослужители. Есть сущность. И в ней все видно.

— Если вы можете увидеть человеческую сущность и понять, что я не совершал преступлений, почему же вы меня здесь держите?

Дознаватель тяжело вздохнул.

— Не могу переубедить шефа. Он не эссенциалист.

— То есть он не видит паутину? А вам, своему сотруднику, он что, не доверяет? Ведь паутина — это объективный показатель, как я понял?

— Да, но… только для тех, кто ее чувствует.

Полный атас.

— И что мне делать?

— Я за этим и пришел. Я очень хочу вам помочь, Станислав. Но и вы должны помочь мне.

— Послушайте…

— …Артур.

— Очень приятно! — не удержавшись, хмыкнул я. Король Артур снизошел до простых смертных. Жалко, стол в камере не круглый, а то отметили бы.

Главный дознаватель никак не отреагировал на мою реплику, и мне стало стыдно. В конце концов, босс здесь он.

— Артур, а вашему Севе вы не хотите помочь? Вы же сказали: он может погибнуть.

— Группа уже готова для перехода в Долину. Сейчас аналитики решают, через какой канал это лучше сделать.

— Долина — это…

— Мы так называем ваш мир.

Ну да, похоже. Земля, Долина… Силиконовая.

— А Петер говорил — нефтяной рай…

— Это сленг. Но вернемся к вам, Станислав. Во всей этой истории мне не понятен один момент. Почему Сева решил, что он ваш друг?

— Но вы же сами сказали, что в нем — часть моей сущности.

— Да. Но он же вас никогда не видел. Память, заложенную в нем, он считал своей. Почему на пристани он назвал вас другом? Он должен был воспринимать вас как незнакомого человека.

— Ну, тут уж я вам не могу помочь. Я ведь совершенно не разбираюсь ни в вашем конвертировании, ни в сущностях. Если уж вы сами не знаете…

— Так могло произойти только в том случае, если вы общались раньше. Это еще одна причина, по которой Первый подозревает вас. Хотя он видит, что вы у нас раньше не были.

— О, господи! — вырвалось у меня. Ну хоть ты разбейся! — Да не мог я с ним раньше общаться! Я же его придумал! Вернее,

думал, что придумал. Тьфу, чушь какая.

— Станислав, это не шутки!

Он вздохнул и поднялся.

— Не хотел говорить, но… Боюсь, это ваш единственный шанс оправдаться.

Как-то здесь холодно. И пуговица верхняя давит…

— Я… там кувшин опрокинул нечаянно. Воды можно?

— Да, вам сейчас все принесут. А я позже зайду.

Он направился к выходу, но у самой двери обернулся:

— Подумайте, пожалуйста. Важна любая мелочь.

Да иди ты уже! Спаситель, бля.

Артур вышел, оставив меня в одиночестве.

* * *

Субботнее утро еще не наступило, когда Первый спустился в библиотеку. Артур, сидящий над пухлым фолиантом, был так поглощен его содержанием, что даже не шелохнулся.

— Ну что, миротворец, нашел оправдательный приговор? — добродушно спросил Циферблат, подходя вплотную.

— А?

Артур вздрогнул и покраснел: ключ от книгохранилища выдавался только с разрешения начальства.

— Прошу меня извинить, шеф…

— Ладно, не имеет значения. Все равно ты скоро займешь мое место.

— Я не смогу.

Первый усмехнулся.

— А кто сможет? Эдуард никогда не вернется, Михал слишком молод, Алекс не отличит правого от виноватого, Петер… Он незаменим на своем месте. Или ты хотел бы видеть первой леди Трибунала Марту? А может быть — Анну? Про остальных даже не заикаюсь, им еще рано.

— Я тоже — всего три года.

— Дело не в сроках, Артур. Ты справишься. Только ты.

— Кто же будет Главным дознавателем?

— Назначь Анну, у нее должно получиться.

— Она злая.

Первый расхохотался.

— Решай сам тогда. На этой должности слишком добрые не приживаются.

— Да, это так. Почему вы вдруг заговорили об этом, шеф?

Первый задумался, хмуря лоб.

— Не знаю, Артур: я не маг и даже не корректор. Предчувствие. Только я тебя умоляю: не развали мир! Я так долго его берег.

По лестнице сбежал Петер:

— Шеф, аналитики прибыли.

— Идемте!

Циферблат быстрым шагом направился к выходу.

Дознаватели последовали за ним.

* * *

На экстренном совещании кроме троих представителей Трибунала присутствовал директор Института преобразовательной физики и один из аналитиков-портальщиков. Все пожали друг другу руки.

— Что с каналом, докладывайте.

Первый включил экран, появилась динамическая карта. Аналитик высветил небольшой участок над водой вблизи выдающейся в море скалы.

— В данный момент портал здесь. Как мы и предполагали, он пересекает бухту, смещаясь по диагонали. Счетчики фиксируют коллатераль диаметром около пяти с половиной метров и протяженностью предположительно метров восемьсот.

— Такая огромная брешь? — покачал головой Циферблат.

— Да. Хотя она медленно, но верно сужается.

— Катер пройдет, как я понимаю?

— Не думаю, что это хорошая идея. По ту сторону портала может не оказаться воды. И есть вероятность упереться в стену.

— В стену?!

— Да, в стену обычного здания. Там же город. А коллатераль постоянно движется.

— А с суши совсем никак?

— С суши? С серпантина, если только. Через пару часов портал захватит полуостров. Но после изменения рельефа там достаточно сложно проехать…

— Сложно или нельзя?

— Можно. Но все равно…

Аналитик посмотрел на Артура и замолчал.

— Необходимо присутствие мага, вы хотите сказать?

— Желательно.

— Так, может, я один? — вмешался Артур.

— И что ты один сделаешь? Глупостей не говори. Во-первых, с собой нужно брать Латушкина, во-вторых, — экстренный отряд.

Что с перекрестками?

Заговорил директор института.

— Ни с одним из известных портал не соединен. Но это абсолютно точно не самостоятельное образование. Это ответвление природной коллатерали, и связь с перекрестком должна быть. Контора, где числился Щемелинский, также была нами исследована самым тщательным… Ох, Макс, не знаю я! Там спецы сидят, куда нам до них. «Здравствуйте, проходите, вот, пожалуйста, лицензия, у нас все законно»…

— Там — спецы?! А вы тогда — кто?

— А мы — законопослушные.

— Да… твою мать, ты что говоришь?! Есть там смещение пространства или нет?

— Не нашли. Наверняка экранируют. Поэтому счетчики и молчат. Но это единственно возможный вариант. Не через технический же портал Дэн ходил из мира в мир!

— Да, это надо умудриться. Глеб, ты уверен, что других каналов нет?

— Да конечно уверен, было бы странно, если бы они до сих пор…

— Я не понимаю, куда ты смотрел! Ведь это же ваш бывший филиал.

— Просмотрел. Виноват.

— А с виноватыми у нас что делают?

— Лишают диплома! — в один голос ответили все четверо.

— Всех бы вас в портал к ядрене фене, лоботрясы! — с досадой откликнулся Первый.

— Невиновные не сгорают, — подхватил дружный хор.

— Поиздеваться решили? Значит… — Циферблат обвел взглядом собравшихся. — Вооружаемся, берем экстренный отряд, берем нашего нарушителя и идем в Контору. Надеюсь, попасть через портал к перекрестку наши навигаторы способны?

— Конечно, — за всех ответил Артур.

ГЛАВА 8
Пожар

Пропуск в Контору сработал.

Андрей не спеша прошел по коридору.

Улыбнулся секретарше — вернее, настоящему, полноценному секретарю — Лене.

Миновал кулер…

Приостановился.

Нет. Нельзя сейчас. Стакан, даже глоток воды поможет ему, облегчит состояние. Станет на миг спокойнее, и уйдет решимость, и не будет отчаянного шага.

Вот и кабинет. Стол, компьютер, бумаги. Оставил ли что-нибудь свое Денис? Конечно нет. Аккуратный, обстоятельный, правильный мальчик. Все, что разбросано по столу и засунуто в ящик, принадлежит Андрею.

План по пунктам, структурная блок-схема, наброски алгоритмов, листы, на которых он карандашом расписывал Денису основные задачи, пометки и выписки для себя… Несчастный учебник, на страницах которого оставлены записи.

Кажется, все.

Андрей прижал к себе стопку бумаг и посмотрел на ножницы.

Нет, ненадежно.

Поддон из-под большого кактуса сойдет за фарфоровое блюдце.

Зажигалка…

Вспыхнул огонек.

На всякий случай Андрей отодвинулся подальше, стараясь скармливать жадному пламени по одному листу.

Штирлиц. Мистер Джон Ланкастер Пек. Отважный резидент и его сплошные ошибки.

Сейчас сработает датчик дыма, и он не успеет сделать главного.

Андрей опустился на пол и вытащил системник. Крышку долой, винчестер наружу, а шлейфы — варварски ножницами.

Из второго компьютера так же: все на пол. Что не снимается, то вырывается.

Уничтожить файлы легко, но нет времени.

Будем бить по железу.

Железом.

Хорошая штука — дырокол. Тяжелая и держать удобно. Три-четыре удара, — и с диска уже ничего никогда не считать.

Остался пустяк.

Каждый вечер Денис делал копии и убеждал Андрея, что прячет их в сейф. Но ключи от официального железного ящика есть у начальства, поэтому ничего он туда не помещал.

Рядом с сейфом стоит шкаф. Вот как раз там, среди мусора, и лежат резервные копии разных версий.

Диски дыроколом убиваются еще легче.

Андрей скрипел зубами, слушая жалобный хруст.

Хорошую вещь ломать неприятно. Вещь, в которую вложил свои силы, — тем более. Вещь, предназначенную для спасения людей, уничтожать невозможно, невыносимо трудно.

Разрывается сердце, не хватает дыхания, сушит тело изматывающая жажда, раскалывается в отчаянии голова.

Зато руки действуют предательски ловко, методично уничтожая последние следы, дробя, кроша обломки. Чьи это навыки? Уже неважно.

Подобно чудовищу Виктора Франкенштейна, Андрей окончательно ощутил себя цельным существом. И это создание, собранное из чужих эссенций, четко представляло, что ему необходимо сделать.

Сева не знал, насколько результативным окажется уничтожение файлов.

Кусочков воспоминаний Стаса хватало на то, чтобы понять: из прибора программу уже не выцарапать. Прошитая намертво, она не подлежала копированию, архитектура платы не позволяет.

Использовать прибор для диагностики можно: тестирование прошло успешно, все работает без сбоев.

Доработать его для лечения нельзя.

Чуть не забыл самое главное. Злополучная флешка!

Андрей достал маленький брусочек из кармана и бросил его в пламя.

Ш-ш-ш-ш.

Чпок.

Что-то не так. Звук, как будто флешка шлепнулась во что-то мягкое и вязкое.

Он подошел поближе.

Поддон из-под кактуса прогорел в центре, и темная лужица пластмассы пылала издевающимися ярко-синими огоньками, растекаясь и заглатывая поверхность компьютерного стола.

Андрей в недоумении выругался.

Горящая глина?

Или…

Черт, у них же тут все на продуктах нефти!

Это дурацкий пластик.

Ну правильно, он же сам только что собирался сжечь флешку.

Значит, горит.

Андрей дернулся было потушить, но сунуть в огонь руки не решился.

Притащить сюда воду из кулера?

Он открыл дверь в кабинет, и легкий сквознячок с азартом принялся за работу.

Задымило так, что проснулся и вспомнил о своих обязанностях датчик.

Андрей выскочил в коридор и остановился в нерешительности.

Звать на помощь? А что он им скажет? Да и будут ли разговаривать с завтрашним мертвецом, на которого и пули-то жалко тратить. Запрут в комнате без воды — и все.

Но пожар, люди…

Как бы поступил правильный и ответственный администратор эссенциалии?

А честный и хороший парень Стас?

А выдуманный сетевой ловелас?

А Андрей? Человек, который только недавно обрел себя и очень хочет жить и не может навредить людям, потому что помнит постулаты, прошитые в голове покрепче любой программы.

Андрей быстро, но спокойно вернулся в приемную, налил себе стакан холодной воды и вновь улыбнулся Лене:

— Никого нет… Пойду я, пожалуй.

Лена распахнула изумительные голубые глаза (цветные линзы — Как удобно, если б они еще не портили паутину):

— Можете подождать здесь. Я вам телевизор включу. А хотите, — она перегнулась через стойку и доверительно прошептала, — я вам кофе сделаю?

Загар уходил далеко вниз по нежной коже. Ни одной белой полоски от лямки или самого бюстгальтера.

Нет, не красиво это, а опасно. Но времени объяснять ей — нет ни минуты.

— Спасибо, я пойду.

На Ленином лице явно читалось огорчение.

Между тем запах паленого добрался и до приемной.

На стенах заморгали красные лампочки.

— Что это? — спросила девушка.

— Пожар, — твердо сказал Андрей. — Звоните, так надежней будет.

Лена послушно потянулась к трубке, соединяясь с охранниками.

Хорошая девушка, ни паники, ни глупостей. Сначала вызвать — потом выяснять.

— Я машину на подземной парковке оставил. Как отсюда быстрее попасть?

— Отсюда направо вторая лестница, вниз, но не до конца, а до указателя «кинозал», там через фойе мимо стенда и на улицу.

Такой же шепот, как и «про кофе», но все четко и по делу, с поясняющей жестикуляцией, не отрываясь от трубки, без глупых вопросов.

— Не носите цветные линзы, Леночка, — не выдержал Андрей, — мир немного искажается, а мозг не прощает обмана зрения. Это миниатюрные узлы в… Это вредно.

Он поспешил в указанном ею направлении, но все-таки услышал Ленино «спасибо», по тону выделяющееся из ее встревоженной, но убедительной речи в телефонную трубку.

* * *

Погоня обнаружилась уже на самой территории парковки.

— Стоять!

— Стой, гад!

— Юрик, загоняй его слева!

Трое охранников. Это много для одного человека.

Можно бежать быстрее, хоть тело и просит остановиться, выпить ведро воды и прилечь.

Можно петлять и прятаться между цветными боками спящих автомобилей, но те, кто позади, легко предугадывают его движение. Их трое, они опытные.

И они с пистолетами.

Можно упасть плашмя и заползти под большого черного монстра, попросить его укрыть от погони своей тенью…

Но любому преследователю заметить прекращение движения, присесть и выстрелить под днищами еще проще.

Значит, остается только бег.

Почти безнадежный, утомительный, трудный, жестокий бег.

Тут стена, а в том ряду — свет.

Выход наружу?

Да, винтовой подъем, еще и с лежачими полицейскими. Как же трудно переставлять через них ноги! Всего несколько сантиметров выше, а чуть не упал, потому что пришлось прикладывать дополнительное усилие.

И поворот по дуге, а это длиннее и бежать дольше, зато пули бьют в стенку.

Успел.

Два выстрела мимо.

Если добежать до следующего витка раньше, чем погоня достигнет предыдущего, то они снова не смогут попасть.

Но они бегут быстрее.

И у них пистолеты.

И как же гулко и звонко они стреляют!

Может быть, уже вывернули из-за поворота, может быть, уже и попали, все равно.

Больно, трудно и хочется пить.

Машина оставлена на стоянке перед главным входом, надо завернуть за угол, пробраться мимо окон, да еще и под прицелом.

Откуда организм берет силы? Почему еще переставляются ноги?

Возможно, им помогает внезапная тишина. На улице не стреляют.

Вот оно, убежище! Теперь внутрь, в салон. Зажигание. Поедем не прогретые? Конечно. Умница.

Прыгаем с тротуара, через две сплошные налево и уходим.

Андрей включил кондиционер и откинулся на спинку. Можно чуть-чуть передохнуть. Кто там позади скрипит шинами, гудит и светит прямо в зад?

До них нет никакого дела. Перестали стрелять — и хорошо. Не видим их и не слышим.

Андрей поймал себя на том, что разговаривает с машиной, внезапно ставшей близким другом. Потому что отказывает тело? Потому что хочется пить?

Какой же сухой воздух. Запах нового пластика напоминает пожар в Конторе. Открыть окно? Наверное, будет еще хуже.

Звон в ушах, рябь в глазах, резь в груди. Да, паутина Андрея сейчас бы не прошла даже самый поверхностный профосмотр.

Почти ничего не видно впереди. Безумная скорость, почти пустое шоссе. Давно ли он покинул город? Где погоня?

Кто там показался из-за поворота? На чем они едут?

Или это просто люди?

Прижаться к обочине и пропустить их?

Сразу после моста и посторониться. Обязательно надо снизить скорость — люди ни в чем не виноваты, а его небось мотает из полосы в полосу, как полного придурка.

Красная спортивная машинка облетела его слева, равнодушно окатив волной ритмичной музыки.

Почему он теперь не может ехать быстрее? Почему останавливается? Что за дурацкий значок горит на панели?

Какой, на фиг, бензин?

Потеря сознания на долю секунды, толчок руля в грудь…

Прогретая ловушка, духовка, как же она сушит его! Немедленно покинуть.

Впереди лес, там деревья и тень, но надо перейти мост.

Передвигаться можно, только держась рукой за поручень.

Как же медленно…

— Остановись!

— Да стой же!

Совсем рядом. Когда успели подобраться? Один целится, один приближается. Красавцы в форме. Вызвали ментов, значит. Небось сытые, выбритые и надушенные. Андрей повернулся к поручню и схватился обеими руками.

Отдышаться? Нереально.

Лечь и сдохнуть. Назло им, пока не подошли.

— Смотри, как его шатает, не свалился бы!

— Или он прыгать собрался?

Перегнуться вперед, жадно хватая воздух, чувствуя, как покрытая ржавчиной железка холодит живот, пусть немного, но облегчая боль и спазмы. А внизу вода. Собрался прыгать?..

* * *

Прыжок!

Не страшно. Ласточкой вниз. Ветер свистит в ушах. Промчаться сквозь воздушный поток и разбить водяное зеркало. Нырнуть.

Волны смыкаются над головой.

Милицейская «десятка» стояла позади «Логана». Два представителя закона перегнулись через перила, посмотрели на темную воду и отошли обратно.

— Разбился? — озабоченно спросил молоденький лейтенант.

— Да утонул, ты че.

Второй достал из кармана пачку сигарет и, выхватив одну, попросил зажигалку. Лейтенант, не глядя, чиркнул кремнем.

— Утонул или сбежал? Район-то не наш, но… Я бы все-таки проверил на всякий случай, — задумчиво протянул он.

— Ну давай вдоль берега двинем, вдруг зацепился где, — согласился его напарник, затягиваясь. — Психованный какой-то. Сначала пожар устраивает, потом с моста сигает.

— Да мало ли придурков.

— Да вроде приличный, в костюме…

«Менты», не сговариваясь, подошли к «Рено».

— Вечно наши друзья из ЧОПа что-нибудь подбросят…

«Задержите, будем благодарны, сами по городу за ним не поедем, как бы чего не так…» То ли и в самом деле нужен он им, то ли стремаются чего. Пробей-ка эту машинку, Серега, — задумчиво протянул милиционер с сигаретой.

ГЛАВА 9
Бросок

С утра громыхала гроза. Стекла в окошке не было, и дождь долетал прямо в камеру. Холодный такой. Осенний…

Появился Петер, облаченный в куртку и штаны.

А я уж думал, он врос в свою черную хламиду. Одежда очень напоминала армейскую камуфляжную форму, только вместо зелено-коричневых тонов преобладали серо-синие. Вроде у нашей милиции что-то похожее. На груди справа и на левом рукаве красовалась эмблема: готическая буква «Т».

Интересно, куда это он собрался.

На завтрак Петер принес мне кашу — овсянку — и жуткую травяную хренотень в металлическом стакане. То и другое — гадость, но я проголодался, как слон.

— Пей, не морщись. Полезно. Женьшень, мелисса, зверобой, лимонник, эвкалипт, — выпалил Онищук скороговоркой.

Опять эвкалипт! Я принюхался: отвар источал еле уловимый запах.

— Почему у ваших эвкалиптов кора в клеточку? — буркнул я.

— В какую клеточку?! А! Да это гибриды переходной зоны. У вас вместе с аквапарком и метро полосатых дубов не выросло? Или фиолетовых берез?

— Нет!

— Ты пей, пей, не отравишься.

— Зачем это?

Странная смесь. Я хоть и не врач, но знаю, что женьшень вроде тонизирует. А мелисса — наоборот, успокаивает. Ее моя мама пьет на ночь.

— Баланс-чай. Предстоит трудный день.

В этот момент вошел Крыса, тоже в форме. Под мышкой он тащил такой же камуфляжный жилет, в руках держал два новых браслета — широких, без цепей и скобок.

Не успел я охнуть, как Петер быстрым движением разомкнул кандалы на запястьях, и груда металлолома брякнулась на пол. Какое наслаждение я испытал, потирая освобожденные руки! Это поймет лишь тот, кому довелось побывать в моей шкуре. Крыса быстро освободил мне ноги, и я будто заново родился.

Но радость продолжалась недолго. Онищук взял у Крысы новый браслет и бросил мне. Я на лету поймал его.

— Надевай манжету. На правую руку.

Металлическое кольцо легко растянулось, пропустив кисть, а

потом сомкнулось чуть выше запястья. Как раз над красноватой полоской кожи. Почти не давило — ощущалось как тесный рукав.

Вторую манжету Петер нацепил себе на левую руку и встал напротив меня.

— Смотри.

Он стал медленно поднимать руку с кольцом вверх. Когда она поднялась над головой, я ощутил покалывание под своим браслетом. Петер сделал шаг назад. Какая-то сила потянула мою правую руку вверх. Онищук отошел еще на шаг — руку будто подбросило, она поднялась над моей головой.

— Попробуй опустить руку.

Я попытался и ощутил сопротивление. Похоже на… что же это напоминает? Что-то из физики…

— Понял? Бесконтактные наручники: поле.

— Электромагнитное, что ли?

— Практически. Диапазон достаточный для нормального маневрирования, но далеко не отходи. В случае опасности держись четко позади меня. Все ясно?

Опасности?!

— Какой опасности?

Тем временем подошел безмолвный Крыса и принялся надевать на меня жилет — довольно плотный и тяжелый. Мне не приходилось раньше носить бронежилеты, но, ручаюсь, это он и был.

— Мы куда вообще?

— Скажем так. Мы идем за Всеволодом. Ты идешь с нами.

— Откуда такое доверие? — удивился я. Только что преступником считали — и вдруг на операцию берут, хоть и в браслетах.

— Во-первых, ты один знаешь его в лицо.

— А фотография?

— Да что фотография! А во-вторых… ну, тебе Главный лучше объяснит. Ты только там на месте ничего не спрашивай, не мешайся. Если надо, тебе все скажут.

Сплошная таинственность. Хотя, может, так и надо. Я не специалист.

Мы покинули камеру, знакомыми коридорами прошли к выходу и оказались во дворе. Дождь хлестал как из ведра, и мы припустили бегом к моторке. Там уже находился Артур и еще один незнакомый трибунальщик. Оба в такой же форме. Прямо спецназ… А только что средневековой инквизицией прикидывались. Интересно посмотреть на Первого в камуфляже. Оружия вот только у них не вижу. Впрочем, в моторке стоит подозрительный продолговатый ящик.

Крыса опустил тент, Онищук завел двигатель, и лодка отчалила. Никто не разговаривал, да и мне не хотелось влезать: передалось общее напряжение.

Мне показалось, что путешествие на этот раз было гораздо более коротким. Возле знакомого здания полиции дожидались два автобуса с такими же эмблемами «Т» на бело-синих боках. Мы сели в один из них, где находились Первый — в жилете, как у меня, — еще два серьезных мэна, одного из них я видел на допросе, и несколько молодых парней, тоже в жилетах.

В другой автобус запрыгивали бравые ребята в форме, как у трибунальщиков, но только в шлемах с прорезями для глаз. Точно спецотряд. У этих было оружие — короткие автоматы. Ох ты, как все круто…

Хорошо, что только наручники, а не ошейник. Я мог крутить головой и хоть что-то разглядывать. Ребятки действовали слаженно, я даже засмотрелся. Что-то продолговатое они уже спрятали, первый автобус тронулся, я вытянул шею и… Больше любопытствовать мне не дали — мягкая черная тряпочка на глазах быстро заслонила весь мир.

— Сиди тихо, — прошептал Петер мне почти в самое ухо.

— Я чувствую себя беспомощным.

— Ты в безопасности. И лучше тебе ничего не видеть…

— Что в ящике?

— И не спрашивать…

— А оно громко бабахнет?

Даже сквозь повязку я «видел», что Петер на полном серьезе рассматривает мои уши.

— Нет, не оглохнешь, — пробормотал он, — так сиди.

Автобус мягко тряхнуло, ориентацию в пространстве я почти потерял.

Подъем, снова подъем — довольно крутой, и спуск вниз, по брусчатой дорожке, с подпрыгиванием и набиванием синяков. Иногда автобус шуршал по мелким камешкам, иногда мягко катил по утрамбованному песку, но потом вновь начинались валуны, и меня начинало подбрасывать. Спускались по спирали, дождь стучал в стекла. Это ощущение: вниз и по кругу, да еще по кочкам, было не то что неприятным… Ненормальным.

— Как будто на северных оленях едем, — проворчал я.

— Рога только подобрать придется, — неожиданно резко сказал Петер. — Держись!

Чьи рога, куда подобрать — я не понял. Мысленно я уже нарисовал впряженных в наш автобус оленей со «схлопнутыми» перед узким местом рогами.

— Держись! — тупо повторил Петер, складывая при этом

меня пополам. Я уткнулся носом в колени и попытался выполнить приказ: ухватиться за что-то.

Бесполезно.

Нас тряхнуло еще раз, а потом автобус страшно заскрипел.

Завизжали дверцы, застонали бока, с ужасом разбежались лопнувшие стекла.

— Ногу подтяни, дурак! — вдруг заорал Онищук.

Я и так уже принял позу эмбриона, но левую ногу подтянул под сиденье.

И слева же вдруг потянуло свежим ветром.

А потом и справа. И подуло в уши. И стали громче все звуки. И… Все остановилось.

— Вольдемар — ас, — уважительно протянул кто-то сзади. — Посадил все-таки машину.

Остальные захлопали.

— Как второй автобус? — узнал я голос Циферблата. Почти без выражения, с требовательной скукой. Но с завязанными глазами все эмоции проявляются заметнее. Явно слышу, психует он. Что-то идет не так… Все идет не так. Я ль тому виной?

— Сплющило в жестяной лист, — это Главный. — Хорошо, Иохан сообразил команду «Прыгать» дать. Сейчас докладывает, что без жертв.

Дальше говорили приглушенно: «складка коллатерали», «могло всех размазать», «Вольдемар по оси тоннеля шел, сначала вверх понесло, потом сдержал и на посадке», «силен мужик». «Нет, опыт!»

И все стихло.

— Они куда? — спросил я.

Петер молчал. Судя по возне и мелодичному звяканью, пытался снять с себя браслет.

Ушел.

Что там за звуки? Выстрелы, никак? Что все свалили — и так понятно. А я тут сижу!

Я вытянул в сторону руку, но поймал лишь воздух. Стенки-то у автобуса нет!

Попробовать снять повязку?

Узел крепкий, но стянуть, стащить…

Уф, еле удалось. Я на миг зажмурился — непривычно светло, да еще и дует с обеих сторон, сижу, как в трубе.

Попробовал встать — закололо руку.

Второй браслет! Куда Петер прицепил его?

Я наклонился к переднему сиденью — колоть перестало.

Вот и браслет. Закреплен на ручке, составляющей одно целое со спинкой пассажирского сиденья. Сиденье пластиковое, в

верхней части спинки — специальная прорезь, чтобы можно было ухватиться. На этой верхней дуге спинки, предназначенной для стоящего пассажира, и красовалась вторая побрякушка.

Не понимаю, как Петер ухитрился надеть ее сюда? Кольцо сплошное, ключом не откроешь. Растягивается — да, но не размыкается же! Или как-то размыкается?

Я пытался раскрыть манжету и так и сяк, тянул во все стороны, даже сжимал! Эффекта никакого.

Как бы ее содрать…

Расплавить или размягчить пластиковую спинку, освобождая кольцо? Нет, нос обожгу.

Я похлопал себя второй рукой по карманам — тьфу, да и нет у меня зажигалки.

Как же сидеть неудобно. Откидываюсь назад — начинает щемить руку.

Положил ладонь на злополучное кресло — не болит, зато начинает затекать, неудобная поза. Но безопасная. И вообще — нечего ворчать, можно представить, что я держусь за эту ручку во время движения.

А представить трудно — автобус стоит, а стенок нет. Карусель в парке аттракционов.

Вместо машинок и корабликов — пластиковые сиденья.

Может быть, просто отбить эту спинку? Кресло впаяно в несущие металлические опоры, можно попробовать треснуть посильнее. И я выйду из автобуса, гордо неся перед собой эту спинку. Или зажать ее локотком, как мольберт… Забавное будет зрелище.

Но для начала надо ее отбить.

Хватит ли сил?

Я попробовал ее ощупать, вдруг где полая, туда и вдарю…

Пальцы проскользнули в трещину.

Ага, как бы нежно ни сажал Вольдемар автобус, а хлипкие сиденьица не выдержали, покоцались немного.

Я откинулся назад, отклонившись к проходу, насколько позволяла боль в руке, и ударил ногой по спинке, по краю щели.

Ручка, на которой висел браслет, раскололась. По этой трещине я потихоньку браслет и протащил.

Положил его в карман. Пригодится.

Повезло с трещиной, сам бы я справиться не смог.

Петер был уверен в надежности конструкции и не сомневался, что я тут тихо буду сидеть.

А я и буду тихо. Что мне, больше всех надо? Мне б найти Светку — и домой. А лезть и смотреть на драку… Не малолетний же я пацан. Там и шальная пуля задеть может. И осколок. Чего-

нибудь.

Лучше сидеть в микроавтобусе без боковых стенок, который покачивается вперед-назад на чем-то неустойчивом.

Что там у нас такое? Сложенный, как карточный домик, компьютерный стол.

А сам автобус стоит носом на ковролине офиса. Такую красоту только Шварц и Джеки Чан проделывают. Чтоб на любом транспортном средстве — вжих — и на первый этаж конторы. Нет, Конторы. Так и произносить: после паузы и с придыханием, чтобы все понимали, что Контора — с большой буквы.

Здесь на одном из уцелевших кресел и посижу, зачем мне глубже?

* * *

Забавное занятие — красться по коридору незнакомого здания. Мимо стеклянных стенок, мимо закрытых дверей, вперед, на приглушенный звук ругани и вспышки ярко-зеленого света. Ощущение, как в компьютерной игрушке. Вокруг происходит что-то опасное, а не страшно.

Лишь странные стоны.

Раненый лежал перед раскрытой дверью в большой зал. Я приподнял беднягу и прислонил к стене. Тот внимательно посмотрел мне в глаза и потянулся рукой во внутренний карман пиджака.

А парень-то не в камуфляже…

Я отпрыгнул, спрятался за опорную колонну. Не переставая стонать, он вытащил нехилую пушку и попытался направить ее в мою сторону, но не удержал и обессиленно выронил.

Я перешагнул через него и пошел вперед.

Первый зал пуст, второй — пуст, но оттуда хорошо было видно и слышно, что творится в третьем…

Я не люблю боевики. Они тупые и кровавые. И рассчитаны на неприхотливого зрителя, которому, кроме спецэффектов, ничего не надо.

В третьем зале грохали выстрелы. Бегали люди — наши, пятнистые, и ихние, в черном — охрана. Боже мой, это кого я уже считаю нашими?! Со звоном разлетались огромные аквариумы, на дорожку выплескивались водопады, вместе с рыбками, водорослями, ракушками… Все это трепыхалось прямо на полу.

Работники Конторы, люди, судя по всему, штатские, — испуганно скучились под столами.

Кто-то из стрелявших, вскрикнув, упал.

Внезапно грохот и беготня прекратились. Трибунальщики скрутили нескольких охранников и поволокли в соседнее помещение. Между рядами столов сновали серые тени: наш спецотряд методично обследовал шкафы, ящики и полки с личными вещами. Легко и грациозно, закинув оружие за спину.

Я стоял, не в силах двинуться с места.

Неожиданно рядом оказался Петер.

— Ну чего ты приперся? — сказал он с какой-то отрешенной интонацией. — А если бы зацепили?

Артура не было видно, как и Первого.

Да цел я, цел, и не потерял ничего.

Оставил в развалюхе пристегнутым, а теперь волнуется.

Петер вдруг посмотрел на меня заинтересованно.

— Пошли с нами, будешь представителем…

— Чего?

Петер кивнул высокому парню в черной маске и взмахнул рукой, словно ковшом экскаватора, собирающегося зачерпнуть невидимый грунт.

Парень обернулся и повторил жест. Ребята в камуфляже перегруппировались: несколько человек остались в зале, а четверо, включая высокого, ухватили за ручки тот странный предмет, который давно уже меня нервировал.

— Так что представлять-то надо?

— Мир ваш, рай бензиновый, — отмахнулся Петер. — Слышал про такое правило: «без представителя не вскрывать»?

Стало совсем неуютно…

— Кого не вскрывать? — почти прошептал я.

— Тьфу ты, пропасть! Да не «кого», а дверь. Без представителя наши действия будут считаться взломом.

Я хорош, хорош…

Вспомнились старые итальянские комедии, в которых герои таскали с собой старичка на инвалидной коляске. То бумаги подписать, то главного злодея опознать… Только у старичка в коляске был спрятан автомат да еще пара гранат — под пледом. Ну я тоже экзотично смотрюсь, все в камуфляже, а я в джинсах.

Так, организованной компанией, спустились мы в подвал по лестнице, да по пандусу, да еще за угол…

Вот умники, кто так прячет? У нас на фирме начальник кухню среди рабочих кабинетов прятал, так ни в жизнь не найти.

А тут чуть ли не стрелочки висят: тайник внизу.

Во-первых, выход на эту лестницу с кодовым замком, а остальные вообще не заперты.

Во-вторых, сама дверь в подвальное помещение «космическая» серебристая, щелей нет, сверху лампочки, с двух

сторон камеры наблюдения. И мерцание перед ней еле заметное. Не знаю, что за поле, но соваться не рискнул бы.

Двое бойцов к ней подбежали, встали слева и справа, полупригнувшись…

Третий напротив, с маленькой коробкой в руках.

— Раз-два, гаси!

Легкая вспышка, в воздухе разлетелись серебряные «медузы», марево исчезло.

Бойцы подпрыгнули, сноровисто похватали «медуз» и запихнули их в коробку.

На тему «Охотников за привидениями» я зубоскалить не стал, не смешно. Руки у бойцов в блестящих перчатках, не сомневаюсь, что твари эти ядовитые. Одна из них полетела в нашу сторону, и Петер, не церемонясь, пригнул мою голову.

— Химия?

— «Бабочкина ртуть». Вещество, не имеющее состояния. Не твердое, не жидкое, не газ… Яд, растворяющий биомассу. Многие считают, что оно само живое. Использование запрещено, вывоз и вынос невозможен. — Из-за моей спины вышел Артур. Говорил спокойно — хорошо владел собой.

— Однако ж вынесли и вырастили, — нахмурился Петер.

— Они ответят за все, а за «Бабочек» отдельно. — Еще один тихий и нетерпеливый голос. Первый.

Я тоже выпрямился и выпятил грудь. За компанию.

Петер еле сдерживается, хоть по лицу эмоций не начитаешься.

Крыса злорадствует.

Циферблат затаился, но видно, готов весь мир скомкать, чтобы увидеть, уничтожить то, что за дверью…

Артур спокоен. Но так спокоен, что хочется держаться от него подальше. Это мнимое затишье.

И все почти не дышат.

Черный параллелепипед поставили перед дверью, двое в камуфляже снимают с него чехол.

Ровное гудение, жужжание, жужжание с визгом и писком, выше, выше…

Хоть уши зажимай! Вот-вот отвалятся…

Из стены вокруг двери аккуратно попадали кирпичики. Прямо к нашим ногам. Какие-то близко, какие-то долетели почти до пандуса. Как в сказке про козла и забор вокруг огорода: дверь на месте, а стены нет.

— Давайте сюда господина Латушкина, — проговорил Первый. — Пусть проходит внутрь, следом Пелганен, потом Онищук. Там передадите ему протокол, пусть подпишет и

отойдет в угол. А вы приступите к осмотру. Артур будет диктовать, а Петер писать.

Меня подтолкнули в спину.

Пыль еще висит, не видно ничего. Не споткнуться бы…

— Может быть, стоит включить вентилятор? — спросил кто-то из трибунальщиков.

— Микроклимат нарушим, — вздохнул Первый. — Пусть идут осторожно.

Да, спасибо, хороший совет. Я чуть было не ударился о черный параллелепипед. Интересоваться, выключили они свою жужжалку или нет, не стал. Лучше мне не знать, а аккуратненько обойти ее справа…

Переступить через обломки стены, не чихнуть, не чихнуть, как же чешется нос, Ап… Ап… Ап…

Резкий тычок в спину.

— Не вздумай! — Артур хладнокровен, но безжалостен.

Чихать расхотелось, видно, выбил пыль обратно.

— Подпиши.

Бумага и перо в руках, что там подписывал — не знаю. Возможно, приказ на самоликвидацию, но в тот момент мне хотелось только одного: скорей, скорей на воздух!

Я едва успел разглядеть агрегат, напоминающий то ли компьютер, то ли аппарат УЗИ.

— Время: тринадцать пятнадцать. Начало осмотра. В комнате находится неизвестный предмет цифровой техники, состоящий из… — Артур проследовал в центр комнаты.

— Не трогай ничего, паленый феникс!

Артур дернулся. Я не поверил своим глазам: этот хладнокровный трибун может чего-то испугаться?

Он обернулся и посмотрел на толстого человечка, скатившегося по пандусу вниз.

— Да, я тебе говорю! Не трожь! И вообще — убирайся! И все убирайтесь, что за самоуправство. Тонкими вещами мы здесь занимаемся, не для носителей вязанок дров и поджигателей…

— Простите, господин Лебедев, но мы должны разобраться с этим предметом, — твердо сказал Первый.

— Не прикасайтесь! Сейчас я подойду и сам включу, вы можете его испортить!

Он засуетился, проскочил по кирпичам к стене и неловко задел ящик со стеносносом. Попал прямо ногой в петлю провода, как заяц в капкан. И полетел на пол.

А длинное жужжащее орудие, напротив, поднялось.

И само застрекотало.

— Бежим! — крикнул кто-то из бойцов.

Орудие было направлено почти вертикально вверх.

В потолок, который тоже кирпичный. Прямо над Главным дознавателем.

Я понял, что сейчас произойдет, и прыгнул к Артуру.

Едва успел оттолкнуть его. Не устояв на ногах, он рухнул на пол. Я упал сверху и закрыл голову руками…

С потолка полетели кирпичи. На нас, на Лебедева, на Первого, на Крысу…

Я был уверен, что выжили в этом кирпичепаде только мы двое.

* * *

— Станислав, ты меня слышишь? Можешь двигаться? — голос Онищука прозвучал над самым ухом. — Отпусти Артура, разожми кулаки, вот так…

Я послушно встал.

Посреди помещения высилась огромная гора битого кирпича.

Онищук присел рядом с Артуром и бережно приподнял его голову.

— Ничем тебя не возьмешь, ни огнем, ни кирпичом, — с облегчением засмеялся он и добавил уже мне: — Спасибо!

Артур открыл глаза и перевел взгляд с Петера на меня.

— Живы? Кто?..

— Ребята отскочили. Там остались Крыса и…

— …и Первый?

В голосе Артура прозвучало столько боли, что я вдруг понял, как эти люди привязаны друг к другу.

— Сейчас разберут завал, но он стоял в самом центре… Встанешь?

Артур поднялся на ноги, застонав.

— Задело немного. Что же они медлят? Если еще можно успеть…

— Вряд ли…

Трибунальщики быстро разгребали кирпичи.

Дальний край кирпичной кучи зашевелился, мелкие осколки поползли вниз, и мы услышали ядреное чертыханье.

Из горы показались ноги и край черной накидки. Крыса.

— Алекс, осторожно! — Петер бросился к нему.

— Подержите дверь, — прокряхтел Крыса. — Там этот еще… Ругается, гад.

Я тоже подскочил к ним и ухватился за край сорванной двери. Под ней, как под крышкой подвала, осталось свободное

пространство. Оттуда уже выбрался Алекс-Крыса, а следом тащился Лебедев.

Матерился и в самом деле отчаянно. Причем направленно: в адрес Циферблата в основном, но и Пелганену досталось.

— Вы за все ответите, за все! Маньяки! Инквизиторы! Дремучие дикари!

Дверь сдвинули, Крыса схватил Лебедева за шиворот и потащил. Откуда только силы взялись?

Тот с гневом стряхнул руки спасателя.

— Отпусти, придурок. Я сам. Черт, мои ноги! Дай руку! Да не ты, тьфу, вон ты, да, чего смотришь? Тоже рад? Вместе с этими? За сколько они тебя купили? Или ты тоже «за идею»? — последние два слова были произнесены на редкость мерзким тоном.

Бешеные глаза, искривленные в гневе губы, обрюзгшее лицо в крупных складках. И безвольная потная рука. Даже прикасаться не хочется. Онищук с Крысой нацепили на Лебедева мои браслеты и оттащили его в сторону.

…Первый лежал под завалом.

Его вытащили из-под битого кирпича, стряхнули с лица пыль, Артур бросился к нему, пытаясь что-то сделать…

— Оставь… — Петер положил ему руку на плечо. — Максу уже не до нас. Первый судья теперь ты.

Он тяжело вздохнул и отошел.

Артур все держал Циферблата за руку…

— Здесь скоро будет милиция из «бензинового рая», — злорадно заметил Лебедев. — Они за ваше самоуправство быстро расквитаются.

— Заткнись, гад! — рявкнул всегда такой спокойный Онищук. — А то хребет перебью!

И в этот же миг помещение вновь наполнилось людьми.

Артур очнулся и кое-как встал на ноги.

— Продолжайте осмотр, — скомандовал он. — Этого — уведите. К нам.

Говорил он достаточно спокойно, но я представил, сколько скрывается под этим «к нам».

К нам — в Лабиринт.

К нам — в Трибунал.

К нам — в подземелье.

К нам — на суд.

К нам — за расплатой.

Не хотел бы я оказаться на месте Лебедева…

— Что его ждет? — потихоньку спросил я Петера.

— Циферблат бы портировал. А Артур в живых оставит.

Займет «общественно полезным» трудом, — сплюнул Петер.

— …Группа тоже может возвращаться. Оставьте двоих людей на поиски Дэна Щемелинского и двоих для Всеволода Сергиенко. Онищук — проследи, чтобы у шефа… — у Артура снова предательски дрогнул голос. — Была достойная дорога до дома. Алекс — отправляешься назад с группой, отвечаешь за доставку Лебедева. Станислав, а ты… свободен.

* * *

Свободен я, как же.

Убитый горем Артур — честное слово, не шучу — не сообразил сразу, что два, даже четыре человека в чужом мире не найдут абсолютно ничего. Их навороченная поисковая система у нас не работала.

Конечно, я никуда не пошел. Андрей ведь неизвестно где, и я за него волнуюсь, черт возьми.

А тут еще местная секретарша Лена добавила шороху. Узнав, что мы ищем парня по имени Андрей, работавшего в Конторе, она рассказала мне совершенно экшеновую историю. Оказывается, Андрюха за какой-нибудь час до нашего прихода устроил тут грандиозный пожар. Ностальгия по кострам замучила, что ли? Прибор хотел сжечь, не иначе. Вызывали МЧС, ментов, короче говоря — творилось тут нечто неописуемое. И как только мы с ними не столкнулись! Сам Андрюха сбежал на машине, и Лена ему в этом помогла.

Джеймс Бонд, мать его…

Я поделился этой историей только с Артуром. Мало ли чем все закончится, зачем зря будоражить людей.

Уговорил бывшего шофера Лебедева — Колю — помочь, и на квартиру к Андрею мы на всякий случай сгоняли. Трибунальский спец даже осторожно вскрыл замок. Естественно — никого.

Ну и где теперь искать? В милиции? В канаве? По дорогам страны? Мобильник, конечно, не отвечает, знакомых тут у него нет…

Надо было что-то придумать, но в голову ничего не лезло. На Артура лучше вообще не смотреть, выглядит измученным и как будто постарел лет на десять.

…А вот Дениса Щемелинского нашли очень быстро. В морге судмедэкспертизы. На опознание ездили втроем — Эдуард, Петер и я, как местный. Не знаю, как они там договаривались о выдаче тела. Как вообще можно решать такие вопросы с представителями других миров? Но как-то все устроилось, меня не посвятили.

Несчастливый выдался день. Вернее, вечер, почти уже ночь.

Проход между мирами зиял открытым. Перегородку мы повредили, еще когда приземлялись, а взрыв снес ее окончательно. Народ на той стороне просто разбежался, хорошо, что не задели никого.

Циферблата унесли, группа, приведя здесь все в относительный порядок, отправилась восвояси.

Портальщики с разрешения Артура забрали прибор, чтобы провести у себя в институте полный анализ. Раненых охранников отправили к эссенциалистам, часть служащих Конторы арестовали, остальных отпустили по домам. Эдуард уехал заниматься похоронами, и только мы втроем — Артур, Петер и я — сидели в Конторе и куковали, ломая головы, что делать дальше. Петер специальной штуковиной зарядил мне аккумулятор в мобильнике, и я догадался позвонить Светиным родным, сообщив, что все в порядке и завтра дочь, сестра и мать вернется домой. Подумав, я спросил: как там Катя. «Спит», — удивилась Светина мама.

Ребенок на месте, мир все тот же. Значит ли это, что мы еще когда-нибудь увидим Андрея?

Ночь все тянулась, пока тишину не разорвал телефонный звонок…

ГЛАВА 10
Стечение обстоятельств

Андрей плыл какое-то время под водой. Когда воздуха не хватало, выныривал, делал очередной вдох и вновь погружался. Наконец совершенно обессиленный нащупал ногами дно. Бредя по шею, потом по грудь, по пояс, по колено, заковылял через камыши к высокому берегу.

Недалеко от воды, с тремя палатками, гитарой и костром — все, как положено туристам, — расположилась молодежь. Две девушки и шестеро парней, двое из которых — совсем юные подростки. Появления Андрея прямо из реки в прилипшей к телу набухшей одежде восприняли неоднозначно.

— Ой, блин, гляньте, хрен какой тащится! — заверещал стриженный чуть не наголо очкастый мальчишка, тыча пальцем в сторону пришельца.

— Обдолбанный небось, — подхватил парень с гитарой.

— Да вы что, ребята, может, ему помощь нужна! — забеспокоилась одна из девушек, платиновая блондинка, вытягивая шею.

— Может, ты и займешься? — с подозрением спросил ее кавалер, швырнув в кучу мусора банку из-под пива.

Андрей с трудом вылез на берег и подошел к костру.

— Ребята, извините. Мне только обсохнуть. Не помешаю?

Он присел у огня, протягивая руки.

— Вроде не «нарик», — пробурчал любитель пива.

— Да снимай все, девчонки отвернутся, — миролюбиво предложил гитарист.

Секунду подумав, эссенс стал расстегивать рубашку.

— Андрей? — вдруг неуверенно окликнула его девушка, та самая, которая хотела помочь.

— Да… Мы знакомы?

Эссенс перевел взгляд на девчонку, силясь припомнить. Голова очень кружилась.

— Я Вера. Помните, в парке? Вы еще с другом были и с братками дрались.

Все посмотрели на Андрея с любопытством, и только спутник Веры — с неприязнью.

— А… да, да. А вы там…

— Гуляла! — поспешно закончила Вера. Ее тогдашнего увлечения не было среди собравшихся.

Андрей стянул мокрую рубашку и повесил на нижнюю ветку

ближайшего дерева.

— Что ты в реке-то делал, орел? — со все возрастающим подозрением спросил новый кавалер Веры.

— Не поверите, — усмехнулся эссенс, усаживаясь к костру. — От милиции убегал.

— Ы-ы-ы!

— Что, правда? — понеслось со всех сторон.

— Не люблю ментов! — сквозь зубы процедил парень с гитарой.

— Я тоже… не очень, — улыбнулся Андрей.

— Да ты брюки-то сними, не стесняйся. Пацаны, притащите ему спальник… — кивнул гитарист подросткам. Те кинулись в палатку.

Андрей поднялся было, резко выпрямившись, но в этот момент силы окончательно оставили его, и он рухнул в нескольких сантиметрах от костра.

— Ох ты, блин, не было печали… — Музыкант бросил гитару и кинулся к упавшему.

— Бедняжка…

— Вот на нашу голову подарочек, — загалдели вокруг, окружая Андрея.

— Народ, гляньте! Менты! — крикнул один из пацанов, тащивших спальник.

Действительно, вдоль берега неторопливо двигалась бело-синяя «десятка».

— Не люблю ментов! — зло повторил гитарист. — Так. Давайте в палатку этого… Андрея. А ты, Верка, рядом ложись и обнимай его. Спальником только накройтесь.

— Да я… — начала было Вера, но ее никто не слушал. Авантюра всем понравилась, даже ее кавалеру. Эссенса поспешно перенесли в палатку, девушку втолкнули следом.

Когда подоспела милиция, картина была более чем безмятежная.

Вокруг уютного… мангала расположилась культурная молодежь.

Белобрысый парень бренчит на гитаре, еще четверо нестройно подвывают. Чуть в стороне к кусту жмется парочка. Мусор сложен в огромный непрозрачный пакет.

Идиллия.

— Я любил и ненавиде-ел… А теперь душа пуста-а-а! Все исчезло, не оставив и следа! — орали парни.

Очкастый мальчишка отбивал такт двумя деревяшками.

— Так, ребята, заканчиваем музыку! — стараясь казаться суровым, заявил младший мент. — Вы тут мужика не видели?

Гитара смолкла.

— Какого мужика? — За всех спросил кавалер Веры.

— Мокрого такого. Никто не подходил? — продолжил второй милиционер.

— Нет!

— Не-а!

— Не было никого! — на разные голоса затянули присутствующие.

— А в палатке кто? — спросил лейтенант больше для проформы. Он не верил, что они найдут беглеца.

— А там моя сестра с женихом! — не моргнув глазом ответил кавалер Веры.

— Попросите их подойти сюда! — потребовал второй мент.

— Э… ну… вы понимаете, момент несколько… неподходящий, — картинно развел руками «брат» Веры.

У палатки и в самом деле явственно подрагивали стены.

— Нашли время трахаться! — буркнул лейтенант, отворачиваясь.

— Да они же никому не мешают!

— И ничего не нарушают! — раздались голоса.

— А ну, документы! — рявкнул старший мент.

Молодежь с готовностью полезла в рюкзаки.

Все присутствующие оказались гражданами России и с московской регистрацией.

— Ладно, хрен с ними, пошли! — вздохнул старший.

Как только машина скрылась за деревьями, из палатки выскочила Вера.

— Уехали? Ф-фу-у! Я вся перетряслась!

— Да ладно! Небось нехило перетряслась! — заржали парни.

У Вериного кавалера звякнул мобильник. Он отошел посмотреть сообщение.

— Да ему плохо совсем! Повезу-ка я его домой! — говорила в это время девушка.

— Может, лучше в больницу? — с сомнением отозвался гитарист.

— Да он без документов, кто его примет…

— Ну «Скорая»-то возьмет…

— Нет, лучше ему в тепле полежать, в спокойной обстановке! — уверенно заявила блондинка.

— Помочь? Давай до «мерса» донесем, — неожиданно предложил ее вернувшийся парень. — Помогайте, ребята!

— Н-ну..

— Поможем, конечно… — обескураженно откликнулись несколько голосов.

Толпа ринулась в палатку. Андрея дружно подхватили и понесли к машине. Вера семенила следом.

И только когда «Мерседес» отъехал, гитарист многозначительно покрутил пальцем у виска:

— Женек! Ты че?!

Женек выхватил мобилу и яростно по ней застучал.

— Да у меня — жена! СМС прислала! Она с дитем сегодня из Анапы возвращается, я их встретить должен в аэропорту. А Верка мне голову заморочила, я и перепутал, думал, что завтра…

Он подхватил рюкзак и ринулся складывать палатку, бросив на ходу:

— Пока, ребята! Полетел я…

Остальные вернулись к мангалу.

— Давайте допоем, что ли? — предложил гитарист.

Все согласились.

Вновь зазвенели струны, а над рекой понеслось:

— И не знает боли в груди осколок льда-а-а…

* * *

По дороге Вера заехала на заправку.

Когда она выходила из машины, Андрей пришел в себя, спросив, где находится.

— У нас бензин кончился, я сейчас, — проворковала девушка, со смесью жалости и обожания глядя на эссенса.

— А… — сказал Андрей и снова уронил голову на спинку сиденья.

Наливая полный бак, Вера с беспокойством поглядывала на не подающего признаков жизни мужчину. Уж не поторопилась ли она? Может, прав был Юрик-гитарист, надо было отвезти Андрея в больницу и не мучиться?

На подъезде к городу попали в пробку.

— Ой, ну что такое! — захныкала Вера, отчаянно давя на клаксон.

— Чего сигналишь, дура! И так тошно! — заорали со всех сторон. Она обиженно надула губы и подняла стекло.

Выходные, ничего не поделаешь…

— И поговорить-то не с кем, просидишь в этой пробке до ночи! — упрекнула Вера Андрея. Он не услышал ее и не ответил.

— С мужем поссорилась, Лешка в командировке. Лучше б я с Женей осталась!

Вера заламывала руки, проклиная проблемы на дорогах и злую судьбу.

Пока ползли черепашьим шагом, — стемнело.

Андрей еще пару раз открывал глаза, бормоча что-то невразумительное.

В тот момент, когда спасительница почувствовала себя полностью несчастной, застрекотал сотовый.

Звонил уехавший на дачу муж.

Обрадованная Вера нажала кнопку.

— Да, Пашенька?

— Верунчик! Прости меня, а? Я был не прав. Все моя глупая ревность, но ты же знаешь, как я тебя люблю! Давай мириться!

— Да! Да! Давай! — почти закричала девушка с облегчением. — Я тебя тоже очень, очень люблю!

Слава богу! Не придется коротать вечер в одиночестве.

— Я сейчас приеду! — обрадовался Паша.

— Нет-нет! — испугалась Вера.

Надо было сначала решить проблему с Андреем.

Неизвестно, каким образом…

— Почему? — удивился муж.

— Я тут в пробке, Пашенька! Меня нет дома! Давай я сама приеду? Собственно, я уже еду! — застрекотала девушка, не давая мужу опомниться.

Наконец машины тронулись.

— Едешь? Ко мне? Да ты моя прелесть! — растаял Паша.

Вера ехала в противоположном направлении.

— Только тут очень-очень большая пробка! Встала, как проклятая! — продолжала кричать Вера, влетая в город на скорости сто километров в час.

— Ничего, дорогая. Я пока…

Связь прервалась.

Вера проехала развилку и остановилась у обочины.

Она перегнулась в промежуток между передними сиденьями, пытаясь растормошить эссенса.

— Андрей! Андрей, проснись! Ты где живешь?

Андрей лежал, как мертвый.

Вера задумалась.

…Тогда они подвозили Стаса. Где обитает Андрей, осталось неизвестным.

А Стас живет на улице Юности, в новой высотке…

Вера еще не приняла никакого решения, но ключ в зажигании уже повернула.

Выехала на центральный проспект, затем — на улицу Юности. Отвезти Андрея к Стасу проще, чем подвозить в больницу. Там не избежать объяснений.

Квартиру она, конечно, не знает. Знает лишь то, что Стас

живет на последнем этаже.

Но в башне не меньше четырех квартир на площадке. На что она надеется?

Вот и дом. Вера завернула во двор, к самому подъезду.

Остановив автомобиль, вновь взглянула на Андрея.

Все глухо.

Она вышла из машины и задрала голову.

Вон он, последний двадцать третий этаж. Замок на входе, конечно, кодовый.

Время позднее, и вероятность, что кто-то выйдет или войдет, — призрачно мала.

«Думай, Вера, думай»! — энергично потирая виски, забормотала девушка.

Вспомнила! Стас говорил, что с балкончика видно новый город. Значит, две квартиры отпадают: из их окон четырнадцатый-двадцатый районы не увидишь…

Вера нерешительно подошла к двери.

«Квартиры 1 — 192», — прочитала она.

Разделить в уме сто девяносто два на двадцать три было делом нереальным. Пришлось действовать методом подбора, и «четыре» через несколько минут получилось.

— Значит, сто девяносто первую и сто девяносто вторую, без вида на новые районы, отметаем… Остаются две…

Вера отошла на несколько шагов и еще раз задрала голову.

Ну да, все правильно. У тех окна на правую сторону, а надо — на левую…

Если, конечно, расположение квартир по часовой стрелке. А то сейчас строят так, что…

И время — двенадцатый час. Люди ведь и спать могут.

Вера на секунду зажмурилась, потом решительно вернулась к подъезду и набрала «189». Она готовилась услышать долгие гудки, а потом сонное бормотание и отборную ругань.

«Если не получится, поеду в больницу», — вздохнула девушка. Времени мало, Паша опять начнет подозревать ее во всех смертных грехах…

— Да-а? — услышала она довольно бодрый мужской голос.

— Здравствуйте! Я ищу Стаса!

— Его дома нет, — заявил тот же голос.

Какая удача! Она угадала квартиру! С первого раза! Но что дальше?

Что делать?!

— Ой, мне он очень, очень нужен! Вы даже не представляете — как!

— А вы кто?

— А вы?

В домофоне хрюкнули.

— Его брат!

Вера на миг запнулась. Братья ведь могут и не знать всех приятелей друг друга.

— Понимаете, у меня тут… проблема. Тут его друг, в машине, Андрей. Вы знаете Андрея?

Домофон задумался.

— По-моему, нет. А что случилось-то?

Вера в отчаянии топнула ногой.

— Да разве сразу объяснишь…

— Поднимайтесь! — согласился брат, домофон запиликал. Вера потянула за ручку и проскользнула в подъезд.

Скоростной лифт быстро домчал ее на последний этаж. Дверь квартиры «189» была приоткрыта, из нее выглядывал молодой светловолосый парень в очках, весьма похожий на Стаса.

— Заходите…

Вера вошла в прихожую, здороваясь с высокой, довольно полненькой темноволосой девушкой.

— Понимаете, там внизу друг Стаса. Он без сознания и не может сказать, где живет. А мне домой надо, меня муж ждет…

Кирилл мало что понял из этой каши, кроме одного: Стас действительно не помешал бы.

— Сейчас я ему наберу, — прервал он Верины причитания, вынимая телефон. Все с надеждой ждали.

— Короткие гудки! Это уже что-то. Четверо суток был недоступен… Пошли посмотрим на этого Андрея.

Вера, Кирилл и девушка спустились во двор.

В машине, которую Вера даже не закрыла, все так же полулежал на заднем сиденье эссенс.

Кирилл распахнул дверцу и просунул голову в салон.

— Поджатый, что ли?

— Нет, он трезвый. Он… чуть не утонул. Я его не очень хорошо знаю, всего один раз видела со Стасом…

Стаса, впрочем, Вера видела ничуть не больше.

— Я бы его в больницу отвез. Сейчас еще раз попробую Стаса набрать…

Кирилл снова поколдовал с телефоном и через некоторое время уже орал в трубку:

— Ну где тебя носит, а? Да щас еще, очень надо мне волноваться. Тебя здесь девушка ждет и парень…

— Андрей, скажите, что — Андрей, — Вера прыгала вокруг, пытаясь крикнуть прямо в телефон.

— Да не знаю я его, Андрей какой-то… Андрей, да… Да чего

ты орешь, кретин? Приезжай и забирай своего друга, ты где? А… Ну, давай, ждем. Сейчас будет, минут через пятнадцать…

Последнее было сказано уже Вере.

…Когда ровно через четырнадцать минут к подъезду подлетела зеленая «Мазда» одного из служащих Конторы, доставившая Стаса и Артура, Андрей был еще жив.

ГЛАВА 11
Рождение и смерть

Нить за нитью, за цветом цвет, радугой — бесконечность,
И становится тканью свет, сея себя беспечно…
Нить за нитью, за стоном стон, мягкий узор вплетаю,
Станет частью живого он, центром, началом и краем…
Нить за нитью, за гранью грань плавно перетекает,
Нет таких глубоких ран, что терпением не сшивают…
Мир за миром, за нитью нить, путь в лабиринте снов.
Тот, кого нельзя воскресить, может родиться вновь.
Нить за нитью, плетется шелк, волшебен его узор.
За плотиной речной поток, спокойствие вечных гор,
Сила того, что не дать не мог…
Жизнь — это просто шелк…[1]

…Мы привезли Андрюху в абсолютно бессознательном состоянии, я даже подумал — все, не успели. Не было ни пульса, ни дыхания, и Петер — я видел — открыл уже рот, чтобы сказать, что…

Но Артур заявил, что ему наплевать. Он — Как был, в камуфляже — уселся перед лежащим на полу Андреем в позу лотоса и соединил руки над головой. По его телу словно пробежала молния. Электрический разряд. А потом в правой руке откуда-то появился длинный тонкий предмет. Словно светящийся луч. И он этим лучом…

Уверяю вас: зрелище не для слабонервных, когда человека на твоих глазах прошивают насквозь. Никаких нитей на этот раз я не видел, зато луч в руках Артура так и мелькал, проходя через бездыханное тело эссенциалиста.

Чисто фэнтези…

И хотя маг молчал, я слышал его слова про шелк…

А потом — клянусь, не вру — услышал уже два голоса.

«Что ты видишь»?

«Горы, черная-черная вода и белые лотосы. Я плыву»…

«А сейчас»?

«Ночное небо и месяц. Пытаюсь достать его…»

«Что слышишь»?

«Серебряный песок пересыпается в часах…»

«Где ты»?

«Не вижу себя…»

«Смотри лучше, ну»!

«Я — песок…»

«Хорошо. Дальше?»

«Горы сомкнулись в кольцо».

«Что внутри кольца?»

«Город. Лабиринт».

«Какого цвета?»

«Бирюзовый. Бирюзово-серебристый».

«Как тебя зовут?»

«Андрей».

«Хорошо, Андрей. Здесь Артур, возвращайся».

Андрей открыл глаза.

— Ура-а-а! — грянул ликующий вопль сразу нескольких голосов.

Артур. Петер. И я.

И Андрей.

Когда он очнулся наконец, с меня такая тяжесть свалилась!

Андрюха — менеджер, спортсмен, любитель музыки, кумир девчонок. Эссенциалист.

Мой друг.

Артур возился с ним час или больше, «сшивал паутину», как он сказал. Вязать узлы нельзя, можно только вплетать нити. С самого Артура градом льется пот, но счастлив, как ненормальный. Нарушил он Стандарт или нет — теперь уже неважно.

Не у кого спрашивать…

Андрей мне тоже ужасно обрадовался. Да и не только мне. Он, кажется, упивался сознанием того, что просто живет, все время тряс нам с Артуром руки и твердил: «Спасибо, парни!»

Мы с Главным — вернее, уже с Первым, — переглянулись. Спасибо? А ведь без нас…

* * *

— Без тебя Сева Сергиенко бы просто исчез. Растворился в космосе. И Андрей бы никогда не возник, — сказал он мне, когда мы уже под утро, пересказывая друг другу свои приключения, стояли у окна и курили. Закуришь тут, после всего пережитого…

— Так это не столько благодаря мне, сколько — Дэну…

— И Денису я благодарен, — тихо и серьезно сказал Андрей, затянувшись, — что бы там ни было. Ты знаешь, он… Он меня сделал таким… Не только он, вы все. В общем, сейчас я лучше,

чем был Сева.

— Ты так думаешь?

— Да.

Петер чуть не силой уволок Артура спать. «Завтра тяжелый день, — сказал он и был прав. — Все выяснения — потом».

Возле прохода выставили охрану, обязав пропускать нас в оба мира. А мы остались на перекрестке ждать рассвета. Нам еще так много надо было рассказать друг другу…

* * *

Следующий день выдался уже по-осеннему холодным.

С утра хоронили Дэна на кладбище в Рожках. Петер с Артуром предлагали переправить тело в Лабиринт, но Эдуард, покачав головой, сказал: «Нет».

— Мой сын выбрал Долину. Вряд ли он хотел бы вернуться обратно.

Как оказалось, Дэн был еще и протестантом. Что-то типа лютеранина, насколько позволяют судить мои скудные познания в религиоведении. Во всяком случае, Эдуард из немногочисленных церквей нашего городка для погребальной службы выбрал кирху. Православные храмы сразу «забраковал», про католический сказал: «Близко, но слишком помпезно». А других я и не знаю поблизости. И не в мечеть же его вести! Вроде не похож на мусульманина.

Народу в церкви было немного: родители Дэна, мы с Андреем, Петер, Крыса, еще один трибунальщик, Лена, директор института, где раньше работал Дэн, еще двое портальщиков и Артур. И Ксана. Андрей сказал, что ей нужно обязательно сообщить.

Света осталась с ребенком и с нами не пошла. Да и не нужно.

Я не хожу в церковь. И в бога-то, наверное, не очень верю. Но служба произвела впечатление даже на меня. И священник, и музыка, и высокие своды, и этот пробивающийся сквозь витражи луч…

— …Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти — дня рождения…

Ох, даже не знаю, как обстоят дела с добрым именем усопшего. Но кое-чего он добиться успел, не отнять.

Лабиринтяне, все как один, — не считая матери Дэна, конечно, — были в костюмах с галстуками. Видимо, чтобы не шокировать местное население трибунальской формой.

Женщины плакали, мужчины, кроме эссенциалистов и меня,

крестились. Интересно, у эссенсов свой бог?

— …Лучше ходить в дом, плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу…

Не хочу богохульствовать, но насчет «лучше», признаться, не согласен.

Среди присутствующих я оказался единственным человеком, не знавшим Дэна при жизни, хотя он мою жизнь изменил очень круто.

Я смотрел на него и думал: что было бы, будь он сейчас жив? Жалел бы о содеянном? Вероятнее всего — нет…

К сожалению, я уже не смогу ничего спросить у этого человека.

— …Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше…

Ну, может быть. Им виднее.

…Кладбище утопало в цветах. Одни тюльпаны. Дэн любил тюльпаны, оказывается. Откуда они их столько взяли, в конце сентября? Из Лабиринта, не иначе. И Андрей, кажется, переживает ничуть не меньше других.

Мы попрощались с Дэном и покинули кладбище. У самого выхода к Андрею подошел Эдуард Щемелинский. Я не слышал вопроса, но прекрасно разобрал ответ эссенциалиста:

— Этот прибор мы делали для людей Долины. И сделали бы снова.

— Спасибо тебе, Андрей…

Про пожар, как я понял, эссенс решил тактично умолчать. Ну и правильно, одним идеалистом больше будет…

Дэн остался в нашем мире.

«Щемелинский Денис Эдуардович, 1977–2008», — гласит надпись на табличке. Позже здесь будет памятник — два соединенных гармонитовых шара.

* * *

А вечером в последний путь провожали Циферблата.

Это была совершенно другая церемония.

Огромное количество народу собралось во дворе замка. Да-да, я тоже был там. Артур просил меня на первых порах не оставлять Андрея в одиночестве. Подстраховывался. Да и не мог я не прийти.

Ни особой любви, ни ненависти я к Максу не испытывал. Разве что — мы вместе были в том подвале…

Я чувствовал… важность момента. Переломного момента для всех нас. И как оказалось потом — для миров тоже.

И Светка там была. Сказала: чувствую, что должна. Катю оставили с мамой Артура. Да, у Артура тоже есть мама, как у всякого простого смертного.

Трибунал присутствовал в полном составе.

Эссенциалисты в огромном количестве — знаю, потому что они пришли со значками. Добрая треть присутствующих, на груди которых отсвечивало пламя. Но о пламени — позже. А ведь еще какой-то процент был без значков. Бывшие…

Явился кто-то из правительства: организация, которую возглавлял Циферблат, играет не последнюю роль в жизни страны…

Трибунальщики прицепили к воротникам белые полоски. Оказывается, это означает траур, а вовсе не руководящую должность. А я-то гадал, почему форма Артура, когда он еще был Главным, отличается от остальных, а одеяние Первого — нет. И сейчас, уже в должности Первого судьи, Артур со своими белыми полосками ничем не отличался от остальных.

Репортеры — в Лабиринте они тоже есть — пытались прорваться, но впустили только одного. Какая-то суперчестная местная газетка… Интересно, я попаду на снимок в периодике Айсбурга?

Конечно, были жена и дочка — красивая дочка у него — и Эдуард стоял рядом.

Вот уж кому я больше всех сочувствовал: сын, а потом лучший друг… Мужик-то он сам вполне ничего, порядочный…

Цветов не было, каждый брал на входе круглую горящую свечку на плоской подставке. Подставку надо было оставлять себе. А свечки ставить на помост, вокруг гроба.

Гроб больше напоминал лодку. Деревянная лодочка. А может, и не деревянная вовсе, кто их разберет, магов этих. И вокруг — море свечей.

Красиво…

Часть народа на острове не поместилась, а может — не хватило моторок. Я видел огромную толпу на берегу, тоже все со свечами.

Внезапно на помосте вспыхнул огромный костер. Пламя взмыло к небесам. Я стоял не так уж далеко и чувствовал жар. Видимо, костер настоящий. Или почти настоящий. Потому что догорел он очень уж быстро.

Пепел собрали в…

Язык не поворачивается назвать это урной. Стеклянный сосуд, скорее напоминающий огромный бокал.

Бокал кто-то из трибунальщиков поднял высоко над головой, показывая присутствующим. Это послужило сигналом к прекращению церемонии, все начали расходиться, пришлось открыть несколько ворот. Часть народа села в лодки и сразу отчалила, часть чего-то ждала за воротами.

— Еще не все, — сказал Андрей в ответ на мой вопросительный взгляд.

Когда во дворе остались только близкие, соратники и мы с Андреем и Светой, процессия во главе с Артуром и трибунальщиком, несущим сосуд с прахом — потом я узнал, что зовут Михал, — двинулась к западной стене, к лестнице.

По двое — Андрей шел последним — мы поднимались на широкую открытую галерею над морем, пока не заняли ее полностью.

Как только мы выстроились — дунул ветер. Внезапно.

Я уже догадался, что сейчас будет.

Жена Циферблата, его дочь и Артур — видимо, как преемник — брали пепел горстями и развеивали по ветру. А остальные…

Они запели. Вполголоса, очень стройно, как будто с утра до вечера занимались только этим, а вовсе не своими трибунальскими делами. А может быть, у них в крови такое умение.

У меня даже слезы на глазах выступили.

Не знаю, на каком языке пели трибунальщики. Не английский и не немецкий точно. По-моему, на латынь похож, и вообще это походило на хорал крестоносцев из кантаты «Александр Невский». Мы в школе проходили, и мне почему-то запомнилось.

Но и не латынь. Очень красивый язык.

Андрей не пел. Сказал с грустью, что забыл все слова…

А потом…

Надо было бросить в воду подставку от свечи. Когда она падала в море, на этом месте взрывался высокий фонтан. Тридцать фонтанов взлетели к галерее.

А в это время люди на берегу и на острове тоже бросали в воду подставки. И море отвечало волнами, как может плакать только море…

И только у Михала такой штуки не было. Он бросил в волны пустой сосуд. И тогда я понял, что никакое это не стекло.

Огромный водяной столб, словно подводный вулкан, поднялся выше галереи, еще выше, закипел, засветился, и десятки искр рванулись в темнеющее небо. И там пропали на миг.

А потом — рассыпались множеством огненных нитей, прямо над нашими головами сплетаясь огромной сияющей паутиной.

Она продержалась несколько мгновений и пролилась серебряным дождем обратно в море.

Вот это я понимаю!

— Да, тут вам не на кладбище. — Я не заметил, как сказал это вслух. Артур услышал.

— У нас нет кладбищ, у нас есть аллеи памяти. Завтра власти посадят в городе дуб. А на один из уже растущих повесят табличку с именем Макс Циферблат. И датой ухода.

— А дата рождения?

— А зачем? Неважно, сколько человек прожил. Важно — как.

Может быть. Я пока над этим не задумывался…

— Артур, — не удержавшись, спросил я, — а если бы Дэн… Если бы его здесь… Его бы тоже так?

Артур, несмотря на мое косноязычие, понял.

— Да. И его бы провожали так же. В замке, а может быть — в институте, как решили бы. Каждого — там, где трудился.

— А эссенциалиста?

Что-то не могу я представить развеивание пепла в эссенциалии. Не все же они над морем.

— Эссенциалиста? — улыбнулся Артур и, наклонившись, шепнул мне в ухо. — Эссенциалисты не умирают.

Пока я подбирал челюсть, он добавил так же тихо:

— Проболтаешься — убью!

Вот и пойми их, серебряных…

ГЛАВА 12
Ухожу

Прекрасен город Айсбург. И мир по имени Лабиринт. И море здесь великолепно. Особенно когда смотришь на него не из-за решетки, а идешь босиком по волнам.

За прошедший день мы все вымотались неимоверно, и Артур никого из нас не отпустил — уговорил остаться ночевать у него в доме. А живет он совсем рядом, десять минут пешком до лодочной станции. Удобно на работу ездить…

Дом Артура — это особая история. В таких домах должны жить академики. Писатели. Философы. Ну и — маги, наверное.

Дом двухэтажный. Впрочем, второй этаж — небольшая мансарда. Но для двоих постоянно живущих в нем человек — места до черта.

Там резные лестницы, широкие кровати под тонкими мягкими покрывалами. Там даже камин. Там поют соловьи за окнами. Там вокруг дома — сад…

В общем, это какой-то ненормально уютный дом. Не бывает таких домов.

Мама Артура совсем на него не похожа. Она бойкая, веселая и так нам обрадовалась! А больше всех, как мне показалось, — Свете.

Нас чем-то кормили, но я уже плохо соображал и был просто счастлив, когда мне показали мою кровать. Упав на нее, уснул тут же, до утра.

Утром проснулся последним, все уже встали и завтракали.

Когда я хоть и умытый, но все равно полусонный притащился на кухню, то застал там такую картину.

Столу них большой, овальный. «Люблю гостей», — сказала мама Артура. Между прочим, довольно молодая женщина. Интересно, жив ли его отец.

Так вот, рядком за этим столом сидели Петер, Андрей, мама Артура, Света и хозяин дома с моей дочерью на коленях. *И он улыбался.* Впрочем, как и ребенок.

Когда я это увидел, весь сон прошел моментально. Самое интересное, ничего особенного вроде бы не происходило. По крайней мере, никто ничего не замечал. Все весьма дружелюбно со мной поздоровались и позвали за стол. И я сел, конечно. Но думать мог только об одном: а ведь кто-то здесь лишний…

После завтрака я слегка отвлекся, потому что занялись насущными делами.

Приехали родители Андрея.

Я хотел сказать, родители Севы Сергиенко, Артур вызвал их телеграммой.

Встреча обещала быть нелегкой.

Ведь Артур, возвращая эссенциалиста к жизни, окончательно сделал его Андреем.

Андреем, не Севой.

С фамилией Латушкин. С верующей мамой и папой-электриком. С подмосковным детством. Со службой в армии. С учебой в академии Эссенс. С работой корректором. С любовью к Рите. С привычкой курить — к счастью, немного.

И при этом — с однородной паутиной серебристо-бирюзового цвета.

Раз Андрей считал моих родителей своими, я автоматически становился его братом. Меня в принципе это устраивало. А вот его родителей, родителей Севы — нет. Тем более что их он не воспринял вообще.

Сказок на свете не бывает, даже при наличии фэнтезийных чудес.

Дело осложнялось еще и тем, что родители Севы оказались эссенциалистами. Может, какой-то парень в армии и вел с молодым Сергиенко разговоры о теории сущности, но впервые об этом он узнал, конечно же, в семье. А после второго (или уже третьего?) рождения интерес корректора к эссенции заметно охладел. Что не доставило радости родителям.

— Я не хочу больше этим заниматься. Сейчас. Не-хо-чу.

Так он сказал мне. Повторил и им.

Жители Лабиринта — люди достаточно продвинутые. Им не надо объяснять на пальцах теорию порталов. И уж эссенциалистам не так трудно понять, что такое конвертирование. Но видеть собственного сына с другим лицом, с другими манерами, мало того, понимать, до какой степени изменилась его личность, — это выдержит не каждый.

Контакта не получилось. Встретились чужими людьми — и чужими же через некоторое время расстались.

— Артур, неужели ничего нельзя сделать? — плакала в соседней комнате мать Севы.

Артур вздохнул.

— Я бы мог попытаться вернуть ему прежнюю память. Хотя это будет для него очень болезненно — он выдержал бы. Но он просто не хочет. Не хочет становиться Севой.

— Но что же делать? — спросил отец Севы.

— Дайте ему время. Сейчас из прежней жизни для него существует только Рита. Если после встречи с ней он не захочет

вернуться к себе прежнему — значит, вам придется научиться принимать его новым. Таким, как сейчас. А он будет привыкать к вам. Если, конечно, вообще вернется в Лабиринт.

Стоит ли говорить, что чета Сергиенко уехала очень расстроенной.

Теперь, когда передряги остались позади, Андрей мог думать только о Рите. В течение всех дней, проведенных в нашем мире, эссенс о ней почти не вспоминал. Он запретил себе эти мысли.

— Я не знал, что она жива. Я чувствовал, что если начну думать — сорвусь, пошлю все к черту, кого-нибудь убью…

Но когда Артур подтвердил, что с Ритой все в порядке и она всего лишь находится в другом мире, Андрей отвернулся и быстрыми шагами вышел из дома.

Рыдать на берегу от счастья, видимо.

А я решил поискать Катьку. Я ведь с ней почти не общался ни вчера, ни сегодня. А когда последний раз у меня была такая возможность, я еще не знал, что она моя дочь. Она и сейчас не знает, что я ее папа. Света сказала: не было подходящего момента, чтобы сообщить. Впрочем, я и не собирался делать это срочно, я просто хотел с ней побыть. Поговорить, поиграть. Ощутить, что у меня есть дочка.

В доме я ее не нашел. Дом вообще был почти пуст. На кухне мама Артура месила тесто. Мне стало жутко неудобно: мы тут бездельничаем, а бедная женщина вынуждена готовить на такую ораву. Я предложил помочь ей.

— Ну что вы, Стасик! Не нужно. Я все время одна, а тут вы приехали. Артур же у меня дикий, у нас только Петя бывает, да и то редко. Такие занятые оба, такие занятые… Какая радость, что наконец-то друзей привез!

Она покачала головой. А я с удивлением заметил, что ошибся, решив сразу, что Артур с матерью не похожи. Чертами как раз похожи: и глаза, и волосы, и осанка. Но она… живая! А он как замороженный. И взгляд у него другой. Поэтому такой контраст.

— …И Света рвется все время мне помогать. Да успеется еще! Отдыхайте, пока есть возможность.

Я неловко сглотнул. В каком смысле — успеется, интересно?

— Собственно, я Катю искал…

— О! — засмеялась мама Артура. — Этого бесенка найти непросто. Последний раз в саду ее видела, она за ящерицей бегала…

Я поблагодарил и направился в сад.

Катю я увидел издалека. В самом центре сада под деревьями стоял стол. Вот под него она и шмыгнула. На столе была натянута

сетка, и Петер с Артуром, раздетые до пояса, играли в настольный теннис.

Да, я был прав в свое время насчет Артура, полагая, что при всей своей худобе он вовсе не слаб. Мышцы, должен заметить, у него весьма ничего себе. И играет он здорово, гораздо лучше, чем Петер, которому приходилось носиться за мячиком от одного угла стола к другому, как челноку в ткацком станке. У Петера, конечно, тоже мышцы. Но местами пробивается жирок…

Впрочем, кто бы говорил!

Я направился к ним и заметил Свету. Она сидела недалеко от стола на скамеечке, расправив пышную юбку своего легкого платья, и наблюдала за игрой. Не отрываясь. Не знал, что она так интересуется пинг-понгом.

Но чем ближе я подходил, тем яснее видел, что вовсе не теннисом она так увлечена.

Света смотрела на Артура.

Уверен, ничего и никого другого она вообще не замечала.

Я стоял на дорожке. Катя пряталась под столом. Петер, уже слегка запыхавшийся, отбивал мячик. А она сидела и глазела на то, как Артур, словно танцуя, изящно машет ракеткой.

Очень скоро Петер выдохся. А может, его действительно ждали дела.

Подняв с земли неотбитый шарик, он глянул на часы, махнул друзьям рукой и, взяв со скамейки футболку, направился в мою сторону. Поравнявшись со мной, он довольно громко пожаловался на «суровое начальство, которому он вынужден проигрывать». В шутку сказал, конечно. И убежал в дом.

Начальник его шутку не слышал. Он вообще ничего не слышал. Он играл со Светой в теннис.

Светка играла почти так же хорошо, как я, — то есть никак. Но Артур был очень терпелив. Он подавал ей мячи все время в одну точку. И прямо на ракетку. И вообще всячески подбадривал и подсказывал. А она смеялась и все равно «мазала». И роняла мячик. И поднимала. И смотрела на Артура. И смотрела, и смотрела, и смотрела.

Катьке, видимо, стало скучно под столом, она вылезла, что-то крикнула маме и умчалась. Светка ответила ей: «Только недолго» — и снова увлеклась игрой.

Процессом.

Она пропустила очередной мяч. Артур подошел и стал что-то объяснять. Тихо, я не слышал. Потом, поколебавшись, он взялся вместе с ней за ракетку, пытаясь показать, как отбивают под углом. Вторая рука ему явно мешала, и он в конце концов слегка обнял Свету за талию.

И все, в общем-то. Не думаю, что он сделал это с иной целью, кроме как наглядно продемонстрировать подачу.

Просто я отсюда видел Светино лицо.

Счастливые глаза.

И тогда я повернулся и пошел.

И почему-то именно в этот момент они меня наконец заметили.

* * *

Я брел по берегу, когда меня догнала Света. Сказала, что хочет поговорить.

Я остановился и смотрел на нее, а волны стелились на песок. На Свете было светлое с черными цветами платье, а на груди — тонкая цепочка из какого-то сплава…

Я был с ней всего пять дней назад. Но с тех пор я прожил целую жизнь.

— Стасик, ты знаешь…

— Знаю.

— Понимаешь…

— Понимаю.

Она опустила голову и замолчала. Я поднял с земли камешек и бросил в воду.

— Ты хочешь остаться с Артуром, да?

Вот такой я крутень. А фиг ли вокруг да около ходить…

— Хочу, — прошептала моя Света.

— А как же Катя?

— Она… за нее не беспокойся. Они так друг другу понравились! У него даже лицо светлеет, когда он с ней общается.

Вот так, Стас. У тебя нет ни единого шанса.

— А что делать мне?

— Я не знаю… Может быть… — Она в волнении сжала руки. — Ты подумай. Ведь если бы не наслоение миров, мы бы… Кати бы сейчас не было. У тебя бы не было дочери, понимаешь?

— Но она же есть, — возразил я.

И швырнул еще один камень.

Она стояла передо мной и мучилась. И терзалась угрызениями совести. А я не хотел ей помочь.

Я вспомнил замок и цепи. И камеру. И Главного. Почему я должен быть великодушным? Я уже спас ему жизнь, хватит с него.

— Скажи, Свет, — свой голос я не узнал, — пока я был в замке…

— Нет! Нет! Что ты! Ничего не было! Да я и почти не видела Артура. Мы всего лишь несколько раз поговорили…

Да я верю. Артур, кстати, тоже почти постоянно находился в замке.

— Любовь с первого взгляда, что ли?

И еще один камень. Вернее — это уже блинчик.

— Наверное… Я даже не знала, что… такое бывает. Он мой, понимаешь? И ему сейчас так… тяжело.

Ага. А мне легко. И свободно. Что свободно — это уж точняк.

— А он тебя тоже любит?

Я вдруг подумал… Нет, не про нашу единственную ночь. Не про то, как я пытался поить ее молоком. Не про поход на карусели. Не про катание на лодке. Не про свидание на пристани и ревность к Андрею. К Андрею, ха…

Я думал про сайт знакомств. И выдуманный мной профайл. Выдуманный для нее. Вот к чему все привело. Зря выдумывал. То, чего не может быть, не может быть никогда…

— Так что Артур?

— Он… молчит, понимаешь? Он видит, что ты… меня любишь.

Последних двух слов я практически не услышал. Прочитал по губам.

Все все видят, все все знают…

— Так чего ты от меня-то хочешь?

У меня получился ледяной тон? По-моему, отлично.

Светка отвернулась и убежала.

А я не выдержал и пошел к Андрею. И все ему рассказал.

— Ты хочешь совета, Стас?

Он снова курил. Да хватит уже! А еще эссенциалист.

— Да! Посоветуй, если сможешь. Артур тоже твой друг, я знаю.

— Дело не в нем. И не в тебе. Дело в ней. Она не будет счастлива в вашем мире. Либо тебе нужно уводить ее куда-то, либо оставлять Артуру.

Это я ожидал услышать меньше всего.

— Куда уводить? — спросил я тупо.

— Ты ведь хотел посмотреть миры? Я правильно понял?

Понял-то он правильно.

— А как это делается?

— Это делается очень просто. Артур даст тебе путевой лист, адаптер, подъемные и откроет портал. Он все для тебя сделает. Он тебя очень уважает, Стас.

— Неужели? — удивился я.

— Конечно.

Да уж, уважает… И с радостью проводит.

— А их обеих я тоже поведу по мирам?

Куда?!

— Но Света ведь хочет остаться с ним…

— Разве можно предоставлять женщине выбор? Она сделает его неправильно! — заявил Андрей. Ну, это он со своей колокольни судит. И не о любви там шла речь.

— Я готов увести ее с собой. Но если она любит другого, с какого перепуга я буду лезть?

— Кстати, — усмехнулся Андрей. — Ты знаешь, за что его жгли?

— Артура?

— Угу.

— Нет.

— Он оживил соперника.

— Что?

— Оживил своего соперника. Они оба любили одну девчонку. Но она выбрала другого. А тот другой парень… он как-то раз купаться полез в шторм. И утонул. А Пелганен спасать его кинулся. Он же спасателем подрабатывал. Но не успел. Он его не сразу нашел, ну представь — волны огромные, швыряет тебя из стороны в сторону вместе с лодкой, и ничего не видно в воде. В общем, когда вытащил — поздно было. Утопление, биологическая смерть начиналась. Но Артур его оживил.

— Реанимировал?

— Оживил. Он же маг. Мертвого оживил. А это запрещено Стандартом.

— И что дальше было?!

Представляю, какие у меня сейчас глаза. Как блюдца.

— Да с парнем-то ничего, не зомби вроде. Нормальный. А Артуру — сам знаешь. А девчонку совесть замучила, и она не смогла уже с тем встречаться. А когда Артура, так сказать, помиловали, хотела, говорят, к нему вернуться. Но уже он с ней не смог. Опять же — по морально-этическим соображениям. В общем, у всех троих не сложилось.

Утопиться, что ли, пойти?

Не поможет…

— Стас, а пошли со мной? Ну их в баню! — без всякого перехода сказал Андрей.

— С тобой? — машинально переспросил я, все еще находясь под впечатлением.

— Угу. Честно говоря, страшновато мне одному идти в незнакомый мир. Да и… Неизвестно еще, как меня Марго встретит.

Это точно. Совсем неизвестно…

Я посмотрел на море, на небо, на своего друга, обернулся на дом. Из дверей как раз выходил Артур. Он направлялся к нам.

— Спутники! — начал он еще издали. — Эдуард приехал. И Глеб. Пошли посоветуемся насчет прибора.

И может же он в такой момент думать о каком-то приборе! Первый судья, властитель миров… Настоящий мужчина.

А я все тот же.

— Хорошо! — сказал я.

Подразумевая сразу все.

* * *

Преобразователь работал. Глеб, не будучи эссенциалистом, прекрасно рисовал на нем мою паутину. Зеленую-презеленую. Прочитать которую, разумеется, мог только корректор. Большего Андрей с Дэном сделать не успели, а все, что эссенс сотворил в одиночку, обратилось пеплом.

— Как глава Трибунала, я не возражаю против существования и эксплуатации прибора, — заявил Артур. — Но как эссенциалист… Особого смысла я в этом не вижу.

— Согласен, — вздохнул Андрей. — Не очень удобно. Все равно расшифровывать лабиринт придется самому, быстрее будет самому и снять его. И мониторы есть. Но Дэн ведь делал его не для Лабиринта, а для Долины.

— Да, нам бы такая штука не помешала, — подтвердил я. — Любой доктор или даже медсестра села, датчики прицепила, все нарисовалось. Но кто расшифровывать будет? Эссенциалистов-то нет.

— Может, ты захочешь вернуться в Долину, Андрей? Вместе с Ритой. Я бы не возражал. Конечно, вас будет только двое, но…

Андрей хлопнул себя по лбу.

— Ах я дурак… Болван. Неблагодарная свинья.

Он стал рассказывать про психотерапевта и Ксану.

Все видели ее на похоронах Дениса, но тогда было не до того, чтобы выяснять, кто она такая и откуда взялась.

— Значит, Лебедев еще и за это ответит, — жестко произнес Артур. — А эссенциалиста мы должны навестить. Сегодня же. И поблагодарить.

— Артур, — осторожно начал Андрей. — Я сразу не сказал еще и потому, что…

Он быстро взглянул на молчавшего до сих пор Эдуарда.

— …Ксана тоже принимала участие в создании

Преобразователя.

— Да понял я уже, — кивнул Артур. — Я не собираюсь ее за это преследовать. Кто за то, чтобы отдать им прибор? И пусть работают.

— Конечно, я «за»! — воскликнул Андрей.

— И я!

— Институт преобразовательной физики не возражает, — улыбнулся Глеб. — Эд, а ты что думаешь?

— Как его фамилия, ты сказал? — Эдуард задумчиво взглянул на Андрея. — Зиньковец?

— Угу.

— Костя! Да?

* * *

Решили, что первыми в палату к Зиньковцу войдем мы с Андреем, чтобы, чего доброго, не вызвать у эссенциалиста шок при виде трибунальщиков.

Но получилось иначе. Константина на месте не было, он ушел на процедуры. А возвращаясь, столкнулся с трибунальщиками в коридоре. Артура, впрочем, он не знал, а вот Эдуарда вспомнил сразу же, хотя прошло почти двадцать пять лет.

Когда мы, прождав минут десять напрасно, вышли из палаты, нашим глазам предстала трогательная сцена объятий.

— Не иначе, один в свое время спалил другого, — хмыкнул я, не сдержавшись.

— Не совсем, — засмеялся (впервые!) подошедший сзади Артур. — Константин был первым приговоренным эссенциалистом, когда Эдуард только-только начал служить в Трибунале старшим офицером, как Петер сейчас.

— Знаешь, я Петера тоже надолго запомню, — вырвалось у меня.

— Он классный.

— Угу. Он будет теперь вместо тебя?

— Нет. Петера некому заменить. А насчет Главного дознавателя… Есть у меня одна мысль…

* * *

Давным-давно, несколько веков назад, на перекрестке миров встретились два обездоленных народа: маги и люди. Одни что-то

не поделили со своими земляками, вероятнее всего — сферы влияния. Другие бежали от чумы и прочих страшных болезней.

Народы объединились и построили собственный мир, прямо на перекрестке. Его поместили в магический Лабиринт, который должен был защищать мир от разрушения, а сверху накрыли ведовской паутиной, сплетенной из тончайших нитей гармония, которая помогала узнавать то, что происходит в соседних областях Мегавселенной. Хотя тогда и слова-то такого не было.

Лабиринт — так его и назвали — процветал до тех пор, пока жителям не стало в нем скучно. В самом деле: когда вокруг столько других миров, а ты вынужден сидеть взаперти, поневоле взвоешь. И маги — именно маги, ведь только они могли пройти через стены Лабиринта, людям это не дано, — стали один за другим покидать его. Но оставляя мир, они уносили с собой часть его защитной оболочки. Часть магической СУЩНОСТИ, эссенцию, неполное отражение большого. И мир с поврежденной защитной оболочкой стал разрушаться. На перекрестках нельзя строить миры. Они слишком ненадежны.

И тогда люди решили запереть магов в Лабиринте и не выпускать за его пределы. Любого, дерзнувшего предпринять попытку к бегству, ожидал костер. Тем более, как оказалось, при гибели мага на костре его во много раз усиленная магическая эссенция возвращается в Лабиринт, делая его крепче. Началась настоящая охота на магов. Люди, одержимые идеей сохранить мир, хватали и жгли носителей магических сущностей направо и налево.

Маги обозлились на людей и объявили им войну. Но прежде…

Великий маг поднялся высоко в небо, снял окутывающую мир паутину и швырнул ее на людей. Лабиринт утратил связь с окружающим. Но зато теперь в каждом человеке жила своя паутина. Сущность можно было читать, как книгу. А при гибели людей их эссенция вновь становилась частью большой паутины…

— Значит, все эссенциалиста — бывшие маги? — спросил я.

В наш последний вечер перед расставанием мы вчетвером сидели на террасе дома Артура, пили чай из трав и слушали всякие «байки народов Океании».

— Да как раз наоборот. Первые эссенциалиста — это люди. Это они научились читать сущность. Свою, а потом и других. Очень скоро сообразив, что это можно использовать в лечении.

Артур в обычной тенниске и брюках выглядел совершенно по-домашнему. Даже казался нормальным человеком. С умиротворенным, как у всех местных, выражением лица. Сегодня он еще может отдыхать, а завтра начинаются его трудовые будни

в роли Первого судьи. Что ж, он справится. Ему помогут Петер и Эдуард, вернувшийся на прежнюю должность, чтобы работой хоть как-то заглушить боль от потери сына. А еще Артура поддержит… невеста.

Я не стал им ничего говорить. Просто объявил, что ухожу с Андреем, и все.

Надеюсь, у Кати будет хороший отец.

— Но постепенно все перемешалось, — продолжал Артур. — Маги и люди помирились. Дружили, влюблялись, создавали семьи… Среди эссенциалистов трудно найти чистого мага или просто человека.

— А ты? — спросил Андрей.

Он тоже успокоился. Обрел себя и почти счастлив. Завтра мы отправимся с ним к Рите…

— А я… маг наполовину. Мой отец чистый маг.

Он улыбнулся.

Мы с Андреем переглянулись.

— Так значит, магов до сих пор сжигают, чтобы… Укрепить мир, что ли?

Опять я лезу куда не надо! Ну не смог промолчать.

— Эх, слышал бы тебя Циферблат… — вздохнул Артур. — Вообще, Стас, за такой вопрос… Но я вступаю в должность только завтра, а ты не житель Лабиринта. Андрей, Света, а на вас я надеюсь.

Они молча кивнули.

— В какой-то степени ты прав. Именно с этой целью и именно магов. Потому что основной причиной для обвинения является сверхвоздействие. Магическое воздействие то есть. Среди женщин магинь больше, — грустно улыбнулся он, глядя на Андрея.

— Ты знал это и тогда? — изменившимся голосом спросил Андрей. — Ритку поэтому?..

— Не только. Знал, не буду врать. — Артур опустил голову. — Но это не все. Макс, он…

— Был помешан на порядке, да? На букве закона?

Андрей смотрел в одну точку.

— Да. Он считал, что бардак в мыслях, в поступках, в документах развалит мир еще быстрее, чем утечка магии.

Я ждал, что сейчас разразится гроза. Но Андрей словно очнулся и произнес:

— Не могу его за это осуждать. Сева Сергиенко тоже таким был.

— А Андрей — другой? — подала голос Света, свернувшаяся калачиком в плетеном кресле.

Андрей улыбнулся ей:

— Другой.

— Ну, поскольку я и так уже наговорил себе на уголовное дело… Можно последний вопрос?

Погибаем, но не сдаемся! Я должен выяснить все!

— Пусть он будет не последним, Стас.

Это здесь так принято — желать долгих лет, я уже знаю.

— Спасибо, и тебе того же. Ты говорил, что магическая сущность выделяется после смерти? Но в портале же не смерть…

— В портале из тебя не только сущность вынут! — в один голос сказали Артур и Андрей.

— Понял, вопросов больше не имею, — скороговоркой выпалил я.

— На самом деле происходит еще одна вещь. Когда эссенциалист уходит в другой мир, от него протягивается нить. Вязь. Знаешь, как между…

— Колышком и палаткой? Чтоб не упала? — грустно продолжил Андрей.

— Да. Пожалуй. Но это уже неофициальная информация. Как и то, что вечный поиск магов, охота на ведьм — это отголосок старой вражды между магами и людьми.

— Маг, стоящий во главе инквизиции! Как же ты будешь сжигать себе подобных?

Нет, ну я просто сама непосредственность сегодня. Ох, разозлю ведь…

Но Артур не разозлился. Мне показалось, он весь вечер ждал этого вопроса.

— Как ты думаешь, почему Первый назначил своим преемником эссенциалиста, да еще мага? А вы как думаете?

Андрей пожал плечами.

— Чтобы это прекратилось? — спросила Света.

Артур взглянул на нее.

С нежностью взглянул.

— Да, — ответил он медленно. — Сожжений больше не будет.

На Лабиринт опускалась благоухающая эвкалиптом тишина.

ГЛАВА 13
Полет

Только начинало светать, когда я проснулся.

Думал, что встану раньше всех, но кровать Андрея была уже застелена.

Холодно.

Я поспешил одеться, потом вышел в холл.

Андрей с Артуром сидели на кухне и молча пили кофе.

Они кивнули, Артур встал и налил мне тоже чашку.

Кофе был очень горячий, но душистый. Я не пил такого никогда.

На столе стояла тарелка с бутербродами, печеньем и вчерашним обалденным пирогом, но никто не притрагивался к еде.

Не лезло.

Артур допил кофе и куда-то ушел. Но тут же вернулся с двумя довольно внушительными… вещмешками, что ли? Или торбами? Даже не знаю, как эти штуки называются, но не рюкзаки. Один он развязал.

— Стас, смотри. Это одежда.

Он достал свернутую в плотный рулон армейскую плащ-палатку. Хотя… Нет. Это был несколько другой плащ. Несколько совсем другой. Я разглядел узорчатую металлическую пряжку.

— От сердца оторвал, что ли? — засмеялся Андрей.

— Ты же знаешь, в Трибунале все есть.

— Угу. Для своих!

— А в Долине не так?

Артур посмотрел на меня.

— Так, так…

— Остальное внутри: штаны там, рубашка…

— Зачем?

Язык у меня опережает мысли. Ясно же, что…

— По эпохе Возрождения в джинсах ходить не стоит, — серьезно сказал Артур.

— Может, лучше сразу одеться?

Андрей полез в свой мешок и вынул такой же сверток.

— Нет, не надо экспериментов. Мир к миру, среда к среде. Перейдете, потом переоденетесь.

Только сейчас до меня стало доходить, что мы отправляемся куда-то в очень странное место.

— Дальше. Деньги — вот.

Артур извлек увесистый мешочек-кошелек.

— Кошели там за поясом носят, но здесь много. Смотрите, чтоб не отобрали. Пусть валяется в рюкзаке. А для полноты образа есть полупустой.

Он достал еще один кошель, то-ощенький.

— Его и прицепите. Дальше. Вот дудка.

Предмет, который он мне показал, мало походил на «дудку». Если только экстракороткую и толстую.

— Сам ты «дудка»! — фыркнул Андрей. — Раздвижная свирель!

— Ну да. Только не раздвигайте ее на глазах у всех. Кнопка — тут. Она автоматическая, сыграет все без вас.

— А мы что там, концерты давать будем?

Я повертел штуку в руках.

— А это на случай, если кончатся денежки, — подмигнул Андрей. — Сыграем и заработаем.

— Совершенно верно. И под бродячих музыкантов легче всего косить. Легко оправдываются и недочеты в одежде, и акцент можно списать… «Неместные» — и все тут.

— Кстати, насчет акцента… — с опаской начал я.

— Там по-немецки говорят же? Немецкий я знаю благодаря Стасу.

Андрей хлопнул меня по плечу. Точно, я тогда сделал его полиглотом, «закачал» и английский, и немецкий, и французский. Вот себе бы так!

— Андрей, насчет тебя я не уверен, возможно, ты и сам обойдешься. Но на всякий случай знай, что адаптер — вот он, у тебя такой же.

Артур, как Дед Мороз из мешка, достал очередной подарок.

— Гарнитура для телефона, — сказал я.

Ну вылитая. И проводки, и микрофончик, и наушнички. Только все прозрачное. А внутри — ничего нет, никаких микросхем. Пустышка.

— Похоже, да. Это обоюдный онлайн-переводчик плюс адаптация.

— Обоюдный? — переспросил я.

— Да, чтобы не только ты понимал, но и тебя.

— В джинсах там ходить нельзя, а в наушниках — можно?!

— Терпение, мой друг, — произнес Артур, надевая на Андрея эту штуку. — Смотри. Говорить сюда, слышно оттуда, регулятор громкости — вот. А теперь, проверим.

Он убрал руки.

— Андрей, тумблер чувствуешь?

— Нет. А где он?

— Рядом с колесиком для громкости.

Андрей поводил пальцем по выключателю.

— Да! — удивился он. — Что-то есть. Но я не вижу!

— И не надо. Жми!

Андрей куда-то нажал, и в ту же секунду адаптер пропал из виду. Я даже подумал, Андрей как-то ухитрился уронить его. Взглянул на пол.

— Не ищи, он на месте. Андрей, тебе видно?

— Видно, но… еле-еле.

Андрей словно вертел что-то в руках.

— А ты совсем не видишь, да?

— Абсолютно.

— Отлично! Включай обратно.

Через мгновение адаптер возник на старом месте.

Первый раз в жизни я растерялся так, что даже прокомментировать не смог.

— Да ладно, ну чего ты. Невидимый материал уже и в Долине получили, я читал.

— Я тоже. Но я его не видел!

— Так он же невидимый! — захохотал Андрей.

— Давай теперь на тебе попробуем.

Артур резво нацепил «гарнитуру» на меня.

— Сейчас я тебе что-нибудь скажу, не включай пока.

Он произнес фразу на том красивом латынеобразном языке.

— Понятно?

— Не-а.

— Включай!

Я покрутил колесико, а Артур спросил:

— Я говорю, тебе удобно в наушниках?

— А, да, нормально! — ответил я.

— Тумблер попробуй!

Я поискал этот самый тумблер и, что-то нащупав, нажал. Штуковина и так была прозрачной, а стала… призрачной, что ли. Как из тумана сделанной.

— Андрей, ты видишь? — спросил Артур, повернувшись к нему.

— Я не понимаю твоего тарабарского языка! — неожиданно ответил Андрей.

— Как — не понимаешь? — изумился Артур.

— А вот! Забыл.

— О-о, — покачал головой Артур. — Это я тебя — так?

— Да нет — конверт, я думаю.

— А так понимаешь? Тебе видно адаптер?

— Немецкий — да. Нет, не вижу.

Но я-то слышал все по-русски!

— Стас, а ну, ты что-нибудь скажи, по-английски что ли.

Ну, это еще куда ни шло. Я произнес: «Ду ю спик инглиш».

— Говорим, говорим, — ответил Андрей.

— Но — с трудом! — добавил Артур. — Короче, все работает. Вы только не забудьте его сразу в невидимый режим поставить, проверьте друг на друге.

Артур снял с меня чудохрень и засунул в мешок.

— Так, тут еще всякая ерунда. Нож, зажигалка под огниво, карта…

— Карта динамическая? — уточнил Андрей.

— Обижаешь! Еще здесь сухие полуфабрикаты, разводятся кипятком. Но это — на крайний случай, пообедаете в тамошней таверне. Дальше мелочовка разная, сами разберетесь. Скорее всего, вам это все не понадобится, но мало ли… И самое главное. Андрей, закрой глаза и дай руку.

Андрей так и сделал. Артур полез в карман и достал плоскую коробочку. Он раскрыл ее и положил на ладонь Андрея серебряную паутинку. Я разглядел на ней букву, только не понял — какую.

— Можно!

Андрей не открыл глаз. Он осторожно сжал кулак и поднес его к груди.

— Это он…

— Угу. Ты посмотри все же.

Андрей раскрыл ладонь и взглянул на значок.

— Он такой? Руна? — воскликнул эссенс.

— Если бы ты видел, как его тут… «колбасило», как говорят в Долине! А я боялся трогать, потому что не знал, где ты и что ты.

— Слушай, а я ведь в рунах не очень…

— В твоих я тоже не понимаю. Нет, я могу прочитать, если надо. Но лучше, чтоб ты сам, когда придет время… Цепляй!

Андрей прицепил значок к рубашке.

— А Стасу? — спохватился он.

— А ему — вот.

Артур вынул из кармана маленькую блестящую флешечку на вере… вернее, на блестящем шнурке.

— Стас, надевай на шею, прячь под одежду, и храни тебя Лабиринт от мысли ее снять!

— А она видимая?

— Кому не надо — не увидит, не волнуйся.

— А что будет, если случайно пропадет? Ну я просто, чтобы знать…

Артур шумно выдохнул.

— Ну, что будет… Вот посмотри на него, он тоже как-то раз был без значка. Сейчас вроде жив-здоров. Но на свой портрет двухнедельной давности не очень похож. Узнать нельзя.

Кажется, я понял.

— А если бы я со значком был тогда? — спросил Андрей.

— Воплотился бы Севой.

— Но на приемнике ведь не было информации о Севе?

— А я что, пустое место, что ли? — сказал Артур как бы между прочим, завязывая мешок.

— А-а-а… — неопределенно протянул Андрей.

Наконец мы собрались и вышли с мешками на плечах.

За приготовлениями я почти не думал о Свете, так был увлечен всякими прибамбасами. О Кате я тоже не вспоминал.

Но стоило лишь спуститься с крыльца — так заболело в груди, я даже не ожидал. Пришлось приостановиться. Артур с Андреем ушли вперед и не заметили. А может, только сделали вид…

Я обернулся на окно мансарды.

Света была там.

Я смотрел на нее и не мог сдвинуться с места. Сейчас совсем прирасту, и Андрею придется идти без меня. А когда он вернется — найдет мою окаменевшую статую…

Света отошла от окна, а я все стоял. Пока не почувствовал чью-то руку на плече и голос Андрея не произнес мне в самое ухо:

— Дружище, пойдем…

И я пошел с ним. Но тяжесть не проходила.

По дорожке мы дошли до автобуса. За рулем сидел Петер. Артур не садился, ждал нас.

На меня он не смотрел.

Петер высунулся из окна:

— Магистры, поторопитесь!

Артур уселся рядом с ним, мы с Андреем поместились в салоне.

Я отвернулся к окну.

Мы быстро оказались за городом, ехали по проселочной дороге. Мелькали низенькие домики, колодцы, сады за заборами…

— Хочешь, я сниму?

Андрей вывел меня из задумчивости.

— Ммм?

— Боль сниму, хочешь?

У меня столь жалкий вид?

— Откуда ты знаешь…

— Я?!

Андрей картинно ткнул пальцем себе в грудь. Я понимал, что он хочет отвлечь меня, развеселить. Но в конце концов я сам не грудной младенец.

— Да не, нормально. Слушай, а ехать далеко?

— Не очень. За виноградниками свернем к мосту.

Виноград растет… Балтам и не снилось.

— А что-то я… вина местного не попробовал, — произнес я невпопад.

— Эх-х! Да просто Артур не пьет, вот и не держит, наверное…

— Да нет, он как раз предлагал, а я сдуру отказался. Не хотелось…

— Да успеешь еще! Мы же вернемся!

Я взглянул на него.

— Точно?

Он осуждающе развел руками: ты чего, мол…

С обеих сторон автобуса потянулась виноградная лоза. Я и не знал, что виноград растет так низко, как крыжовник какой-нибудь. Думал, его высоко к плетеной изгороди подвешивают…

Слева потянулась довольно широкая река. А вот и мост.

Мы подъехали к нему и остановились. Я даже заволновался: вот здесь? Сейчас?

Подхватил рюкзак… Но перед дверью задержался.

Куда я?

Зачем?

Мне это надо?

Андрея там, возможно, ждут. Но не меня.

Но с другой стороны…

Что я теряю?

Вздохнул и быстро выпрыгнул. Все вылезли следом.

Стоим кружком и молчим.

Петер заговорил первым:

— Станислав, Андрей! Я с вами не пойду на мост, давайте тут… Ребята, я… так рад, что с вами познакомился! Андрей, я тебе желаю счастья! Вот… чтоб все получилось!

Они обменялись рукопожатием.

— Спасибо, Петь… И я тебе счастья желаю.

— А ты, Стас, ты вообще… Ты просто молодец! Держи!

Он накрыл своей лапищей мою руку.

И хотя я не понял, почему он сказал, что я «вообще», а Андрей «не вообще», мне стало вдруг легче. Возможно, потому, что никто никогда таких слов мне не говорил.

— Петер, я тоже очень рад, что к вам попал.

Ну, тут уже все заржали просто. Даже Артур.

Я-то, конечно, имел в виду Лабиринт, а получилось, что —

Трибунал.

— Пошли, — позвал Артур и ступил на мост.

Мы с Андреем еще раз кивнули Петеру, он помахал нам и пошел к машине. Он правда хороший мужик, правильный. Надеюсь, мы еще увидимся.

Мост был разводной. Мы дошли до самой середины и встали у поперечной линии, разделяющей две половинки. Артур остановился и сосредоточенно сложил руки перед грудью:

— Так, так, главное — ничего не забыть… Андрей! Если вдруг будет плохо, какие-то непредвиденные обстоятельства — позови, и я вас вытащу. Не геройствуйте! Стас! Я знаю, что ты очень смелый человек, но я тебя прошу: лишнего риска не надо!

День еще не начался, а я уже узнал о себе столько нового…

— Хорошо, как скажешь… — пожал я плечами. Ишь, разволновался…

Он явно хотел добавить еще что-то, но не решился.

— Так, — произнес он уже совсем другим тоном — тоном Первого судьи Трибунала. — А теперь внимательно и точно выполняем мои указания. Не отвлекаться! По моей команде — не раньше — вы встаете на линию, на середину. Ничего не бойтесь. Закрывать глаза или нет — это как хотите. Главное — слушать мой голос! И ничего лишнего не делать! Если захочется что-то спросить — можете спросить, я услышу. Но самим — никаких резких движений! Вообще никаких движений! Магистры, слышите? Андрей, Стас!

— Ну да…

— Понятно все…

— Надеюсь. Что еще…

— Артур, — мягко сказал Андрей. — Не волнуйся так…

Да, что-то наш трибун нервный в последнее время стал. Хорошо, конечно, что оттаял и на человека похож, но психовать-то зачем? На это есть другие люди…

— Да, ты прав. Удачи вам! А теперь — приготовиться!

Артур встал напротив нас — на другую половину моста — и сложил руки, как перед чайной церемонией.

— Встаем на линию!

Мы сделали шаг вперед.

Артур стал произносить непонятные короткие слова, это было похоже на счет. Одновременно он поднимал сведенные руки кверху. Как только он выпрямил их над головой, а потом резко развел в стороны — мост под ногами дрогнул и разошелся. А меня рвануло и понесло. Словно я падал с огромных качелей. Дух захватило, все завертелось. Я хотел позвать Андрея, но не мог ни шевельнуться, ни крикнуть. Несся над пустотой.

— Стас? Это Артур.

— Да, — еле выдавил я.

— Как ты?

— Мрак…

— Что, темно? — не понял маг.

— Нет… Голова кружится…

— Сейчас, потерпи.

Я хотел заорать, что не могу, но полет тут же замедлился, а голова действительно перестала кружиться.

— Ста-ас?

— Я тут.

— Как у тебя?

— Жив, — выдохнул я.

— Пейзаж видишь? Какой на… пейзаж!

И тут я увидел… верхушки елок.

— Елки!

— Да? Ну все, давай! Удачи!

И я стал падать уже вниз. С вполне соответствующим моему телу ускорением.

Падал, впрочем, я не очень долго, но и приземлился не очень мягко. Мордой в снег. Как, уже все? Я-то думал… Рядом что-то шумно плюхнулось. Андрей? Я кое-как поднял голову.

Точно, рядом в глубоком сугробе барахтался Андрей.

Наконец он встал на четвереньки, потом вскочил на ноги.

— Ста!., а, вот ты где! Все хорошо? Ой, да у тебя лицо в крови. Губу разбил.

Пострадала не только моя губа. Я вынул из кармана… раздолбанные очки.

И разразился ругательствами, которые здесь приводить не хочу.

— Да ты чего, ты чего? Зачем тебе эти стекла?

— Ну как зачем, елки-палки! Я же не могу себе выправить зрение!

— О-о, — Андрей виновато взглянул на меня. — Прости, дружище, я давно должен был допереть! Я уберу твою дальнозоркость, только это не очень быстро делается. Давай, может, сначала осмотримся?

— Ну естественно, не прямо сейчас же! — засмеялся я, прикладывая снег к разбитой губе.

— А кровь я быстро остановлю…

— Да отвяжись ты, само пройдет.

Я поднялся на ноги, оглядываясь вокруг.

Высокие снежные ели — лес. А мы приземлились на опушке. Едва видимая в снегу тропинка убегает через поле к

приютившимся под холмом маленьким домикам. Над крышами вьются тоненькие дымки.

— Где мы, а?

— Вилькоммен нах Бавардиа!

— Не тарахти, я еще не подключился к мировому разуму!

Я снял со спины мешок и принялся развязывать.

— Кстати, и одеться не мешает, холодно…

ГЛАВА 14
Бавардия

Когда я увидел одежду, сложенную внутри плаща, я был готов бежать обратно и придушить Артура. Понимаю теперь, почему он не показал нам ее сразу.

Через минуту я уже орал на весь лес, что «эту ночную рубашку, эти колготки, эту дырявую женскую блузку и шортики с завязочками я не надену ни за что». Андрей валялся рядом в снегу и помирал от хохота.

— Это колет, Стас… Колет! Нормальная мужская одежда вашего пятнадцатого-шестнадцатого веков. А моду на разрезы взяли у солдат.

— Да так, разэтак и еще вот так! А кружевной воротничок — тоже солдатский?!

— Нет, это испанская мода.

— Ах, испанская?! Дружеский обмен между инквизиторами?! Да чтоб…

Нет, ну, люди добрые! Я даже дома в трениках не хожу, а тут предлагается нацепить шелковое трико! В этом только в цирке выступать.

— Я буду похож на клоуна!

— Ты будешь похож на местного жителя. Я тоже буду похож. Не так это страшно, смотри.

Андрей принялся раздеваться. Когда он скинул рубашку, я заметил шрамы — в нескольких местах, на груди и спине. Бледные тонкие рубчики, довольно мелкие. Но их было немало.

— Это вот у тебя…

— Что? А! От иголки осталось. Когда Артур штопал.

Меня это слегка отрезвило. Чего я разорался, в самом деле. Это же опасно… И адаптеры Артур просил надеть сразу же.

Тем временем Андрей натянул кружевную сорочку, а сверху напялил колет с вырезами-ромбами.

— Ну как?

И гордо повернулся крутом.

Как ни странно, ему такой прикид был очень к лицу. Эссенс стал похож на принца с картинки к «Спящей красавице». Только штаны поменять — и готов.

— Тебе-то идет…

— И тебе пойдет. Вау! Классные тапочки!

Башмаки были еще ничего: мягкие и удобные, с широкими носами.

Я тяжело вздохнул и принялся разоблачаться.

…Разобраться с завязками смог не сразу. Когда мой костюм был полностью завершен, я даже осматривать себя не стал, а сразу полез за адаптером. Нацепил, слегка повернул колесико…

И тут же понял, что зря заправил кружевной воротник под колет. Его надо обязательно выпускать наружу. И банты на подвязках должны выглядеть не так… Андрею я тоже об этом сказал.

— Откуда ты знаешь? — удивился он.

— Не знаю. Как-то… само пришло.

— А-а-а! Адаптер же!

Андрей быстро нацепил гарнитуру, включил ее.

— О! Здорово! Среда к среде, мир к миру!

Оказалось, эта штука не только с языков переводит, но еще и каким-то образом влияет на информационно-мозговую деятельность. «Настраивает на мир».

Знал бы сразу — надел сначала ее, а потом за шмотками лез.

Плащ оказался лучше всего. И совсем не брезентовый, это тоже хитрая мимикрия. Мы с Андрюхой, уже вовсю стучавшие зубами, сразу согрелись.

— И гвоздь программы — плоский берет! — объявил он, нахлобучивая головной убор.

Вот теперь точно — «прынц». Только без шпаги.

— Слушай, ты выражениями нашими так и сыплешь. «Гвоздь программы», «классные тапочки»… Раньше я за тобой этого не замечал.

— Какой гвоздь? Я не говорил про гвоздь. Это адаптер на тебе! А насчет тапочек — ты и сам так говоришь.

Точно. Сказал не далее как позавчера вечером. Увидел Катьку в новых сандалиях…

Все. Не буду про Катьку. Не буду, не буду.

— Давай карту смотреть.

План местности был сложен вчетверо. Что за удобная штука — динамическая карта! Во-первых, стоит ткнуть пальцем в любой участок, он тут же увеличивается. Во-вторых, можно увидеть не только рельеф, но и погоду, и растения, и зверюшек…

— Обычный комп, на самом деле. Удобная модификация просто.

Да уж. Когда комп не толще картонного листа — преимущество не оспоришь.

Лес, где мы сидели, обозначался красной точкой. От нее тянулась линия к деревне, потом пунктиром пересекала горы и сразу за ними заканчивалась жирным крестом.

— Это нам через горы надо?!

— Артур утверждал, что там перевал невысоко. Главное — не пропустить его.

Артур — экстремал-любитель. И мы вместе с ним.

— Да тут рядом. Самое сложное — не нарваться на неприятности в таверне. Пойдем, что ли?

Мы поднялись. Два чудика в плащах, беретах, лосинах и смешных башмаках.

— А нашу-то одежду куда девать? — спохватился я.

— Пелганен не сказал. — Андрей стянул мешок. — Но насколько я знаю, здесь должны быть контейнеры…

Он извлек два свернутых в трубочку пакета — черный и белый, как для мусора.

— Вот сюда кладешь, а потом…

Он быстро затолкал мой одежный ком и кроссовки в черный пакет и заклеил.

Пакет вспыхнул у него в руках и рассыпался мелкой пылью.

— А-а! Черт! Перепутал. Этот уничтожающийся, надо было в белый совать.

Я мрачно смотрел на Андрея, скрестив руки на груди.

— Ну, — сказал я грозно. — Рубашку я твою надену, брюки подверну. В туфли вату натолкаю! А ты пойдешь так.

— Да ладно. Может, я вообще тут останусь.

Андрей засунул свои вещи в белый пакет, залепил, а потом стал скручивать все это жгутом. В результате объем получился не больше подушки-сумочки.

— Магия.

— Физика! Ну извини, Станислаус! Я просто расслабился, это непростительно, я знаю. Исправлюсь.

Станислаус… Это я, значит. Необычно, но вроде не воротит. Значит, привыкну.

Мы удивительно легко передвигались по снегу. Видимо, ботинки тоже непростые.

Вот и деревушка.

Два мальчика, несущиеся по улице с деревянными подобиями санок, остановились и вылупились на нас. Одеты они были почти так же нелепо, как мы. Только вместо плащей — балахоны. И шапки похожи на колпаки.

— Чего они уставились, а? Что-то не так? — зашептал я на ухо Андрею.

— Дяденьки! Вы что, через лес шли? — спросил старший мальчик.

Вот оно что! Мало быть одетым под эпоху. Надо еще вести себя правдоподобно, а не падать с неба.

— Через лес, мальчик, через лес. Из славного города

Макбурга идем, — и добавил тихо мне: — Макбург, запомни. Артур сказал.

— Там же разбойники! — воскликнул младший мальчик.

— А мы их не встретили! — вставил я свои пять копеек.

— Стан, ты лучше ничего не говори. Идем себе мимо.

…Таверна называлась «Цветущий миндаль». Должно быть, он в этой местности и вправду растет.

Низенький, аккуратно побеленный домик, удивительно похожий на ту кафешку в Лабиринте, где мы со Светой…

Эх… надо держать себя в руках.

Андрей толкнул тяжелую дверь, и мы оказались внутри жарко натопленного помещения.

Не могу сказать, что внутреннее убранство таверны поразило меня. Сейчас модно оформлять залы в кафе и ресторанах «под старину» — с деревянными столами и стульями. С очагом и «национальной одеждой» официантов. Вот только туши на вертелах над каминами обычно не готовятся.

Белокурая девушка в расшитой цветами юбке, раскрасневшаяся от жара, подскочила к нам и поинтересовалась: не желают ли господа комнату.

Обращение «господа» меня несколько смутило. Господа бродячие музыканты, да. Не слишком ли богато Артур нас одел?

Девушка ждала, не сводя с меня любопытных серых глаз. Над туго зашнурованным корсажем вздымалась довольно пышная для ее роста грудь…

— Ночлег нам не нужен. Принеси-ка нам пива да чего-нибудь поесть, красавица! — объявил Андрей.

Быстро он тут освоился.

— Сию минуту, сударь!

Девушка присела и унеслась, на прощанье снова обернувшись на меня.

— Смотри, как она в тебя глазами стреляет, чуть не съела! — шепнул эссенс, направляясь к дальнему столу у стены. Я шел следом, уже в слегка приподнятом настроении.

Что ж, пустячок, а приятно…

Мы сняли плащи и береты, уселись, оглядывая посетителей. Народу было не так много, но все как один пялились на нас. Преимущественно бедно одетый люд, в потертых колетах, в полинялых плащах. Компания, сидевшая у самого огня, вообще выглядела как шайка головорезов. У некоторых недоставало передних зубов. В противоположном углу прикорнул над кружкой молодой парень с длинными, до плеч, светлыми волосами. Этот выглядел наиболее прилично — в новеньком темно-красном балахоне (Андрей сказал, как это называется, но я сквозь гул

голосов не расслышал) в цвет бархатного берета, лежащего на столе. На берете улегся, вытянув лапы, какой-то серенький зверек. Не то соболь, не то куница… Не силен я в них. Да и не видел никогда, чтоб дикие звери вот так себя вели.

— Не обращай внимания, — сквозь зубы процедил Андрей. — Это деревня. Здесь каждый путник на счету. Тем более новые лица.

Еще бы. Я бы тоже заметил, если бы в рабочую столовую, где все в спецовках, вдруг вперлись два франта в пиджаках с иголочки. А именно так мы и выглядели.

Но — не более того.

Девушка принесла нам две кружки пива, мясо в деревянных судках и свежий хлеб.

И плюс ко всему — два больших ножа и двузубую вилку.

Одну.

— Не обессудьте, господа, у нас небогато…

— Как зовут тебя, милая?

Ну и зачем Андрею это нужно? Сам ведь говорил — лучше поменьше разговаривать.

— Керстин, добрый господин, — бойко ответила девушка.

А поглядывает все равно на меня, а не на него. Даже странно…

— А что же не видно хозяина, Керстин? Почтенного герра Томаса?

Красотка сразу погрустнела.

А Андрей, похоже, осведомлен гораздо лучше меня.

— Отец приболел. Второй день не встает.

— Разве нет у вас в деревне целителей? — продолжал расспросы Андрей, отхлебывая из кружки.

— Нет, сударь. Старая Берта померла, а молодых не научила. Но есть целительница за перевалом, уж думали давеча, не послать ли за ней. Если до утра не отпустит отца хворь, придется мне идти…

— Как же ты одна через перевал пойдешь? — не сдавался Андрей. А я никак не мог понять, чего он хочет.

— А что делать, добрый господин. Попросить-то некого…

В этот момент девушку позвали, и она убежала.

— Ну что, Стан, — произнес Андрей, разрезая мясо, — у нас две новости. Вернее, даже три. И все три — так себе.

— Целительница за перевалом?

— Вот именно. Ритка здесь всего ничего, а уже себя обнаружила. А тут инквизиция и костры настоящие.

— А две другие? И откуда ты знаешь про этого Томаса?

— Мы всю ночь с Артуром думали, какую линию поведения

лучше выбрать. У Томаса надо было спросить о перевале. Либо он проводил бы, либо дал нам кого-нибудь в спутники. Его болезнь — вторая новость. Самим искать придется.

— Ну, может, нас Керстин проводит?

— Она туда не пойдет.

Андрей запихнул кусок мяса в рот и отдал мне вилку. Переходящий приз.

— Почему не пойдет?

Я занялся едой. Ох, вкусно…

— Потому что я сейчас его вылечу. Я не могу этого не сделать. А после того, как я его вылечу, он тоже туда не пойдет, и никто с нами не пойдет. Это третья новость.

— Да в чем дело-то?

— А ты смотри, сейчас увидишь.

Дальше все произошло быстро, как в клипе.

Не церемонясь больше друг перед другом, мы ели мясо, хватая куски руками, и вскоре его прикончили. Салфеток не было, пришлось воспользоваться скатертью. А что? Туг все так делают. Когда Керстин пришла забрать грязную посуду, Андрей попросил провести его к хозяину. Сослался на то, что умеет врачевать.

Девушка всплеснула руками и буквально потащила «доброго господина» к отцу.

Эссенс вернулся минут через семь вместе с трактирщиком. У того оказалась пустяковая простуда, которая в этом мире убирается еще легче, чем в нашем. Ну какие узлы на паутине у человека, живущего в заповедном климате, потребляющего только экологически чистую пищу, занимающегося физическим трудом, не имеющего телевизора, компьютера, злого начальника… Нет, конечно, у него есть свои проблемы. Конкуренты, разбойники, налоги, брюшной тиф… Хотя, брюшной тиф и у нас встречается. Но это цветочки по сравнению с загазованностью и… двадцать первым веком.

Единственными факторами не в пользу пациента были возраст да привычка злоупотреблять пивом. Иначе Андрей вылечил бы его еще быстрее.

Томас — дородный мужчина с брюшком — рассыпался перед Андреем в благодарностях, просил остаться ночевать, принес нам две порции бульона и еще пива — совершенно бесплатно. И все вроде бы складывалось хорошо, но вдруг противный голос, принадлежащий кому-то из беззубых оборванцев, возопил:

— Колдуны! Это колдуны! Держите их!

Все посетители повскакали с мест и — кто со страхом, а кто и злобно — воззрились на нас.

Хозяин, смутившись, бочком-бочком, отошел в сторону.

К нам подступала толпа.

Нет, это уже слишком!

Сколько же надо было пройти, сколько всего пережить: и костер, и «расчлененку», и побег от милиции, и кандалы, и полет в пустоте, и угрозу смерти — причем неоднократную — и много чего еще, чтобы в конце концов в задрипанной харчевне средневековой давности тебя объявили колдуном!

Не знаю, что там чувствовал Андрей — вроде он даже был готов к этому, — а я зверски разозлился.

Я, Латушкин Станислав, системный администратор в аудиторской фирме лучшего города Земли! И я не позволю какому-то сброду…

Я вскочил на стол, схватил две пивные кружки и, выплеснув их содержимое на голову ближайшему бюргеру, заорал:

— А ну, подходи по одному!

Клянусь, они замешкались. Даже как-то растерялись.

Андрей встал рядом со мной, поигрывая ножами, и внятно сказал:

— Ну ты, блин, вообще даешь, майн либ!

Интересно, какую часть фразы адаптер не осилил?

Белобрысый парень, хозяин зверька, до сих пор, казалось, дремавший, встрепенулся и с интересом посмотрел на нас.

Близко никто не подошел. В нас полетел горшок с бульоном.

Мы отпрянули в разные стороны, и он вдребезги разбился о стену, выплеснув содержимое.

— Добро переводить?! — взревел хозяин.

Это послужило сигналом к началу битвы.

В нас уже швыряли всем подряд, в том числе ножами и вилками, но в основном — предметами потяжелее, типа стульев и посуды.

Мы с Андреем быстренько спрыгнули со стола и заняли оборонительную позицию.

Швыряться было особо нечем. Андрей метнул свою пару ножей, пригвоздив кого-то к стене — не смертельно, впрочем, да я попал пивной кружкой в чей-то лоб. Но вскоре народ, видя, что мы безоружны, попер напролом. Стол нам еще удалось кое-как перевернуть на наступавших, но силы явно были неравными. Дело окончилось бы плохо, если бы не парень в балахоне. Он выхватил шпагу — да-да, у него, оказывается, была шпага, а под балахоном — кираса — и подскочил к нам.

— А ну — назад! — крикнул он беснующимся оборванцам. — Кто подойдет, того проткну, как зайца!

Парень был явно моложе меня — Кириллу ровесник,

наверное. Но держался так, словно он какой-нибудь граф. Или еще круче.

Несмотря на его воинственный вид, несколько человек все же полезли в драку. Один, длинный и давно не мытый, схватил кочергу и бросился на нашего неожиданного заступника.

И они сцепились. Нет, правильнее сказать — скрестили. Шпагу с кочергой. Некогда было любоваться мастерством, потому что на меня полез толстый краснощекий мужик с огромной лысой головой. Я вообще-то филантроп, но ничего не оставалось, как молотить по его голове оставшейся в руках кружкой.

В общем, не очень эстетичная была драка, нечего описывать.

Андрей с криком «жаль, что бокс, а не фехтование» схватился с двумя. В рукопашной схватке за него можно не беспокоиться, я же видел его в деле. Это не то что от кружек уворачиваться.

До сих пор не могу поверить, что все происходило на самом деле. Скорее это был кошмарный сон.

В общем, пока я кое-как, с трудом и синяками, справился с одним, Андрей и этот парень отделали человек восемь-девять. На двоих, правда. Часть разбежалась, остальные, оставшись в меньшинстве, уже не лезли.

— Вам лучше поскорее уйти отсюда! — произнес парень со шпагой. — Сейчас сюда заявится вся деревня. Куда вам нужно?

— К перевалу, — тихо вздохнул Андрей.

— Вы ищете Грэту? — нахмурился парень.

— Да. Только, пожалуйста…

— Я провожу вас. Хозяин! Вот тебе за разбитую посуду!

Он оставил трактирщику горсть монет. Мы с Андреем присоединились, хотя и не понимаю я их странных обычаев. Мы, что ли, начали посуду бить?

— Тери! — позвал парень. Зверек, до сих пор испуганно жавшийся в углу, вскочил и быстро, как молния, помчался к выходу, обогнав нас.

— Меня зовут Дитрих, — представился парень, когда мы, все в ссадинах и кровоподтеках, в попорченных костюмах, уже отошли на порядочное расстояние от деревни. Вроде никто не собирался нас догонять. — Я часто бываю в Мильхендорфе по делам, и меня тут все знают. С кем имею честь?

— Андреас, а это мой друг — Стан. Станислаус. Мы музыканты из Макбурга.

— Так ли это?

Мы поднимались по узкой тропинке в гору, зверь — серебристый хорек, как сказал Дитрих, бежал впереди.

— Мне показалось, вы более — целители.

— Только он, — ответил я.

— На чем же вы играете? — полюбопытствовал Дитрих. Вот въедливая бестия!

— На свирелях, — заученно ответили мы.

— О! Рад буду послушать. К несчастию нашему, ночевать придется в горах. Но в паре сотен шагов отсюда есть хижина пастуха, там и остановимся. Тери, где ты?

Он пробежал немного вперед по тропинке, отыскивая хорька.

— Стан! Тебе нельзя пить пиво натощак! — прошипел Андрей. — Я до сих пор в себя прийти не могу, как вспомню тебя на столе с кружками в руках!

— Я трезв, как стекло, — серьезно сказал я. — Только если честно, Андреас, я несколько устал.

— Скоро придем, Дитрих сказал.

— Я не в том смысле устал. А вообще.

Вернулся парень с хорьком, избавив нас от неприятного разговора.

…Хижина, к счастью, оказалась даже ближе ста шагов. Ветхая, правда. Но нашим усталым сущностям сейчас подошел бы и шалаш.

Очаг был выложен прямо на земляном полу, из камней. Постель была одна, из сухих листьев и овечьих шкур.

Совместными усилиями мы развели огонь. Дитрих вскипятил в найденной в домике примятой посудине травяной чай, Андрей сыпанул в «котелок» какую-то пряность, имеющуюся среди тех «ненужных мелочей», о которых говорил Артур.

— Ах, чудесный вкус! — попробовав, оценил наш новый знакомый. — Так откуда, стало быть, вы?

— Из Макбурга! — сонным голосом повторил Андрей и рухнул на шкуры. Через секунду он уже спал. Досталось все-таки ему в этой драке.

А вот мне спать совсем не хотелось. Как и Дитриху.

Мы сидели у горящего очага, все подкладывая хворост, который неизвестный мне пастух заготовил в избытке. Красноватые отблески падали на лицо нашего нежданного товарища — очень молодое лицо, но чересчур серьезное. У Кирилла я никогда не видел такого выражения, как и у большинства его друзей.

— Я сам из Макбурга, — наконец произнес Дитрих. Ну вот, я так и знал! — И голову даю на отсечение: ни ты, ни твой друг ни разу там не были. И пряность, именуемую корицей, туда пока не завезли.

Он помолчал, помешивая палкой уголья, словно давал мне время опомниться.

— У каждого есть свои тайны, — продолжал этот странный

паренек. — И каждый вправе их хранить. Я тоже не открываю своего занятия по некоторым причинам. Но вы идете к Грэте. А Грэте я никому не позволю причинить зло. И я хочу знать — зачем она вам.

Все-таки хорошо, что есть адаптер. Иначе я бы ни в жизнь не догадался, что Грэта — это уменьшительное от Маргрэта. Маргарита попросту.

Я напряг все свои умственные способности. Может, Артур и дал Андрею достаточно четкие указания о том, что можно говорить случайным попутчикам, а что — нет. Но Андрей спит. А я, как обычно, не в курсе.

— А кто ты ей такой? — спросил я, чтобы потянуть время, пока не придумаю что-нибудь умное.

Дитрих перестал мешать палкой в костре и обхватил колени руками.

— Никто. Я хотел бы стать для нее всем, — произнес он с чувством. — Но она ждет какого-то своего потерянного жениха.

Ах, Андрюха! Рано ты уснул…

…Мне повезло на этот раз. Пока я обдумывал ответ, Дитрих и сам стал клевать носом.

Я осторожно подвинул его к Андрею, а сам улегся с краю. Чувствуя, что тоже засыпаю, я накрыл потухающий очаг специальным колпаком, припасенным в хижине как раз для этой цели.

ГЛАВА 15
Первый

«У каждого мага за спиной — хотя бы один разрушенный мир…»

Есть такая присказка…

Артур сидел на помосте для сожжений, завернувшись в мантию.

Согласно правилам, вступающий в должность глава Трибунала первым делом отдает три распоряжения. Приказы, касающиеся Лиги, Института преобразовательной физики и самого Трибунала. Но когда ты просыпаешься утром и понимаешь, что ты — Первый маг и Первый инквизитор одновременно…

Зазвонил мобильный, Артур машинально нажал кнопку.

— Да?

— Простите, что напоминаю, шеф, — мягко сказал Эдуард. — Все ждут в главном зале.

— Да-да. Я сейчас.

Артур сбросил вызов, но не тронулся с места.

За стенами замка блестит в солнечных лучах море, и, может быть, у самого горизонта идет теплоход…

Мир нежится под ясным осенним небом.

Лабиринт. Единственной мир, в котором уживаются высокие технологии и волшебство.

Его нельзя разрушать.

Нельзя открывать внешние коллатерали.

Нельзя менять внутренний порядок, потому что люди привыкли к нему.

Никто не спрашивает, как поддерживается баланс между магией и техникой.

Какую цену платит эссенциалист, нарушающий постулаты.

Люди хотят жить, улыбаться, любить, растить детей… И гордиться своей землей.

Артур сжал правую руку в кулак. Она до сих пор побаливает в сырую погоду. Гибкость пальцев восстанавливается медленно, он не может быстро печатать, неудобно пользоваться пером. Даже к пинг-понгу он вернулся совсем недавно.

Можно отменить костры. Можно разрешить инженерам работать над порталами.

Можно все, что угодно, и Трибунал не осудит.

Потому что Трибунал — он сам. Артур Пелганен, Первый

судья.

Первый маг. И эссенциалист.

Снова звонит мобильный. Ну подождите же вы…

— Да!

— Шеф, где вы сейчас?

— …Там!

— Понял.

Эдуард отключился. Через минуту он уже стоял перед Первым.

Три года назад он сказал молодому магу: «Чем сильнее человек, тем больше испытаний выпадает на его долю. Но ты можешь облегчить испытания для других».

Артур остался в Трибунале…

— Артур, пойдем!

Щемелинский протянул эссенциалисту руку и буквально стащил его с помоста. Артур пришел в себя, слегка смутившись.

— Эд, я бы не хотел…

— Никто не узнает. Пошли, есть немного времени…

Они покинули двор и вошли в одну из дверей в стене. Главный провел Артура коротким широким коридором, и очень скоро они оказались в просторном, современно оборудованном помещении, залитом солнечным светом.

В спортзале.

Трибунальщики регулярно пользовались спортивным залом, поддерживая форму, дух да и просто расслабляясь.

Крыши не было, защитой от дождя и снега служил раздвижной купол. Сейчас его раскрыли.

Посреди спортзала был натянут батут.

— Снимай свою мантию. Залезай и прыгай. Если хочешь, я выйду.

— Останься, пожалуйста…

— Хорошо, Ваша честь…

Артур сбросил мантию на руки Щемелинскому и влез на сетку.

Надо только слегка присесть и оттолкнуться…

— Жизнь — это прыжки на батуте…

Нелегко разговаривать — прыгая, но слова выплескиваются сами…

— …Летишь вверх — восторг… Адреналин… Легкость… Моральный подъем…

Падаешь — страх… Паника… Обреченность…

Вдруг под ногами… не окажется… пружинящей ткани? Лишь острые камни… Лишь кости незадачливых прыгунов…

Артур закрыл глаза.

Вдох. Выдох. Ветер. Прыжок.

— *Каждый — сам… себе… батут. Кто-то улетает под небеса… Рискует… Пьет до дна… полную чашу… А я сейчас… и на пару метров… боюсь… прыгнуть… Вдруг что-то… не так пойдет?*

Эдуард смотрел на молодого судью не отрываясь. Он пережил уже двух начальников.

Предшественник Циферблата — эссенциалист — славился своей мягкостью и человечностью.

Макс, профессиональный юрист, получил от него в наследство полуразвалившийся Лабиринт…

Артуру Циферблат оставил восстановленный мир. Процветающий, но усиленно отрицающий это.

Первому судье предстояло удержать Лабиринт от саморазрушения.

Балансировать.

«А все-таки жизнь в прыжке — прекрасна, — думал Эдуард, глядя на „летающего“ вверх-вниз мага. — Это лучшее, это самое настоящее, единственное, что имеет смысл…

Иногда кажется — солнце так близко, что даже успеваешь ощутить жар. Быстрее бьется сердце, и весь запас внутренней энергии выплескивается… чтобы помочь дотянуться, овладеть ярким, сияющим шаром…

А потом ты падаешь.

Но это твое право. И твоя жизнь»…

Первый судья спустился с батута, готовый огласить два приказа. По Лиге и Трибуналу.

— Ваша честь, — произнес Главный, накидывая на плечи Артура мантию. — У вас есть пятнадцать минут. Вы можете не выходить в зал, а направить распоряжения по сети. Мы ждем у экрана, так же как Глеб и Высокие магистры в своих учреждениях.

— Да, Эдуард, я больше не заставлю вас ждать. И спасибо.

Они пожали друг другу руки, после чего разошлись.

Артур шел в кабинет. Шаги гулко отдавались в узком коридоре.

«Только я тебя умоляю — не развали мир. Я так долго его берег».

— Я знаю, Макс.

«Как же ты будешь сжигать себе подобных»?

— Стас, и это помню.

Пятьдесят метров, потом открыть дверь, включить компьютер, сесть за клавиатуру и набрать тексты двух приказов.

«Отменить аутодафе.
Аппарату [личному составу] перейти на современную

форму одежды, для этого подключить дизайнеров.

Природные коллатерали между мирами привести в действующее состояние, но использовать только с целью портации эссенциалистов. (Примечание — вместо костров).

Срок ссылки эссенциалистов из пожизненного сократить до…»

Артур задумался. Сколько нужно времени для того, чтобы человек успел освоиться, помог соседнему миру, осознал свои ошибки — или их отсутствие — и захотел вернуться? Зиньковец вообще не захотел. Остальные известные ему осужденные начинали мечтать о возвращении уже через пару месяцев, но лет через семь-десять это желание притуплялось. Что ж, исключения только подтверждают правила…

«…сократить до пяти лет».

По Трибуналу — пока все. Текст сейчас прочитают в главном зале.

Артур отправил сообщение на дисплеи и принялся за новое.

«Перевести академию и все эссенциалии на полное сетевое обеспечение. Учет статистики вести ежеквартально и ежегодно. Ежемесячные и ежедневные отчеты отменить».

Это сейчас увидят Высокие магистры на экране в Бежевой аудитории академии Эссенс. У кого-то от возмущения пропадет дар речи, а кто-то скажет: «Молодец. Слава Лабиринту, давно пора».

Всем не угодишь.

Итак, два приказа отправлены. Но что сказать Глебу Ярову, директору Института ПФиПЛ?

Инженеры, программисты, портальщики ждут, когда же Трибунал даст разрешение на дальнейшую разработку и активное использование коллатералей.

А это гарантирует утечку мозгов и магической составляющей, не говоря уже о том, что может сюда прийти из других миров…

Зазвонил телефон. Артур взглянул на номер: домашние.

— Да! Светочка, у меня только четыре минуты.

— Прости, милый. Тут Котенок нарисовала картинку и очень просит показать ее папе.

— Хорошо, я включу видеофон.

На экране появился детский рисунок. Кривенькие домики с

треугольными крышами, узкие длинные, словно гусеницы, машинки. Круглоголовые люди с улыбками до ушей, цветы с лепестками разного размера. В самом верху — оранжевый круг. А между солнцем и городом… Что же это такое? Мячик? Слишком сплющенный…

— Дорогая, а что это над крышами? — устало спросил Артур.

— Летающая тарелка, по-моему.

— Какая тарелка? — не понял Пелганен.

— Ну корабль космический. Хочешь, спрошу?

Артур во все глаза смотрел на рисунок.

В городе Айсбург светит солнце, ездят машины, улыбаются люди, выходя из уютных домов на засеянные цветами улицы…

— Дай мне Катю, — наконец сказал он.

— Але-о? — услышал Артур через мгновение голос девочки.

— Доченька, что ты нарисовала в небе? Пониже солнышка?

— Папа Артур, это корабль с космонавтами! — заявила Катя. — Их специально тренируют, мне папа Стасик рассказывал!

…А над городом Айсбургом летит космический корабль…

— Спасибо, доченька, замечательный рисунок. Ты его не выбрасывай, ладно? — автоматически произнес Артур, кладя трубку.

Оставалась минута.

Ну, Стас…

Артур сел за клавиатуру и, невзирая на боль в руке, стремительно забарабанил по клавишам…

* * *

На крыше лаборатории Глеб Яров вместе с ведущими аналитиками напряженно ждал решения Трибунала. В руках у всех были пустые стаканы. Поодаль дожидались две закрытые бутылки виноградного вина: белого (на случай, если придет «добро») и красного (если нет).

Вкус красного уже мерещился Глебу в ночных кошмарах.

Тень установленных здесь солнечных часов неумолимо приближалась к центральной отметке. Ноутбук на коленях безмолвствовал.

В Лабиринте полно самой точной, самой современной техники. Солнечные часы — традиция. Традиция и то, что если никакого приказа не придет до полудня, в институте все останется по-старому. Как было при Циферблате.

Полный контроль и ничего нельзя.

— Да не разрешит он.

— А вдруг разрешит? Все-таки Эдуард сейчас Главным дознавателем, может, присоветует. Из-за сына.

— Вот как раз из-за сына и не присоветует! — раздавались голоса то справа, то слева.

Глеб ждал. Тень от гномона едва заметно ползла. Конечно, приказ может прийти и позже, никто не осмелится объявить его недействительным. Но обычно — если решение есть, оно оглашается сразу, чего тянуть…

С крыши спускаются вьющиеся плети винограда — желтого и прозрачного на солнце. Как же хочется вина — белого «Тракайского», а можно и «Айсбургского». Хочется оторваться, уйти от экрана, закрыть ноут, выключить… И не смотреть, ожидая распоряжения, словно приговора.

Тень заняла вертикальное положение, когда по темно-синему экрану побежала светящаяся строка…

«Разрешить разработку коллатералей.

Разрешить активное использование гармониевых носителей».

— А-а-а-а-а-а!

— Йе-э-э-э-э!

Кто-то откупорил «Айсбургского».

Портальщики вопили, обнимались, чокались и тут же опустошали стаканы.

В это время строка побежала снова:

> *«Подключить руководство Высшего летного училища к составлению план-проекта освоения космического пространства и подпространства. Отделу Микроэлектроники предоставить все имеющиеся в информационных источниках данные о навигационных системах. Артур Пелганен, Первый судья Трибунала Лабиринта».*

Подписываться было не обязательно. Это лишь означало, что распоряжения закончены.

Все замерли.

Перестали кричать, пить и даже дышать.

Глеб Яров вернул текст на экран полностью.

— Что это значит, а? — наконец подал голос один из аналитиков.

— По-моему, мы будем делать эти… спрунгеры! — не веря своему счастью, откликнулся случайно оказавшийся на крыше стажер.

— Кого? — не понял народ.

— Джамперы, — ответил Глеб. — Похоже, ты прав… Работаем на космос.

«И тогда Великий маг поднялся высоко в небо»…

ГЛАВА 16
Рита

Жуткий холод не дал поспать.

Еще одно утро. Опять совершенно другое, и мир другой. Скоро мне хватит впечатлений на небольшую коллекцию.

Андрей дрых, как хорек, который пригрелся у него в ногах. Надо же, проникся доверием… И как они могут спать при температуре ниже нуля!

Только нашего рыцаря в хижине не было.

Разводить огонь задубевшими пальцами я был совершенно не способен. С намерением попрыгать и согреться, а заодно поискать нового знакомого, я выскочил из домика.

Вчера-то мы шли уже в темноте, разглядеть что-либо было совершенно невозможно. Только благодаря Дитриху, знавшему, по-видимому, эту местность как собственный дворик, мы смогли найти тропинку, хижину, да вообще не скатиться в пропасть.

А сейчас я увидел… горы под снегом и замерзшее озеро.

Лед искрился, будто миллионы хрустальных осколков или елочная мишура. Есть такая, с напылением…

Красота.

Я даже пожалел, что не сумею нарисовать эту зимнюю сказку.

Здесь не наши Альпы, но что-то подсказывало мне — Долина в Германии выглядит так же. Или почти так же.

Миров много, но…

Нет, не так. «Много миров, но едина их главная сущность». Откуда я это знаю? Навеяло…

А мы, оказывается, забрались довольно высоко. Но спуска не видно — наоборот. Тропинка, по которой мы добрались сюда, убегает все вверх и вверх.

Тишина.

Вокруг высокие ели, и я стою один. Словно гном. Очень маленький и незаметный.

Внезапно с елки посыпался снег прямо мне на голову. Я осторожно выглянул: птица на ветке. Довольно большая, с красноватой спинкой. Вспорхнула и улетела.

Почему же так тихо? Есть краски, но не хватает звуков. Эха? Шороха? Щебета?

И тут я понял, чего именно.

Я бросился в хижину. Андрей все еще спал, хорек при моем появлении поднял голову.

Я полез в мешок и достал свирель. Авось разберусь, как она

работает.

Вернувшись на улицу, внимательно осмотрел «дудку». И сразу понял, что нужно делать.

Она раздвигалась наподобие складного пластмассового стаканчика.

Готово, теперь это полноценный инструмент. Нашлась и кнопка под мундштуком. А вот надо ли дуть, Артур не сказал. На всякий случай я набрал в легкие воздуха, поднес свирель к губам и медленно стал выдыхать, нажав при этом кнопку…

Музыка полилась. И гром меня разрази, если это были не «Зеленые рукава»! Старинная кельтская мелодия, моя любимая вещь.

Я так удивился и обрадовался! Чужой мир, чужие обычаи, неведомая дорога — а музыка все та же. Знакомая до слез. И до чего же она подходит!

На пороге появились Андрей и хорек. Стоят и слушают, Тери даже ушами поводит. А я все играю и играю. Вернее, она сама играет и никак не хочет меня отпустить. Пролетело куплетов пять, прежде чем я смог наконец оторваться и перевести дух.

— Он тут дудит, — делано возмутился Андрей. — А нет чтоб огонь развести, пока брат не превратился в сосульку!

— Ох, извини, — смутился я. В самом деле, совершенно забыл обо всем на свете…

Тери вдруг пискнул и юркнул в хижину.

— Не шевелись и не играй пока, — быстро сказал Андрей, напряженно глядя за мою спину.

— Что — обвал? — испугался я…

— И помолчи.

Я скосил глаза, ничего странного не заметил и обернулся.

Все спокойно. Птиц нет, ветви не шевелятся.

Лишь что-то пестрое у ближайшего ствола, вроде свернутой мантии.

— Медленно иди к дому, — сказал Андрей. — И не дергайся. Не поворачиваясь, так и иди.

Ну конечно! Я же должен узнать, что это…

Я сделал шаг к непонятной куче.

За спиной раздалась тихая ругань.

— Куда ж ты… Назад!

Но я уже и так все понял.

Огромная кошка, снежно-белая с черными пятнами. Как барс, но с кисточками на ушах и бородатой мордой.

Валяется на боку и глядит на нас, будто ждет чего-то. Расслабленно так, умиротворенно… Любуется. На еду так не смотрят.

— Заслушалась, что ли? — пробормотал я. — Пока не начал дудеть — никого не было, я бы заметил.

— Пришла в партер, видно, — ответил Андрей. — Давай в дом, а? Кажется, и на балкон слушатели подтягиваются.

Скрипнула сосна над головой. Я задрал голову и чуть не присвистнул: на тоненькой веточке висела знатная зверюга, обхватив ствол лапами. Бурая, с воротничком. И с широким оскалом: то ли улыбается от восторга, то ли у нее всегда так.

Да, пожалуй, Андрей прав. Выступление надо в камерной обстановке организовывать, чтоб не понабежали всякие.

В дом мы влетели одновременно, чуть не столкнувшись плечами. Дверь сразу захлопнули.

Я посмотрел в окно: и на дереве, и под ним — никого. Померещилось?

— Любители прекрасного… Хорошо, что не гурманы.

Андрей усмехнулся.

— Или, напротив, слишком разборчивы в еде. Кстати, где наш новый друг? Тери, фью, — свистнул он. — Где твой хозяин?

Тери, к нашему удивлению, ответил на свист звонко и переливчато. А через секунду произнес:

— …По делам. Скоро вернется.

Мы переглянулись. Ай да техника трибунальская…

Огонь развели в два счета, навострились уже. Пока закипала вода — снега вокруг с избытком, чистого, — распотрошили неприкосновенный запас из вещмешков.

Андрей взрезал ножом пакетик и понюхал.

— По-моему, белок какой-то.

Я надорвал упаковку зубами.

— Угу. Соевый. Соевое мясо.

— Это из чего?

— Да из сои же. Растение такое. Не ел никогда?

— В Лабиринте не знают такого растения, — покачал головой Андрей. — По-моему, это синтетика. Горячая уже вода, давай сыпать.

Что ж… Если у них не растет хлопок — поэтому все так удивлялись моим джинсам — вполне возможно, нет и других растений. Но они неплохо обходятся…

Двух пакетиков как раз хватило на котелок. Тут-то и вернулся Дитрих. Знал, когда приходить, хитрец.

— Доброе утро! А чем это у вас так вкусно пахнет?

Чтоб не запутаться, сочиняя неправдоподобные объяснения, я перевел разговор на другую тему — рассказал про медведя и кошку.

— Зверюшкам играете, а мне? — обиженно протянул Дитрих.

Мы поклялись, что — непременно.

О том, где пропадал, наш друг не счел нужным сообщить. Сказал только, что дальше проводить нас не сможет, ждут срочные дела.

За разговором он достал из своей сумы шесть сухих лепешек. А ведь тоже запасливый…

Так что завтрак удался на славу. Пока ели, хорек все время вертелся возле Андрея. Вставал на задние лапки, тычась мокрым носом в ладонь, извивался, запрыгивал на колени, совал нос в еду и забирался за шиворот.

Андрею это явно нравилось, и свою порцию он щедро разделил пополам.

— Надо же, как он тебя полюбил, — покачал головой Дитрих, забирая котелок, чтобы наполнить его свежим снегом для чая. — Тери. Пойдешь со мной? Нет? Ну и сиди.

Он вышел за дверь, а я тихо сказал:

— Он вчера спрашивал, кто мы да откуда. Говорит, что сам из Макбурга.

— А ты что? — встревожился Андрей, поглядывая за окно.

— Я ничего не успел ответить. Уснул он.

— Странно, почему сейчас не спрашивает…

Андрей задумчиво погладил хорька.

— А еще он про Риту сказал, что она тебя ждет.

— Что?!

— Ну, не тебя, а жениха своего…

Я прикусил язык, но было поздно. Андрей изменился в лице и больше уже не проронил ни слова. Ах, голова моя дырявая…

Дитрих вернулся и поставил котелок на огонь.

— Вот что, господа, — начал он. — В другое время я бы ни за что не пустил вас за перевал, потому что ни мысли ваши, ни поступки мне непонятны. Но Тери я полностью доверяю. Он не выносит злодеев и проходимцев. И людскую сущность чувствует безошибочно.

Андрей против воли расплылся в улыбке.

— Наш человек! — шепнул он мне.

Да уж. Еще один специалист. Коллега.

— Отправляйтесь вверх той же дорогой, пока не выйдете на широкое плато. Оттуда видно долину. И дом. Спускайтесь осторожно, склон очень крутой, легко сорваться. Грэте передавайте от меня поклон. Да скажите, чтоб…

Он отбросил волосы со лба, вздохнул.

— Нет, ничего.

Быстро собрались, поблагодарив неизвестного хозяина за кров, и вышли.

Низкое небо, снежная дорога, солнце маленькое и бледное. Но мне начинало все это нравиться.

Дитрих шагал впереди — он все-таки решил проводить нас до плато — Тери сидел у него на плече, помахивая хвостом. Замечательный зверь, нам будет не хватать его. Я топал посередине, стараясь попадать в след. Сзади ступал Андрей.

Три смелых зверолова…

— Господа, — обернулся наш проводник. — А кто-то обещал музыку…

И идет себе дальше. Мы с Андреем полезли в торбы. Я, как уже более опытный, первым раздвинул флейту и заиграл. Те же «Рукава», но уже как-то иначе. Как будто на знакомой реке появились новые пороги, неизвестные острова, излучины…

Флейта Андрея выводила вторую партию.

Дитрих неожиданно запел. Не понимаю, как он не охрип на морозе… А голос у него совсем юношеский — чистый и звонкий. Да еще акустика в горах — будь здоров…

В далеком краю у подножия гор,
где летом орешник цветет,
Где эхом орлиный летит разговор
к прохладному зеркалу вод,
Где утром клубится в оврагах туман,
спустившись с искристых вершин,
Там Чудо мое, мой пьянящий обман
живет средь зеленых долин…

Не знаю, как Андрюха, а я сразу просек, о ком он толкует. Что-то понятливым стал в последнее время. Родство с эссенциалистом влияет?

— Она длинноногa, как быстрая лань,
Как горный поток весела,
Над ней благодати божественной длань
С рожденья простерта была.

И свет всех вечерних и утренних звезд
Ее отражают глаза.
А руки лишь вскинет — и радужный мост
Дугою летит в небеса.

…Мы встретились в сумерках зимней порой…
Я шел, одолев перевал,
А колких снежинок взволнованный рой

Гавот надо мной танцевал.

Сейчас наберу сушняка для костра,
Согреюсь, коль ужина нет,
Под склоном горы прикорну до утра..
Но что там вдали? Будто свет?

Какая удача! Несусь во весь дух,
В надежде на пищу и кров.
Должно — дровосек, а быть может — пастух
Домишко возвел средь ветров.

«Откройте, хозяева! — бухаю в дверь, —
Ужо не останусь в долгу!
Я — бедный художник, поэт, менестрель,
Развлечь-позабавить могу».

«Не заперто, путник!» — звенит голосок.
Вошел — и как вкопанный стал.
Я с лирой немало протопал дорог,
Но женщин таких не встречал.

Красива, как эльф. Золотая коса
До полу струится рекой.
Лишь только ее увидали глаза
— Навек потерял я покой…

Тут уж, кажется, и у Андрея не осталось сомнений. Он опустил флейту и остановился, впившись в Дитриха глазами. Певец тоже замолчал, перестал и я. Они стояли друг напротив друга, пока Тери не прервал переливчатым свистом затянувшуюся паузу.

— Мне пора, — произнес менестрель. — Почти пришли, впереди спуск.

— Спасибо тебе, — сказал Андрей. — Тери, пока! Фьюить! Еще встретимся, а?

— Непременно! — свистнул Тери.

— А ведь ты понимаешь его! — сказал Дитрих. — Счастливого пути… Стан, будь здоров! Идите осторожно!

— И тебе всего хорошего, Дитрих! — откликнулся я. — Жаль, что так мало пообщались.

— Ничего, — улыбнулся он. — Если звезды будут благоприятствовать — свидимся.

Он махнул рукой на прощание и очень быстро скрылся из виду. На плечо мне с хулиганским щелчком упала шишка. Похоже, кроме певца у нас были и другие провожатые.

Мы остались на плато, с молчаливого согласия не говоря больше о Дитрихе.

Отсюда открывался вид на широкую заснеженную долину.

— Ковер. Пушистый ковер, — произнес Андрей.

— А до него еще топать и топать, между прочим, — констатировал я, убирая свирель в мешок.

— Стан, ты видишь домик?

Я помотал головой. Какой там домик! Глаза режет от белизны.

— Вон он, смотри…

Я напряг зрение изо всех сил, пытаясь понять, что можно различить на этом чистом белом листе.

— Левее…

Да, действительно. Едва заметный бугорок и узкая черная полоска между снегом на земле и снегом на крыше. Сам бы я не догадался.

— Я боюсь, Стан.

— Чего?

Я недоверчиво глянул на Андрея. Боится? Сейчас? Когда все позади?

— Боюсь, что она не узнает меня. Или узнает, но не примет…

— Да ладно! Ну что ты, в самом деле! Кого же она примет, если не тебя!

— Стан! — Андрей захлопнул свою свирель, едва не сломав ее. — Я так хотел дойти, понимаешь? Дожить. Добраться, доползти — любой ценой. А сейчас во мне что-то скребется: «Чего приперся, дурак»?

— Ага. Ну что, поплыли обратно, Василий Иваныч?

— Кто?

— Анекдот такой. Хватит с ума сходить, пошли!

Я решительно двинул вниз по склону.

Даже слишком решительно.

Дитрих не зря предупреждал. Не сделав и десяти шагов, я поскользнулся, упал на спину и неминуемо слетел бы с почти отвесной скалы, если бы Андрей, подоспевший в последний момент, не схватил меня за лямку мешка. Эссенс уцепился за голые ветки кустарника, а я нащупал ногами камень и уперся в него.

— Стан, ты что?! Священный лабиринт, мать его за ногу! Иду я, иду! Только не так быстро, ладно?

— Может, нам веревкой обвязаться? — сказал я вместо

ответа. — У нас есть веревка?

Андрей молчал.

— Але!

— Есть. Я думаю, как ее достать.

* * *

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Андрей, проявляя чудеса гибкости и пытаясь распластаться на склоне, смог развязать мой мешок. Но все напрасно — в моем комплекте веревки не было.

— Да ты подумай, а! Предусмотрительный Артур не положил вторую веревку! — с досадой произнес эссенс.

— Правильно, две и не нужно. Одной за глаза хватит! — глубокомысленно произнес я. А что еще оставалось?

— Придется Артура звать, — с неохотой протянул Андрей.

— А из твоего мешка?..

— Нереально. Звезданусь. Артур! — закричал Андрей в пространство. Никто не ответил, он крикнул чуть громче. — Артур!

— Я тебе дам, «не положил»! — рявкнул голос с небес. — В боковом кармане смотри!

Я так и припечатался к склону. Андрей завозился и через некоторое время крикнул: «Нашел»!

— Обормот! — со вздохом облегчения произнес голос. — Стаса не урони!

Пока Андрей, сбросив плащ вниз, пристегивался — веревка оказалась не какая-нибудь, а с карабинами, — я медленно приходил в себя.

— А он все слышит, да?

— Не все. Он иногда выходит… скажем так, в эфир. Тогда слышит. Но сделать ничего не может, для этого его надо позвать.

— А помнишь, он говорил: «Я вас вытащу, если что»? — припомнил я.

Андрей сбросил мне свободный конец веревки с креплением.

— Сможешь пристегнуться?

— Думаю — да.

Я осторожно, перехватывая канат то одной, то другой рукой, стал оборачивать его вокруг пояса. Мой плащ полетел вслед за Андреевым.

— Вытащить-то вытащит. Обратно в Лабиринт! А нам осталось два шага…

Я не стал напоминать, что кто-то только что не хотел никуда

идти…

Кое-как мы слезли. Сползли. Спустились-таки с этого плато. Почти живые.

Поэт был прав: лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал. И никогда не будешь!

Молча смотав веревку, убрали ее в мешок. Руки-ноги, гудевшие от только что пережитого напряжения, требовали оставить их в покое. Порванный в двух местах плащ Андрея сняли с куста. Мой — вообще не нашли. Но у меня хоть колет почти не пострадал, не считая потерянных в драке пуговиц. Андрею же пришлось свой выбросить вместе с рубашкой — кружева превратились в лохмотья. Впрочем, как и штаны, которыми он при спуске цеплялся за каждую неровность.

— Одно из двух. Либо ты заворачиваешься в плащ, как античный бог, либо достанешь свою одежду, — заключил я.

— Что-то я не слышал, чтобы боги заворачивались в плащи, — пробормотал Андрей, вытаскивая пакет. Через пару минут он уже облачился в свой бежевый костюм и нормальные ботинки. Значок прицепил на рубашку, спрятав под пиджак. А я так и остался в прежнем образе, накинув его плащ себе на плечи.

Чудесная парочка.

— Интересно, что сказал бы Артур, — задумчиво произнес эссенциалист.

— Он матом не ругается, — ответил я. — Интересно, что скажет Рита.

Андрей быстро посмотрел на меня.

— Адаптер!

Я хлопнул себя по ушам, по груди.

— Посеял! — кивнул Андрей. — А флешка?

— Флешка вот, — вздохнул я.

— Ну и черт с ним, возьми мой.

— А ты?

Андрей молча снял гарнитуру и стал прилаживать ее на меня.

— Не надо, тебе сейчас нужнее!

Андрей помотал головой.

— Либо мы с ней поймем друг друга без всяких переводчиков, либо нам и техника не поможет!

Резонно. Я не стал спорить.

— Пойдем, спутник, — вздохнул он, и мы двинулись к домику.

Сверху расстояние казалось гораздо меньшим. На деле пришлось шагать целый час чуть не по колено в снегу, пока мы не добрели до круглого колодца. Здесь начиналась утоптанная

дорожка к крыльцу. Метров сорок — и мы у дома. Аккуратненький домик, словно из сказки, с цветными стеклами в окошках…

И дым из трубы.

— Кто-то есть! — сказал я, присев на край колодца, чтобы вытряхнуть снег из башмаков. — Если хочешь, давай ничего сразу говорить не будем. Давай посмотрим на ее реакцию сначала, а там сообразим.

Мне хотелось выработать стратегию, тактику, беспроигрышный вариант.

— Ты, главное, не волнуйся, а лучше вообще молчи, я сам начну разговор.

В это время дверь домика отворилась, появилась девушка. Высокая, с двумя длинными светло-русыми косами, в пышном зеленом платье с передником.

— Да, — сказал я, — вполне ничего. К такой можно и в костер. Но ты, главное…

Андрей меня не слушал уже.

Он бросился навстречу Рите.

Забыв свой страх, неуверенность, осторожность, разговоры о долге и прочие глупости.

А Рита бежала к нему.

На полдороге они встретились, Андрей подхватил ее на руки и стал целовать.

И судя по всему, ей было неважно, как он выглядит.

…А снег все никак не вытряхивался из моего башмака…

…Я обнял ее, благодарный судьбе,
И в танец увлек за собой,
А флейта играла сама по себе,
Ей вторил незримый гобой.

Колышется пламя оплывшей свечи,
И знаю — не надо речей,
Ведь губы твои как огонь горячи,
А сердце — еще горячей…

* * *

Вот честно: не люблю фэнтези. Жизнь-то гораздо интереснее придуманных историй. А уж сколько нам с Андреем пришлось пережить…

Андрея я очень хорошо понимаю: Рита и красавица, и умница, и добрая… А главное — Как хорошо, что она его дождалась!

Андрей сказал, что обвенчается с ней в местном костеле. Готов на время стать католиком, как все бавардийцы.

На мой вопрос насчет дальнейших планов эссенс ответил: «Не знаю. Но пока я остаюсь здесь».

И это правильно. Сколько можно мыкаться, должен же у них быть медовый месяц, вполне заслужили!

А вот я домой пока не собираюсь. Сегодня утром я умывался холодной водой у колодца, когда неожиданно со стороны гор появились Дитрих и Тери. Менестрель поздоровался и, ни о чем не спрашивая, предложил мне пойти с ним по дорогам.

— Я музыкант, страж этого мира. Но и в другие миры заглядываю. Твой товарищ, как мне кажется, нашел то, к чему стремился. Теперь ты со спокойным сердцем можешь оставить его здесь.

Он перевел глаза на домик и со вздохом произнес:

— Фройляйн Зеленые Рукава…

Потом повернулся ко мне:

— Стан, мы с Тери будем очень рады, если составишь компанию…

Тери переливчато свистнул: «Соглашайся, друг!»

Я посмотрел на них обоих: юношу и хорька. В самом деле — Дитрих сейчас самый подходящий для меня товарищ. По несчастью. Хотя несчастным я себя не чувствую. Тоска пройдет, было бы занятие.

— Согласен, — улыбнулся я, протягивая менестрелю руку. Тот с радостью пожал ее.

Дитрих хотел увести меня немедленно, но я не мог уйти, не попрощавшись с Андреем. Со своим братом.

Мы договорились отправиться завтра на рассвете.

…А вечером мы сидели втроем у печки — Андрей, Рита и я. Потрескивал огонь, за окном падали снежинки…

— Андрей, я все думаю про ту историю, о магах и людях. Про Лабиринт и паутину. Это что — ваша официальная версия обустройства мира?

Андрей, щурясь на огонь, улыбнулся.

— Сказка-то? Представляешь — да, одна из версий. Но есть и другая. О том, что Мегавселенная сама похожа на лабиринт. Помнишь детскую игрушку — прозрачный кубик с перегородками, а внутри катается шарик, и надо перегонять его с одного уровня на другой?

Точно. Была у меня в детстве такая.

— Так вот. Шариков много. Это миры. И они перемещаются по уровням Мегавселенной. А иногда — сталкиваются…

— И происходит наслоение? — понял я.

— Угу. Стас! — спросил он вдруг. — Ты не передумал уходить? Может, останешься?

— В самом деле, Стас! Мы бы очень хотели, чтобы ты задержался! И Андреас, и я, — подала голос Рита. — А миры никуда не денутся!

Она улыбнулась.

— Спасибо, ребята, мне действительно надо идти. Но мы обязательно увидимся!

— Жаль, — с грустью сказал Андрей. — Но раз ты решил… У тебя есть адаптер и флешка, рекомендации те же. Если тебе понадобится помощь, ты всегда можешь позвать Артура. Он услышит тебя из любого мира.

— А если… мне не захочется звать Артура?

Собственно, это был не вопрос. Так. Мысли вслух.

— В самом деле! — Рита с укором покосилась на жениха. — Зачем нам Артур! Ты всегда можешь позвать Андреаса, Стас. А он сможет позвать тебя. А если что — я помогу.

— Ну, тогда и бояться нечего, — весело объявил я, обнимая их обоих.

Потом я отправился спать. Завтра в путь…

Утром мне наконец-то удалось вскочить раньше всех. Раньше всех — потому что Андрей с Ритой так и не уснули, всю ночь… проболтав.

Рита собрала мне полный мешок всякой еды. А я не стал отказываться.

В окно я видел, что Дитрих и Тери уже ждут меня у колодца…

— Ну, не грустите, ребята! — сказал я уже на пороге, видя слишком печальные лица моих друзей. — Андрей, когда-нибудь мы встретимся, и я скажу: «Привет, Андрюха!»

— «…Рад, что не ошибся в тебе», да? — улыбнулся мой друг.

И тут до меня, дурака, наконец дошло! Только сейчас я понял, почему он узнал меня на пристани. «Вы должны были общаться раньше», — сказал Артур. Конечно, ведь я отправил Андрею сообщение — выдуманному Андрею, из профайла. Просто так написал, по приколу. А ведь если бы я тогда этого не сделал…

Он не узнал бы меня. И ничего бы не было.

Или было?

Да кто теперь разберет…

ЭПИЛОГ

Светло-золотистый флаг с изображением бронзового феникса гордо реял на главном корпусе академии Эссенс.

Широкий двор был заполнен взволнованными студентами и преподавателями. Праздник посвящения уходит корнями в глубокое прошлое. Он есть во многих странах, во многих мирах. Это необычный день. Момент, когда начинаешь чувствовать себя принадлежащим ДЕЛУ. Не так важно — какому. Главное, чтобы — настоящему. Твоему. Любимому. Единственному. Самому-самому.

Студенты-эссенсы, как и выпускники академии, на занятиях и на работе носят белые с голубым халаты. Но сегодня все пришли нарядно одетыми.

Уже прозвучали в Бежевой аудитории слова поздравлений ректора и деканов трех факультетов: основного, выпускающего эссенциалистов, неологического, выпускники которого становились детскими корректорами, и экстренно-прикладного, обучающего хирургов и реаниматологов. На студентов этого факультета смотрели снисходительно, сверху вниз. «Они не владеют теорией сущности», — шептались «настоящие» эссенциалисты. И совершенно несправедливо! Экстренники проходили весь курс обучения корректоров, вот только использовать эти знания в повседневной практике им почти не удавалось. Они занимались другими вещами.

За поздравлениями последовал концерт, подготовленный старшекурсниками — все как всегда, как везде.

И вот сейчас эссенциальная братия переместилась во двор. Прошел слух, что сегодня торжество посетит сам Первый трибунальщик Лабиринта, и присутствующие с опаской и восторгом ждали появления судьи.

Такого не было ни разу за всю историю существования академии, насчитывающую без малого сто лет.

Трибунал уважали, но боялись. И не очень-то любили, на что были веские причины.

Но нынешний Первый был не просто трибунальщиком и даже не только выпускником академии, что хотя и редко, но случалось.

Он был сожженным магом. А этот факт не мог не вызвать симпатии и не придать личности Артура Пелганена некоего романтического ореола.

Наконец зашумели лопасти вертолета.

— Летит, летит! — кричали вокруг, задирая головы.

Геликоптер приземлился на лужайке, из него под гром аплодисментов вышли Артур с женой.

Они поднялись на крыльцо, прямо к установленному микрофону, возле которого уже ждал ректор.

Он начал говорить первым.

— Магистры и студенты! Сегодня к нам приехал наш дорогой Артур Пелганен — в прошлом выпускник академии, а ныне — Первый судья Трибунала.

Он предупредил жестом готовые сорваться аплодисменты.

— Но он приехал не один. И в первую очередь давайте поздравим нашего уважаемого судью, а также его молодую супругу с бракосочетанием!

Ну тут уже все захлопали, закричали, затопали ногами от восторга, поздравляя чету Пелганен.

Артур откашлялся и, не выпуская Светиной руки, заговорил.

— Спасибо! Огромное спасибо. Дорогие первокурсники! Уважаемые преподаватели и студенты! Сегодня ваш праздник. И я желаю вам никогда, ни за что не жалеть о той дороге, которую вы выбрали. Потому что человеческая сущность — это самое прекрасное, что есть на свете…

— Правильно! — заорал кто-то, но на него шикнули. Артур продолжал:

— Куда бы судьба вас ни забросила, в каких бы мирах и передрягах вы ни оказались, помните: вы нужны. Без вас не обойдутся. И еще. Какими бы… классными специалистами вы ни стали, вы все равно будете делать ошибки. Иногда это мелочи, иногда это очень страшно. Но это неизбежно. Потому что все мы люди. А людям свойственно ошибаться. Так вот. Не бойтесь ошибок, бойтесь бездействия. Ведь быть эссенциалистом — это не значит знать теорию. Это значит — понимать других людей. И по возможности помогать им.

Артур замолчал.

Через мгновение аудитория уже снова рукоплескала, вдохновленная его речью. Когда все немного успокоились, ректор объявил:

— А теперь переходим к завершающей части нашего с вами праздника.

Он отвернулся от микрофона и обратился к Артуру:

— Вы сами скажете или мне?

— Лучше вы.

Ректор задумался на минуту, подбирая слова. И тот же звонкий голос, который раньше выкрикнул Артуру «Правильно», задал мучивший всех вопрос:

— А правда, что вы отменили костры?

Повисла тишина. Двести пятьдесят пар глаз, не считая преподавателей, с надеждой и страхом смотрели на Первого.

Артур взялся за микрофон.

— И да — и нет! — сказал он.

Никто не издал ни звука, и Артур продолжил:

— Я отменил сожжение как наказание. И пока я жив, в стенах Трибунала костры полыхать не будут.

Несмотря на жест Артура, эссенциалисты бешено зааплодировали. Никто не кричал, потому что эмоции так переполняли каждого, что выразить их словами или просто голосом не получалось. Наконец буря утихла, и Артур смог закончить.

— Но костер для эссенциалиста — это не наказание. Это его сущность. Его жизнь. Пока горит костер — есть тепло, свет… и любовь! И поэтому сейчас… — Артур повысил голос. — Мы с вами будем прыгать через костер!

В первый момент присутствующие даже слегка испугались. Но тут же сообразив, что предстоит грандиозное развлечение, что праздник продолжается, все, в который раз уже за сегодня, наградили Артура овацией.

Тут же в нескольких местах широкой площадки перед крыльцом вспыхнуло оранжевое пламя. Люди в мистическом благоговении попятились.

— А прыгать будем парами: мальчик и девочка! — подала Света голос в микрофон.

Все радостно загалдели.

Сердце Артура затрепетало так, что стало тяжело дышать.

— Ну мы же должны показать им пример! — невинно хлопая глазами, произнесла девушка.

Артур взял Свету за руку. Они встали в пяти шагах от центрального костра.

Присутствующие замерли в предвкушении невиданного зрелища: трибунальщик, сам Первый, прыгает через огонь!

Артур, как завороженный, вглядывался в танцующее пламя.

В академии всегда говорили: «Хочешь отличить эссенса от мага — предложи им прыгнуть в костер. Первый не сгорит, второй — не полезет».

И Артур чувствовал, что сейчас он больше — маг. Ведь и тогда, после оглашения приговора, он не хотел, не хотел подчиняться огню… Поэтому остался здесь.

А сейчас — никто не заставляет…

— Я считаю до трех и побежали! — шепнула Света. — Раз!

«Что-то надо сказать, — металась в голове отчаянная мысль. — Может, заклинание или…»

— Два!

— Aliis inserviendo consumor![2] — прошептал Артур.

— Три!

Они рванулись с места и под ободряющие крики собрания пронеслись над пылающим в ночи пламенем…

notes

Примечания

1

Автор текста — Эльдар Сафин.

2

«Светя другим — сгораю сам». (*лат.*).